

СТРЕЛЫ

№ 18 СЕНТЯБРЬ 1981

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!

Города, что люди, рождаются, растут, стареют.

У них, как у людей, своя биография, свой облик, свой характер.

Существует поговорка: что ни город, то новов.

Конечно, это сказано о городах старых, сложившихся, устоявшихся. Сказано с оттенком уважения. О молодых такого не говорят. О молодых больше принято острить по поводу их безликости, иронизировать над их близнецовой схожестью. Это даже в кинокомедиях обыгрывают как самую примечательную деталь.

Но города строят люди. Если хотите, по своему образу и подобию. Так что, если они и получаются у нас скучными и прямолинейными, без полета фантазии или, напротив, уж очень перемудренными, иронизировать нам следует над собой.

становлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР наряду с другими новостройками химической промышленности было предусмотрено сооружение на территории Татарской АССР мощных предприятий по производству новых видов пластических масс и синтетических каучуков, крупных газобензиновых заводов по производству сырья для химической переработки.

Этот выбор не был случайным. В ту пору Татария являлась главным нефтедобывающим регионом страны. Промышленная нефть Тюмени будет найдена только через два года. Ее пробная промышленная эксплуатация начнется через шесть лет. И пройдет еще много времени до открытия крупных месторождений нефти и газа, которые позволят назвать Западную Сибирь энергетической кладовой. Так что те, кто в 1958 году решал нефтехимическую судьбу Татарии, мыслили трезво и, главное, экономически грамотно: нефтехимический комплекс на Нижней Каме оказывался в центре сырьевой базы, он мог переработать попутные нефтяные газы, которые до той поры сжигались в факелах. Полноводная река, практически связанная со всей водной системой европейской части страны, и близость железной дороги сразу решали транспортные проблемы. Благопри-

комплекса. Возглавлял эту работу «Гипрокаучук». Проектное задание на застройку города разрабатывал московский «Гипрогор».

В середине декабря 1960-го было принято постановление о начале строительства, которое возлагалось на трест «Ленингорскнефтьстрой». 25 декабря сюда направили первую группу строителей, среди которых был и тридцатилетний инженер Карим Валиуллин.

Нынешним знойным июлем я встретился с Каримом Хамидуллиным, попросил рассказать о том далеком уже дне, ставшем днем рождения Нижнекамска.

— В ту пору я работал в Ленингорске после окончания Казанского инженерно-строительного института. Наш трест обустривал нефтяные месторождения, но к концу шестидесятого года фронт работ стал сокращаться, нужно было подыскать какое-то новое большое дело. Как раз тут и заговорили о строительстве нефтехимического комбината на Нижней Каме. Во второй половине декабря четверых работников нашего треста — меня в том числе — вызвали в Набережные Челны на совещание, где обсуждался вопрос о предстоящей стройке. Там я впервые увидел проект и макет будущего города на 170 тысяч жителей и комбината. Каждый из них располагался на

хоть как-то мог ориентироваться, пошел впереди колонны, ногами нащупывая твердый грунт дороги. Следом двигался бульдозер, расчищая путь остальным.

Села тут тянутся вдоль оврагов, поближе к родниковой воде, и дома окнами развернуты к оврагам, а спиной к полю, дороге. Так что, когда подъезжаешь к деревне ночью, не видно ни огонька. Очень легко проскочить мимо.

Часов в девять уперлись в плетень около чьей-то усадьбы. Смотрю — дальше дома. Ахтуба, значит.

— Все, — кричу ребятам, — приехали!

Дали, естественно, салют из охотничьего ружья в честь такого события. Из домов народ высыпал посмотреть на первостроителей. Стали разбираться по домам на ночлег.

Человек восемь определили к старику Чернову. Жил он со старухой, дочкой и маленьким внуком. А тут еще коза окотилась, и двух козлят, чтобы не померзли, тоже в избе держали. Но что делать? Спать мы улеглись на полу. Старик Чернов был чуть-чуть навеселе и при свете керосиновой лампы все поигрывал на скрипке татарскую песню «Баламишкин». Старуха с печи его ругает по-татарски: зачем, мол, пустил столько народу, самим тесно. А он: «Людам надо отдохнуть», — и все лиликает на скрипке, а по нашим телам прыгают козлята. Но мы уже спим, ничего не слышим и не чувствуем. Устали.

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

НИЖНЕКАМСКИЙ ЖАРА

Что такое человеческий возраст в пятнадцать или двадцать лет? Это пора подростковой, пора юности. Для городов это младенческие годы. Правда, в соответствии с нынешними темпами они успевают даже за этот короткий срок здорово вытянуться и в ширь и в высоту, однако все это лишь пресловутая современная акселерация, бросающая внешнюю примета, от которой до внутренней зрелости, времени духовного возмужания еще жить да жить.

Нижнекамску от рождения двадцать лет. В разряде городов он числится пятнадцать. Путь от первого камушка до звания города он проскочил, как видим, всего за пять лет. Темпы, что и говорить, стремительные. За ними труд и воля людей, а главное — объективная необходимость в создании этого города.

Нынешние молодые города встают чаще всего на голом, но — да простится мне игра слов — не на пустом месте. Яркое тому подтверждение — история Нижнекамска.

Майский (1958 год) Пленум ЦК КПСС обсудил важнейшие проблемы развития химической промышленности и наметил ряд конкретных мер по увеличению производства искусственных каучуков, синтетических материалов, химических удобрений. Через полтора месяца по-

ятные климатические и природные условия позволяли строить здесь крупный город, который, несомненно, должен был вырасти рядом с промышленным комплексом. И, наконец, наличие удобных площадок для размещения предприятий и самого города давало проектировщикам возможность разработать такую систему застройки, которая могла наиболее безболезненным образом разрешить извечную коллизию — «химическое производство — город».

Решение о создании нефтехимического комплекса на Каме явилось первым звеном цепочки, которая быстро стала наращиваться другими звеньями и стремительно понеслась к исходной точке любого города — первому колышку.

Уже летом 1958 года специальная комиссия из трех предварительных вариантов выбрала площадку юго-западнее города Набережные Челны, которая по своим санитарно-гигиеническим и прочим условиям больше всего подходила для размещения комбината и города. Вскоре сюда пришла экспедиция изыскателей. В короткий срок она сумела обеспечить технической информацией десятки проектных институтов страны, коим предстояло выдать проектно-техническую документацию Нижнекамского промышленного

возвышенности, а между ними лежала двенадцатикилометровая санитарно-защитная полоса, которую занимали лесопосадки, сады, поля, Роза ветров в том районе такова, что выбросы заводских газов, если они вдруг случатся, будут отнесены в сторону от города. А сам город — высотный, красивый, белый — был так интересно и с заботой о жителях спланирован, что, как нам объяснили, его проект получил золотую медаль на ВДНХ.

После совещания приехали из Челнов на машинах посмотреть будущую стройплощадку: бескрайнее снежное поле между деревнями Ахтуба и Афанасово. Короче, начинать придется с нуля.

Утром двадцать четвертого декабря первая группа механизаторов — двадцать два человека — отправилась по железной дороге из Ленингорска на станцию Круглое Поле, ближайшую к будущему городу. Везли тракторы, бульдозеры, жилые передвижные вагончики, котлы водяного отопления, гвозди, лопаты, инструмент — все, что нужно для работы и обустройства на первых порах. А я с шофером Павлом Фетяско решил добираться своим ходом на автокране. Допусти наших уже в Круглом Поле, на разгрузке, и к вечеру потянулись колонной к месту назначения. Это километров сорок.

Когда стемнело, наезженную колею, заметенную снегом, совсем не стало видно. Я, единственный, кто тут был раньше, а потому

Такой была их первая ночь в будущем Нижнекамске. А свой первый день они отметили «историческим» актом.

У них имелся только ситуационный, эскизный, план будущего города, на котором очертания кварталов обозначались лишь примерно. Но один, ближний к Ахтубе, был проработан достаточно детально, даже расположение домов обозначено и сопряжено с очертаниями деревни.

Валиуллин продолжает:

— Я отмерил от крайнего плетня положенное расстояние, вбил четыре кола, сказал: тут будет построен первый дом города, везите сюда блоки под его фундамент.

Потом они стали чистить бульдозером дорогу, разбивать пионерную базу, подвозить туда вагончики, котельную, передвижную электростанцию. И когда через неделю на стройку прибыли первые двадцать комсомольцев — Зинаида Златковская, Клава Сафонова, Борис Демин, Леонид Пермин и другие, — они увидели, как вспоминает Клавдия Ивановна Сафонова-Гончаренко, несколько вагончиков со светящимися окнами, наскоро сколоченный деревянный домик конторы с красным

флагом на крыше — короче: обжитой «поселок».

Комсомольцы провели собрание, выбрали первым своим секретарем Клаву Сафонову. С этой организации и началась комсомольца Нижнекамска, в рядах которой сегодня насчитывается более двадцати пяти тысяч человек.

Их первые шаги на этой земле были трудными.

Хлеб они возили из Набережных Челнов. В дороге он успевал промерзнуть, и его приходилось рубить топорами, пилить пилами. Оттуда же доставляли обеды: первое — в автоцистерне «Молоко», вторые блюда — в бидонах. В столовую — наспех сколоченный навес из досок без стен и пола — каждый приходил со своей миской. Воду поначалу возили в бочках из Ахтубы, а когда тамошний пруд перестал справляться с нагрузкой, трактор с трехкубовой емкостью отправлялся за ней в Красный Ключ, поселок в семи километрах на берегу Камы.

Тяжелым испытанием стала для них первая весна. Здешние грунты пористы, легко впитывают влагу и раскисают до жидкой грязи. Местные жители предупредили: весной наступит бездорожье. Однако первостроители не предполагали, что оно может быть таким непроходимым. В пионерном поселке тракторы

УТРО ГОРОДА.

Молодые города

ЖТЭР

так размесили колею, что через нее для людей пришлось строить воздушные деревянные переходы, как на железнодорожных станциях, а вдоль улиц — дощатые тротуары, по которым только и можно было ходить.

— Однажды я оступилась, — рассказывает Зинаида Павловна Златковская, — и ввалилась по грудь в яму с грязью. Барахтаюсь, никак не могу выбраться. Подогнали автокран, стрелой кое-как меня вытащили, но сапоги там, в грязи, так и остались.

Когда в апреле нужно было срочно остолбить полосу автодороги Нижнекамск — Набережные Челны, то ни автомашины, ни лошади пройти уже не могли. Люди по колено в грязи тащили те столбы на себе, но задание выполнили.

Первого мая 1961 года на демонстрации в Набережных Челнах Клава Сафонова должна была от имени первостроителей передать привет труженикам района. Накануне вечером она отправилась на тракторе в Красный Ключ, чтобы оттуда на речном трамвае плыть в Челны. Но на полдороге в здешних непролазных хлябях трактор «разулся». Пришлось возвратиться. Почистились, вымылись, попили чайку и на другом тракторе среди ночи снова пошлепали

на берег Камы. К началу демонстрации Клава была в Челнах.

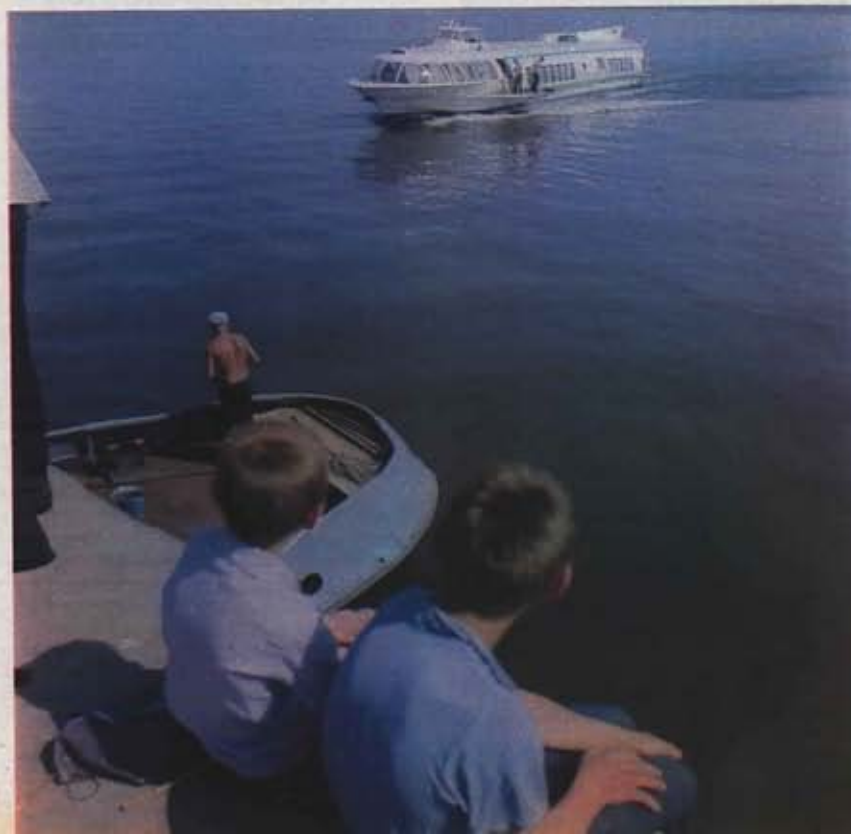
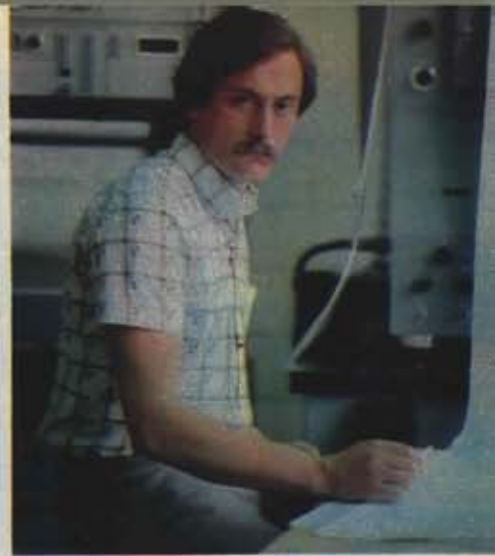
Так они жили, работали. Каждый день трудом прибавляя здесь что-то новое.

Васима Сабировна Закирова, заведующая отделом пропаганды горкома партии, чтобы мне было легче войти в курс городских дел, подобрала целую стопку разных книжек, брошюр, справок о Нижнекамске. Что больше всего поразило: скрупулезность, с которой велась летопись города. Сейчас население города подошло к ста пятидесяти тысячам. Здесь вырабатывается более третьей части общесоюзного производства изопрена, этилбензола, более четверти этилена, бутадиена, стирола. Объединение «Нижнекамскнефтехим» — главный их производитель в стране. И рядом с этим в его летописи остались мелочи, которые не идут ни в какое сравнение с

приведенными выше гигантскими цифрами.

Не забыто, например, что первый кирпич и лес прибыли на стройку 3 января 1961 года, что первая парикмахерская на два кресла открыта 6 мая и что мастера Е. А. Пахомова и И. Ф. Леонов обслуживали за день по тридцать клиентов. Тут помнят, когда открыт первый быткомбинат с пошивочной, часовой, сапожной мастерскими и фотографией. Когда начала работать первая баня, почтовое отделение, медпункт. Летопись города не забыла рождение первого ребенка, первую свадьбу, первый магазин, кинотеатр и даже то, что пер-

**КАНДИДАТ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК,
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА ВЛАДИМИР
КУРБАТОВ — СТАРОЖИЛ
НИЖНЕКАМСКА.**

**ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ
ПРОФЕССИЙ ГОРОДА —
НЕФТЕПЕРЕРАБОТКА.**

КАМА — РЕКА РАБОЧАЯ.

вой кинокартиной, показанной в Нижнекамске, была «Тишина».

Поначалу такая скрупулезность вызвала улыбку. Позже — уважение к ее глубинному смыслу. Если люди, возведя крупнейшие в Европе нефтехимическое и шинное предприятия, не забыли о какой-то парикмахерской на два кресла и сапожной мастерской, можно быть уверенными, что они умеют уважать труд как таковой и результаты труда независимо от их масштабов. Уверен, что эта черта первостроителей сказалась и на городе Нижнекамске, его внешнем облике и характере, его традициях.

Первоначально, как уже сказано, он был задуман городом на 170 тысяч. Но уже в 1968 году в связи с изменением состава и увеличением мощностей промышленных предприятий его будущее население выдвинулось в 250—300 тысяч. Определенную сумятицу в развитии Нижнекамска внесло строительство автогиганта в Набережных Челнах. Подобное изменение конечной цели — обычная детская болезнь молодых

СМЕНА 1

Наша обложка:
«Пуск».
Картина художника
Владимира
НИКОЛЬСКОГО
(Нижекамск).

- 1** МОЛОДЫЕ ГОРОДА.
«НИЖНЕКАМСКИЙ ХАРАКТЕР».
Фотоочерк Леонида ПЛЕШАКОВА
и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 2** Стихи Вадима ПОЛУЯНА.
- 3** Стихи Михаила ШЕВЧЕНКО.
- 5** Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.
«ПО ЗАКОНУ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА».
Публицистические заметки.
- 8** Рассказ Николая ГАЦУНАЕВА
«НЕ ОБРОНИ ЯБЛОКО».
- 11** Стихи Владимира ШЛЕНСКОГО и
Амангали СУЛТАНОВА.
- 12** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 16** Вальтер ХАЗЕНКЛЕВЕР.
«КОРИЧНЕВЫЙ ПАНОПТИКУМ».
- 20** «БУХТА ГРИНА».
- 21** ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНЫ».
«ОБЩЕЖИТИЕ».
- 22** КАК СПОРТ СТРОИТ ЧЕЛОВЕКА.
Станислав ТОКАРЕВ. «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ВИКТОРА УГРЮМОВА».
- 24** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Джон Д. МАКДОНАЛЬД. «ЛИНДА».
- 28** НОВАЯ РУБРИКА «ПЛАНЕТА НЕОЖИДАННОСТЕЙ».
«ПОДВОДНЫЕ ЧУДЕСА».
- 30** СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШЕВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СА-
ЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный худож-
ник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

Вадим ПОЛУЯН

Ильичево поле

Я в алтайском совхозе «Степной»
видел поле с пшеничной стеной.
Это поле похоже на прочие:
в знойный день испечет, как на противне!
Это поле перед страдой
расцветает рубах пестротой.
Это поле другим не чета:
кто о нем в Кулунде не читал?
Здесь народ перед жатвою густ.
Старики с молодыми в компании.
Мастера хлеборобских искусств
новичков посвящают в комбайнеры!
А один, молодой, да ранний,
любопытством старших таранил,
руку мастера сжал до боли
и спросил, как сразил наповал:
— Ильичевым зовут это поле,
но Ильич-то здесь не бывал?
— Не бывал,— улыбулся мастер.—
Не поспел... А название дано.
Так бедняк, добывая счастье,
это поле назвал давно.
Видишь, трактор на постаменте?
Хоть и старый, а молодец!
Здесь назад тому полстолетия
этот трактор водил мой отец...
Вздут был Дутов. Завах Колчак.
Речь— о хлебе, о калачах.
Вызывала весна на распашку.
Поле нежилось— грудь нараспашку.
На, бери его, кто способный!
Богатен ладони трут.
А бедняцких семей с полсотни
свел в коммуны крестьянский труд.
Подчитали: на двор— пол-лошади.
Смех кулацкий в их души проник:
как блины, посевные площади
аппетитны, да не про них!
«Нет, про нас! И блин и шаньги.
Только как их добыть?.. Решайте!»
И решил самый храбрый, с характером:
«Надо съездить в Москву. За трактором».
Трудно путнику, вшой исколоту:
на одеже чини махры,
кипятком опивайся с голоду,
объедайся дымком махры.
Забастует состав в дороге,
добывая паровозную сечь.
Обреченно ложись на дроги,
подцепив тифозную сечь...
Богачи душой, а не лапотники,
пробуравили толщу верст

и достигли, как до галактики,
до заветных кремлевских звезд.
Пропустили их во дворец.
А дворец-то... просит дровец!
Но внутри неусыпным нервом
билась мысль и, опоры подняв,
вырастал, как в мозгу инженеровом,
мост к сегодняшним, нашенским дням.
Древней вязью— мороз по стеклам.
Друг-беседа под чай текла...
В этом мире, несытом, нетеплом,
лишь рука Ильича тепла!
Две ладони, как пару обойм,
он в мозоли вложил обойм.
Были ведомы лбу-громаде
беды потной мужицкой страды,
как вместилищу сложных грамматик
для неграмотных зодчих страны.
А в Приморье— война! А в Поволжье
голод голых гложет по-волчи...
«Хоть не время несрочным тратам,
непреренно дадим вам трактор!»

Дал!.. И дело пошло полегче.
Коммунары расправили плечи,
клали сошку в музей, как мумию,
удивляли страну калачом.
Тракторами мужик за «коммунию»
до кровей воевал с кулачем.
Расписал ой поля лесополосами,
как пушистым узором унты.
Не узнать под зелеными полостями
своенравной, тугой Кулунды!
А в массивах июльских, сочных,
где ветра нежней опал, жив,
как память, земли кусочек,
той, что ленинский трактор вспахал!

городов, которая остается приметой наших просчетов на всю жизнь в их обличье.

К счастью, Нижекамск сумел с честью выйти из ловушки, уготованной ему планированием. И причиной тому стало все то же уважение к труду, к его результатам, которое с самого начала исповедовали нынешние строители.

Проектировщики города задумали его как живую развивающуюся систему. Он должен был расти от периметра к центру, от черноземных полей к берегу Камы. Каждая стройка мечется между Сциллой и Харибдой по имени «можно и нужно». Растущее население требует быстрого ввода жилого фонда, соцкультбыта и прочего, что необходимо людям. Тут уж не до философского осмысления будущих задач города, когда не завтра, не через год, не через двадцать лет, а сегодня, сейчас нужны детские сады, школы, ясли, те самые квадратные метры жилой площади, где могут отдыхать между сменами люди, ради которых весь этот город затеян. В таких экстремальных условиях всегда появляется искусственный барьер будущими благами и выгодами, а любым способом добиться сиюминутных элементарных удобств. И, если не устоять против этого соблазна, не найти третий, компромиссный путь, обшарпанные временяки вылезут на будущие магистрали, центральные площади, сведут на нет самые блестящие градостроительские идеи.

К чести нижекамцев, они сумели устоять от подобных соблазнов. У них были временяки. Несколько вагончиков и барачков все еще стоят в пионерном

поселке в ожидании слома. Но ни один вагончик, барак, саманный домик даже в самый трудный период не перешагнул городской черты. Они остались за ее пределами.

Любопытна и показательна в этом отношении судьба первого каменного дома города. Да-да, того самого, что разметил четырьмя колышками Карим Валиуллин в первое утро Нижекамска.

19 апреля 1961 года до того безымянное поселение строителей было официально зарегистрировано как рабочий поселок Нижекамский. А через четыре дня состоялась торжественная закладка фундамента первого дома будущего города. Был митинг, была разрезана красная ленточка. Экскаваторщик Дмитрий Пантелеевич Булавкин— глава прославленной строительной династии Булавкиных— вынул первый ковш грунта... Заселили тот четырехэтажный дом... через два с лишним года.

— Что же так медленно строили?— спрашиваю Валиуллина.

— А мы его и не строили. Закладка нужна была как символ. Возводить четырехэтажную коробку без канализации, водопровода— обрекать жителей на мучения. Первое каменное здание, которое мы построили в городе,— средняя школа на 960 учащихся. Сдали 30 августа 1962 года, как раз к началу занятий.

Требовательными к себе они оставались и во всем остальном. Генплан предусмотрел, что главная транспортная магистраль пройдет по периметру города, а улицы будут отданы пешеходам, трамваям и автобусам. Все

Михаил ШЕВЧЕНКО,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Украины

Баллада о сенокосе

Когда вернул последние долги,
когда в работе поистратил силу,
я пошутил:

— Теперь пора в могилу,
не обвинят ни боги, ни враги.
И тут как тут, без стука, на порог
явилась Смерть с огромною косою:
— Ну, собирайся. И пойдем со мною,
раз на земле ты выполнил свой долг.
Я усмеялся. Я и здесь не спик,
не чужа в теле хвори и износа.

— Давай, давай!
Теперь ты — мой должник.
Бери косу. Годна для сенокоса?
...Была трава запутана, как ложь.
Была коса как будто бы в порядке.
Косила Смерть.

Я наступал на пятки:
— Эй! Так косить — так с голоду помрешь!
Я ей сказал:

— Начислю трудовень.
Тебе полезно, старая худоба,
узнать, как сладок хлеб у хлебороба.
Коси, коси! Пока что рано в тень.
Но Смерть, с трудом осилив три шажка,
легла под куст, хватая воздух жадно.
— Чего ж ты, ведьма, нас берешь

за жабры?
Небось, работать — так кишка тонка?
Уже скрываясь за широкий взлобок,
я вел прокос, и молча в стороне
глядела Смерть вослед
в бессильной злобе
и, кажется, завидовала мне.

Ранние птицы

Когда предзвездного сна
колдовская рука
слепучим манжетом сверкнет
по истерзанной ночи,
они пролетают рядом ненаписанных
строчек,
под ними душа моя светится, словно река.

Тревожные шеи.
На крыльях — таинственный свет.
Да гомон прощальный за ними плывет,
нарастая.

Они пролетают над домом —
последняя стая,
за ними ни птицы во всем полушарии нет.

Как сердце заплачет,
не в силах беду превозмочь!
Как холод скользнет между плеч, остужая!
Я сам, будто птица, лечу в горизонт,
проводя

последнюю стаю,
свою беспокойную ночь.

Как сладко спалось мне,
покуда не знал я про вас,
скользящая в роздымь осенняя
ранняя стая.

Окончилась ночь,
и рассвет, словно песня, растаял,
и солнечный лучик в окно заглянул
и погас.

Мне вечным казалось сияньем
родительских лиц,
и песнь соловья,
и твое золотое дыханье,
и розы в росе...

А выходит, что это прощанье —
недолгие проводы в даль улетающих птиц.

Так что ж она, вечность?
Далекие дали? Года?
И где этот берег
и где эта страшная пристань?
Ничто мою боль не излечит —
во веки и присно!

Как ранние птицы
назад не летят никогда...

Манна с неба

«Уродило, будто не к добру».
Народная поговорка.

Взошло, забушевало, зацвело,
так уродило, что поднялось небо.
Все от тебя —

и тучный колос хлеба,
и корень,
и надежда,
и крыло.

Так что ж стоишь в несмелости
своей,

извечный пахарь мой,
святой безбожник?
Зачем ты так —

растерянно, тревожно
согнулся, как чужой, среди полей?
Зачем дрожит усталая рука?
Зачем тревога обжигает слепоту?

Как будто впрямь
упала манна с неба,
что ты не заработал за века.
Зачем же столько хлеборобских
смен

легло костями на этой пышной
ниве?

Да чтобы ты порадовался с ними!..
Ужель людская вера только тлен?
Пускай тревога
душу не печет.

Слышал ли ты,
припомнишь быль и небыль,
чтоб хоть зеринка

выросла на небе?
На небе хлеб, ты знаешь,
не растет...

Звенят колосья, словно серебро,
плывут машины в мареве
туманном...

Пускай щедрее сыплет небо манну
перед добром
и людям на добро!

Стихи для тебя

Светлане.

I

Ну почему любовь моя
трудна?
Еще не выпив губ твоих до дна,
в глазах уже прощанье наше вижу,
и сам себя за это ненавижу,
и каменею сердцем всякий раз.
О, сколько — помнишь? —
было и у нас
шалых ночей

в рябиновом цветенье!
Они пьянят мое воображенье,
Они — без срока!
«Будет утро? Да?»
Ах, боже мой, какая ерунда!
Нам — безразлично.
Вечен миг свиданья!

Зачем же так горьки
мои страдания?
Зачем во встрече чую я разлуку?
Зачем дыханьем согреваю руку,
что опалает ледяным кольцом,
и каменею сердцем и лицом?

II

Так долго катится твоя слеза!
Как болью, наполняется ответом.
И падает.
И целым белым светом
ее уже не повернуть назад,
Поблекнут травы яркого пера,
у речки обмелеют перекаты.
Я удивленно гляну во вчера,
где был еще ни в чем не виноватым.
Ах, как бесповоротен наш удел!
Ах, как бесповоротность
нас пугает!

Коснусь щеки —
и сердце закипает:
твою слезу вернуть я не сумел...

Но снова будут травы зелены
и речка глубока и многоводна:
твоя любовь
всесильна и свободна,
моя любовь
бескрыла от вины.

III

Сошью тебе, отбросив все затеи,
осенний плащ,
покуда лист не сник,

чтобы бродяга-ветер не проник,
не дотянулся до высокой шеи.
О, как она беспомощно тонка,
как светится мерцающим пунктиром!
Как беззащитна перед целым миром!
Ничья не оскорбит ее рука.
Пускай наш путь неровен

и петлист,
пусть позади мосты пылают грозно.
Пойдем! Пойдем!
Еще совсем не поздно,
еще горит в лесу осенний лист...

Ну почему любовь моя трудна?..

Перевел с украинского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

это выдержано, причем коммунальный транспорт оттеснен к центру улиц и отсечен от жилых строений и широкой пешеходной части плотными рядами деревьев. Ни шума от него, ни опасности. По этому же принципу застраиваются микрорайоны города: движение машин — только по периметру, внутри передвигаться только пешком. Если учесть, что каждый микрорайон имеет свою школу, детский сад, комплекс магазинов, зону отдыха с полным благоустройством и озеленением, то станет понятным, насколько защищены их жители от внешних раздражителей. Мать может быть спокойна за ребенка: по дороге в школу, детский сад, магазин ему не нужно переходить улиц с автотранспортом, играя на площадке в мяч, он не выбежит на проезжую часть.

Первый вопрос, который задают нижекамцы приезжему: понравился ли наш город? Второй вопрос: правда, он лучше и уютнее Набережных Челнов? Соперничество более динамичного и более обласканного вниманием соседа нижекамцы переживают болезненно. И чтобы сделать хозяевам приятно и одновременно не погрешить против истины, каждый раз приходится уводить разговор в философские рассуждения, что-нибудь вроде: ваш город — город будущего.

Лукавства в подобной формулировке ни грама. Нижекамск даже сейчас зелен. Скверы, бульвары, улицы — в березах, кленах, тополях, соснах. Даже в нынешнее знойное лето много цветов. Горожане жалуются: все выгорело, приехали бы в прошлом году — тогда цело.

По высоте деревьев можно судить о возрасте микрорайонов. Когда с годами деревья подрастут и уравниются, горд большой химии станет одним из зеленейших городов страны, но уже и сейчас он собирает призы за свое благоустройство.

Однако, рассуждая о нем как о городе будущего, имеешь в виду не только это. Строго говоря, города — имея в виду единую законченную систему — еще нет. Есть ряд микрорайонов, отлично и со вкусом спланированных, но еще не переплавленных в одно целое. Нижекамск не имеет центра. Там, где через несколько лет встанут административные и общественные здания, спортивные комплексы, раскинутся центральные площади, скверы, бульвары, то есть все то, что объединит и увяжет покуда разбросанные микрорайоны, — там сейчас раскинулись пшеничные и кукурузные поля. В некоторых местах из них стали пробиваться фундаменты и объемы будущего центра. Но вся эта часть в ожидании застройки.

Плохо это? Хорошо? Если мерить от сиюминутных потребностей, от нехватки кинотеатров, спортплощадок, конечно, хорошего тут мало. Но город рождается не на один день. Ему жить и расти долго. И, честно говоря, нижекамцам можно только позавидовать, что у них хватило характера не позариться на свободные близкие площадки, а уйти с застройками дальше от центра, сохранив нетронутыми самые ценные территории, которые в будущем станут формировать и определять лицо города. Это же мечта любого градостро-

ителя: иметь мощную строиндустрию, развитую инфраструктуру и свободные площадки, которые позволяют пофантазировать.

Поживем — увидим, насколько талант архитекторов окажется достойным характера строителей Нижнекамска. Но даже в таком незаконченном виде город химиков может поразить приезжего. Естественно, что местные товарищи стараются прежде всего познакомиться с делами химиков и шинников. Дела действительно достойны всяческого внимания. Четырнадцать заводов, входящих в объединение «Нижнекамскнефтехим», дают на многие сотни миллионов рублей разнообразнейшей продукции, которая пользуется спросом как в нашей стране, так и за рубежом. Объединение «Нижнекамскшина» обучает миллионы автомобилей, тракторов, комбайнов, прицепов, мотоциклов. И каждое из производств расширяется, обновляется, модернизируется, чтобы вырабатывать нужные людям товаров больше и лучшего качества.

Но, знаете, что меня больше всего поразило, когда заместитель секретаря парткома «Нижнекамскнефтехима» Татьяна Андреевна Ноговицина знакомила с заводами? То, что под крышами цехов живут голуби и воробьи, что зимой следы зайцев петляют по самой территории предприятия. Мы взобрались на смотровую площадку, самую высокую точку объединения, чтобы отсюда, с птичьего полета, обозреть все производственные корпуса, увидеть хитросплетение коммуникационных трубопроводов, и рядом с нами все увивалась и

тревожно вскрикивала трясогузка: волновалась за свитое неподалеку гнездо. Вот тебе и «большая химия», которая всегда так плохо уживается с окружающей средой!

На территории ТЭЦ-1, питающей теплом и электроэнергией производство и город, кусты черной смородины вдоль тротуара наливали соком крупные ягоды. В минуту ТЭЦ-1 сжигает шесть тонн мазута. По вырабатываемой электроэнергии она входит в десятку крупнейших тепловых станций страны, по выработке тепла ей вообще нет равных. Однако в память врезались не только эти цифры, но и черная смородина, растущая во дворе энергетического гиганта.

И знаете: в Нижнекамске нет ни одной печной, котельной или заводской трубы. Все тепло город получает с ТЭЦ. И, я уверен, надо было проявить характер, чтобы выдержать эту запланированную проектировщиками схему.

Сберегли тут и другую идею архитекторов — разбивку всего комплекса на три зоны: промышленную, жилую и отдыха. Зона отдыха раскинулась вдоль Камы и в прибрежном сосновом бору. Лучшие площадки отданы пионерским лагерям, домам и базам отдыха. Низинная часть поймы Камы с отшнуровавшимися старицами, которые стали озерами, пошла под коллективные сады. Практически каждый, с кем я говорил, имел там свой участок с огородом, ягодником, фруктовыми деревьями. В субботу и воскресенье город пустел, а к вечеру на трамвайных остановках толпились люди с ведрами вишни, малины,

вблизи птицефабрики назван Петушиным хутором, а два самых дальних — БАМом и Тындой. И так далее в том же плане.

Вот такой он — Нижнекамск, рожденный в чистом поле всего двадцать лет назад, в сентябре 1966 года получивший статус города. В эти юбилейные дни первостроители выступают в школах, клубах, на комсомольских собраниях. Их называют ветеранами, просят рассказать об истории города. История в 15—20 лет, ветеран в сорок с небольшим! Но таково уж наше время с его высокими темпами, что города и люди очень быстро взрослеют, их дела превращаются в исторические события.

Нижнекамск задуман городом нефтехимиков. Но очень быстро обрел профессии энергетика и шинника. Он занял важное место в экономике страны, стал ответственным звеном формирующегося Нижнекамского территориально-производственного комплекса. В недавно принятом ЦК КПСС постановлении о работе Нижнекамского горкома КПСС предложено: «...руководствуясь решениями XXVI съезда партии, сконцентрировать усилия партийных организаций, руководителей предприятий, рабочих и специалистов на решении задач дальнейшего развития комплекса и города Нижнекамска».

В перечне знаменательных фактов из жизни города я обратил внимание на то, что здесь трудятся четыре лауреата премии Ленинского комсомола. С одним я познакомился.

Биография Владимира Курбатова, **ЗАСКОРО НОВОЕ ШИННОЕ ПРОИЗВОДСТВО БУДЕТ «ОБУВАТЬ» ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ БОЛЬШЕГРУЗНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ.**

Продукты этой реакции откладываются на внутренней поверхности технологического оборудования, снижают его производительность, а то и вовсе выводят из строя. Остановить эти негативные процессы можно, добавляя вещества-ингибиторы. В принципе схема предельно ясная, неясно только, каким ингибитором пользоваться в каждом конкретном случае, ибо всякий ингибитор имеет свою собственную функцию. Тем более что круг возможных принципиальных решений в промышленных условиях сужается по сравнению с теоретическими предпосылками. Ведь ингибитор должен отвечать правилам техники безопасности, быть технологичным, не оказывать влияния на последующие стадии процесса производства, не снижать качества продукции.

Над решением задачи и работали Владимир Курбатов, сотрудница их же лаборатории Наталия Борейко, Валерий Зуев, Люция Гизатуллина, Фарид Миясова, Наталья Логинова — работники других научных учреждений и предприятий Татарии. И они за два года задачу решили, за что все были отмечены премией Ленинского комсомола.

Я умышленно не вдаюсь в подробности исследования, приносящего экономии примерно три миллиона рублей в год, так как в этом факте мне кажется примечательной вот какая сторона: результатами этого исследования, найденными и испытанными в Нижнекамске ингибиторами можно пользоваться и на других нефтехимических предприятиях страны. Иными словами, пятнадцатилетний город стал поставщиком не только различных видов каучука, полимеров, автомобильных шин, но и идей. А это продукт зрелого организма.

В НЕФТЕХИМИЧЕСКОМ ТЕХНИКУМЕ ГОТОВЯТ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ АППАРАТУРЕ.

смородины: горожане возвращались с урожаяем.

Всякий город перенимает характер у своих жителей. О некоторых чертах характера нижекамцев здесь уже рассказано. Дополню его некоторыми штрихами. Как вы, наверное, догадались, первой улицей города стал проспект Строителей, где под номером пять стоит с мемориальной доской на груди та самая историческая четырехэтажка. Ясно, что есть тут проспект Химиков и улица Юности. Этим горожане как бы увековечили трудовой подвиг первостроителей, собственный подвиг, коротко говоря.

Но они не забыли и дела других поколений. Расположенные некогда тут деревни Чабья и Ахтуба скоро прекратят свое существование. От Чабьи осталось всего несколько домов, да и Ахтуба все больше ужимается. Но, даже исчезнув с лица земли, эти деревни останутся

на карте города: их именами названы улицы, выросшие на месте крестьянских изб.

В недалекой отсюда Елабуге — всего пятнадцать минут на «Ракете» — родился и жил великий художник-передвижник Иван Иванович Шишкин. В районе нынешнего Нижнекамска он любил рисовать Каму, ее заречные дали и сосновые леса, поднявшиеся на высоком берегу. Один из боров так и назван — Корабельная роща. Шишкин ли позаимствовал тут название для картины или это благодарные потомки в честь ее окрестили лес — сейчас уже не выяснишь. Но как бы там ни было, в Нижнекамске есть улица Корабельная, одним концом нацеленная в эту самую рощу. Названа так и в честь великолепного соснового бора и в память замечательного художника.

Наверное, замечали — умные люди склонны подтрунивать над собой и над теми, кого они любят. У нижекамцев с этой чертой полный порядок. Построили четыре девятиэтажки, а рядом длинный магазин, сразу родилась кличка: «Четыре танкиста и собака». Микрорайон

ПОСИДЕЛКИ ПО-НИЖНЕКАМСКИ.

местителя начальника центральной научно-исследовательской лаборатории производственного объединения «Нижнекамскнефтехим», — проще не придумаешь. В 23 года окончил Казанский химико-технологический институт имени С. М. Кирова. Год работал в Нижнекамске, а после аспирантуры в своем же институте и защиты кандидатской диссертации вернулся опять сюда. Его научная работа была посвящена ингибированию радикально-цепных реакций и исследовала злободневные проблемы нефтехимического производства.

Не вдаваясь в подробности, суть дела схематично можно изложить так. Производство синтетических каучуков и пластических масс — это процесс синтеза мономеров в полимеры. Беда только в том, что под воздействием высоких температур и иных факторов, сопровождающих этот химический процесс, мономеры склонны, если можно так выразиться, преждевременно полимеризо-

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ ГОРОД.

СКАЗКА ПРО ЗОЛОТОЙ ОБРУЧ

Эту сказку я не прочел — услышал от кого-то в студенческие годы. Звучала она приблизительно так. В одном королевстве, во дворце, стояла деревянная шкатулка, а в ней лежал камень, по виду простой булыжник. Однако камень этот был волшебный. Пока он хранился во дворце, все девушки в королевском роду рождались удивительными красавицами. Но камень таил в себе и опасность: если бы он вдруг исчез из дворца, каждая невеста из королевского рода должна была умереть в первую же брачную ночь. А еще он мог превращать железо в золото. У короля была дочь, принцесса, удивительная красавица. Ее любил принц из соседнего государства, она отвечала ему полной взаимностью, и уже был назначен день свадьбы. Но тут случилась большая беда. Простодушная принцесса рассказала про волшебный камень подруге, а та из низкой зависти украла его. Но она не знала, что камень способен превращать железо в золото, и не стала его беречь — злорадно ухмыляясь, швырнула на грязную телегу, перевозившую булыжник для постройки дорог. Во дворце поднялся страшный переполох. В конце концов доискались до истины. Вероломная подруга во всем призналась, плакала трусливыми слезами и клялась, что больше не будет. Но что было толку в ее слезах! Телега с чудесным камнем давным-давно уехала, и никто не знал куда. Свадьбу, конечно же, отложили на неведомый срок. Принц очень любил свою невесту. Он сказал: — Я найду этот камень! Повесил на шею железный обруч и пошел по дорогам государства. К каждому булыжнику прикладывал обруч и с надеждой смотрел: не превратится ли в золотой? ...Прошло много лет. Принцесса состарилась в девушках и умерла. А принц, всеми забытый, одряхлел и почти ослеп. Одежда его вконец истрепалась, башмаки развалились, борода поседела и спуталась. Но он по-прежнему ходил по дорогам и машинально прикладывал обруч к каждому камню, о который спотыкался. Однажды он пришел в деревню и попросил хлеба и воды. Но люди прогнали его и кричали вслед: — Как тебе не стыдно попрошайничать, когда на шее у тебя золотой обруч! Вот такая сказка. Принца жалко, а нам урок: когда ищешь счастье, надо быть очень внимательным. Не найти свой камень обидно, но не так — тут вся вина на судьбе. А найти и не заметить... В таких случаях золотой обруч на шее не утешение, а насмешка.

Художник Н. К. КАЗАКЕВИЧ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ПО ЗАКОНУ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

БОКОВАЯ ДОРОГА

Публицистика — жанр строгий, вся на мысли, вся на логике. Но эта моя публицистика началась непривычно, даже странно: с ощущения, как стихи.

Было это на Минском шоссе, где-то, видимо, между Смоленском и Оршей, а может, и поближе к Борисову. Мы с приятелем ехали отдыхать в Литву, я сидел за рулем и шпарил почему зря. Вдруг впереди увидел отходящую влево дорогу. Вообще-то боковые дороги постоянно разбегались то вправо, то влево. Но на тех внимание не задерживалось, а эта чем-то остановила. Она была неширока — полоска на две машины. Но асфальт лежал ровный и чистый, и поля по сторонам были свежи и чисты, и чистая речушка выныривала из-под аккуратного мостика. В километре от шоссе дорога уходила в лес, в чистую густую зелень.

«А чего бы не свернуть? — подумал я внезапно. — Свернуть, и все. Посмотреть, что там. Деревня? Вряд ли — слишком чиста дорога, не загваздана тракторами. Большой город? Но тогда были бы забита транспортом до предела. Маленький городок?»

А что, подумал я, скорей всего, маленький городок. Маленький умный городок, не пожалевший денег на

эту чистую дорогу, сумевший в век напористой и жестокой индустрии сохранить окрестные леса и эту вот речушку, городок, в котором, может, люди живут так, как и я бы хотел, да не умею...

— Правее, — сказал приятель, — ты уж совсем на встречную полосу выехал.

— Смотри, дорога какая!

— А? Ну, да. Ничего...

И пока мы так поговорили, дорога осталась позади. Я взял правее, встречные грузовики больше не угрожали, и наш «жигуленок» продолжал наматывать на новые протекторы километры, оставшиеся до Балтики. Он делал свое дело, а я свое — думал.

«Ну, чего не свернул? — думал я. — Может, весь крюк-то километров пять. Ну, пусть пятьдесят. Чего не свернул? Проклятый гипноз магистральной дороги!»

Вот Паустовский всю жизнь сворачивал с магистралей — и открывал для себя то Мещеру, то Тарусу, то иные места, о которых писал, в которых был счастлив».

Я вспоминал, как дома с друзьями мы охотно каемся друг другу, что не так живем, не о том хлопчем, не туда смотрим, не о том пишем. И все говорим, что так дальше нельзя, что обязательно, непременно надо бы... Но опять и опять из двух

незнакомых дорог автоматически выбираем ту, что шире и глаже. Вот как я только что...

Назавтра мы приехали в Литву, и было там очень хорошо.

Однако боковая дорога все не шла из головы. Возможно, потому, что и в литературной моей работе, особенно в публицистике, тоже была своя боковая дорога, в которую я то и дело буквально утыкался, но ни разу не попытался проехать пусть не до конца, но хотя бы до той точки, до какой хватит опыта, совести и ума.

Вот об этой дороге я и задумался всерьез в то вполне удачное литовское лето. Сверну, решил я. Теперь — сверну.

К сожалению, в публицистике, чтобы свернуть на неведомую дорогу, одной решимости мало. Нужен еще и материал. Как минимум конкретный повод. Повод возник примерно через год.

Не так давно в Москве появился новый театр, который я очень люблю. Официального названия у него пока нет. Официального здания тоже. Но временное пристанище имеется.

Если от Кировского метро переулками пройдете до улицы Чаплыгина, отчитаете от угла третий дом и свернете в довольно мрачную, но на самом деле гостеприимную подворотню, то как раз и попадете куда надо. Во дворе справа — дверь в подвал. У двери — небольшая, но сплоченная толпа. Билетов нет. Просто трое-четверо акселераторов у входа по неясному принципу сортируют толпу, хороших людей пуская сразу, а остальных прося подождать вплоть до выяснения.

В тот вечер я был хорошим человеком и с минимальными хлопотами проник в символичный подвал, где студии, ученики известного актера Олега Табакова, давали «Маугли» по Киплингу в постановке Константина Райкина.

Зальчик студии (назовем это учреждение так) невелик. Но десятка два деревянных скамеек все же помещается, и еще остается место, которое молодые актеры используют интересно и талантливо. Но сейчас разговор не о них.

Поскольку на упомянутых скамейках зрительских мест приблизительно сто, а желающих попасть на спектакль всегда больше, гости студии сидят на всем, на чем можно сидеть. Годятся и ступеньки и далеко не паркетный пол: истинные театралы — люди неприязнательные. В конце концов размещаются все, скандалов не возникает, но света порядочная.

В этой вот суете перед началом — уже и свет убавили — меня привлекло одно лицо.

Знакомое? Вроде знакомое. Женщина улыбнулась, я тоже. А сам вспоминал: где же я ее видел? Ведь видел, иначе почему из сотни лиц вокруг взгляд уцепился именно за него?

Молода, возраст примерно аспирантский. Ростом невелика. Черты приятные, но не из тех красавиц, что как снайперская винтовка, с любого расстояния бьют наповал. Кивает мне, и я киваю. Где же и когда я ее видел?

После спектакля выяснилось — нигде и никогда. Она меня один раз видела по телевизору, в дискуссии о силе и доброте. Хотела поговорить, даже номер телефона уже узнала — и вдруг случайно столкнулась в огромной Москве...

Тремя фразами рассказала о себе: зовут Татьяна Викторовна, живет в Ростове-на-Дону, по образованию психолог, руководит клубом подростков при Дворце пионеров. Чуть постарше, чем мне казалось: скоро дочка в школу пойдет.

Она рассказывала, а я пытался понять: чем же ее лицо — в общем-то обычное — останавливает взгляд.

В тот вечер не понял. Назавтра встретились и разговаривали долго. Она с молодежью работает, а о молодежи пишу, темы общие.

В принципе я человек средней общительности. С незнакомыми, бываю, стесняюсь, или, как теперь говорят, «комплексую». А с ней было легко, как с однокурницей. Вчера расстались на полуслове, а сегодня то слово закончили и дальше пошли. Ни вступлений, ни объяснений, ни оправданий — сразу о сути.

Она рассказывала о своем клубе, торопясь, увлеклась, перескакивая с имени на имя, с истории на историю. И рассказ этот, если честно, меня малость разочаровал. Ну, проводят вечера. Ну, устраивают праздники. В колхоз ездили на лето. Хорошо, даже прекрасно, но мало ли таких клубов по стране...

Потом она достала из сумочки пачку фотографий. Вот праздник Нептуна. Вот спектакль по Грину на лоне природы. Вот трое парней с гитарами и две девочки в чем-то вроде греческих туник. Фотографии были любительские, среднего формата, среднего качества и средней интересности — кто из нас не снимался на лоне природы в вольных костюмах, в пародийных позах! Воспоминания, дорогие тебе и безразличные постороннему. А я как раз и был этим доброжелательным, но безразличным посторонним.

Впрочем, не совсем.

Разговор разговором, снимки снимками, а я все

вглядывался в лицо собеседницы. Надо же понять, что в нем останавливает, тревожит и притягивает!

И вдруг я понял, в чем дело: это было лицо счастливого человека.

В общем-то счастливый человек на земле не редкость. Дети счастливы, влюбленные, разнообразные творцы, мастера своего дела, да мало ли кто еще? Но тут случай был особый.

Все мы, как правило, бываем счастливы эпизодически, от момента к моменту. Сейчас рот до ушей, а через двадцать минут пасмурно. Да и счастье порой далеко не червонной пробы.

Нашел на тротуаре двурывинный — и встает перед юным взором такая роскошная порция мороженого, что розовая физиономия прямо лоснится от восторга и упоения. Исхитрился поцеловаться в парадном — тут уж вообще кум королю.

В счастье как в искусстве: актеров много, а Смоктуновский один.

А у моей собеседницы счастливость казалась не временным состоянием, не окраской момента или дня, а органическим качеством, вроде тембра голоса, формы уха или разреза глаз.

Словом, если бы где-нибудь на планете существовало Общество охраны счастливых людей, я бы с легкой душой рекомендовал этой нужной организации лицо Татьяны Викторовны как для популярных брошюр, так и для красочных плакатов.

Только не надо представлять себе стопроцентную безмятежность, девственный лобик и глаза небесной голубизны. Наоборот — лоб думающего человека, глаза слушающего человека. И — постоянное стремление что-то объяснить или что-то понять. Есть такое слово — одухотворенность. Если бы не затрепанность, вполне бы тут подошло.

Вот оно, подумал я. Та тема, верней, та тревога, что проступала сквозь десяток других тем, как набухшая жила сквозь кожу. Та самая боковая дорога.

ПРИЧИНА ПРИЧИН

Дело в том, что в своей работе публициста я довольно часто утыкался в проблему, которая явно грозила увести в сторону. Я сдерживал себя: тема, конечно, интересная, но пишу-то не о том! А если сдерживать не удавалось, эти же разумные слова произносил редактор.

Помню, по заданию одной молодежной газеты мне пришлось отвечать на письмо восемнадцатилетнего парня, который хоть и анонимно, но не без гордости именовав себя хулиганом, хвастал, как они с приятелями кого-то избили, и объяснял, какой в этом кайф. Письмо было нахальное, но зато длинное.

Длинные письма хороши тем, что человек в них, хочет или не хочет, рассказывает о себе много. Примеры, обороты речи, даже оговорки раскрывают автора куда больше, чем сам он может предположить.

Вот и это письмо я вертел так и эдак, пытаюсь понять: ну зачем неглупому парню становиться хулиганом да еще хвастаться этим? Потом понял: он просто несчастлив. А кого-то избил — и вот уже двое несчастливых. По крайней мере не одинок.

Стал припоминать: а вообще-то встречал ли я когда-нибудь счастливого хулигана? Мои подростковые годы прошли после войны вблизи знаменитой Таганки, братии этой попадались достаточно. Но счастливого? Нет, не видел ни одного...

Писал я о пьянстве — общеизвестной причине множества наших бед. Ну, а само пьянство откуда берется? Где его причина? И вновь вопрос для размышления: вы хоть раз видели счастливого алкоголика?

Вот уже лет двадцать я езжу по молодежным стройкам, тревожусь их тревогами и прежде всего — жестокой текучестью, горьковатым дымком кочевья, с которым уходят в небо миллионы столь нужных стране рублей. А уезжают кто? Трусливые, слабые, жадные? Нет, уезжают несчастливые.

Совсем иная сфера жизни — наше с вами здоровье. Медики утверждают: именно сердечные недуги ведут по человечеству самый прицельный, самый смертоносный огонь. А ведь давно известно, что сердце в прямом смысле болит, как правило, у тех же, у кого болит и в переносном...

К несчастливости мы вернемся. А несколько ближайших абзацев я хотел бы посвятить медицине.

Нередко крупнейшие открытия совершаются очень молодыми людьми: это лишний раз доказывает, что свободный взгляд на мир иногда стоит энциклопедического образования.

Приблизительно полвека назад студент-медик Ганс Селье задумался над явлением, которое буквально лезло в глаза всем врачам земли с тех пор, как существует врачевание. Селье заметил, что обучающие его профессора, рассказывая о совершенно разных болезнях, начало их описывают практически

одинаково: озноб, повышение температуры, головная боль, ломота в суставах и т. д. Симптомы эти казались не слишком важными, ибо из-за своей одинаковости не помогали установить диагноз. Селье первым задал себе, казалось бы, напрашивающийся вопрос: может, эти симптомы вовсе не начальная стадия разных болезней, а сами по себе болезнь, точнее, «предболезнь», крайнее напряжение организма, которое, увы, не может длиться постоянно. Еще немного — и срыв в недуг...

Прошло несколько лет, и в медицине появился новый термин — слово «стресс», которое сегодня стало одним из самых употребительных на планете. В каких только напастях, от простуды до инфаркта, не обвиняем мы стресс!

Аналогии — дело рискованное. И все же рискованно. Мне кажется, как в медицине стресс выступает «предболезнью» для целого ряда физических страданий, так несчастье является «предбедой», духовным стрессом, который в любой момент может толкнуть человека и к инфаркту, и к залою, и к убийству. Несчастливый человек, как прокаженный или чумной, порой без всякой своей вины крайне опасен: скольким детям ломает характеры озлобленный на жизнь педагог, сколько важных дел сушит и гробит хронически раздраженный начальник!

Увы, нервотрепка на службе не самое горькое последствие стресса души...

ОТСТУПЛЕНИЕ О РЖАВОЙ ГРАНАТЕ

Лет пять назад я узнал о трагической истории. Съездил на место действия, думал писать и не решился: слишком страшным показалось происшедшее. Еще пару месяцев поколебался, тем все и кончилось.

Потом оказалось, что отступился я зря — ничего не кончилось. Пишущему человеку слишком трудно задушить в себе созревшую тему. Все равно сушит голову, когтит совесть, как верующему непрощенный грех. Да и в работе моей, в цепочке размышлений о жизни образовался разрыв, провал вроде ямы на дороге. Замостить общими рассуждениями? Не спасет: каждый раз будешь спотыкаться...

Тогда в журнал пришло письмо из небольшого полудачного поселка, расположенного неподалеку от крупного промышленного города. Писала молодая женщина — мать, потерявшая сына. Шестилетнего мальчика убил белым днем пятнадцатилетний подросток, перед этим выкрававший из заколоченной дачи два мешка цемента. Тело мальчика нашли в тот же день на веранде дачи. Умер он от удара доской по голове.

«Я знаю, — писала женщина, — что по закону подростков не приговаривают к расстрелу. Но ведь из всех правил есть исключения! Неужели должен остаться в живых садист и изувер, способный на убийство ребенка? Где гарантия, что, выйдя из тюрьмы, он не лишит смысла и радости жизни другую мать?»

Делом занималась областная прокуратура. Состоялся суд. Убийца ничего не скрывал. Ему дали восемь лет. Мать убитого мальчика, присутствовавшая на суде, на ужесточении приговора не настаивала.

Реальность оказалась сложней и страшней, чем представлялось до суда.

Пятнадцатилетний преступник, принявший на душу до гроба не смываемую детскую кровь, не был прирожденным изувером — он был фатально, изуверски несчастливым подростком.

До десяти лет он рос в семье с отцом, матерью бабушкой и младшим братом. Семья была тяжелая, но семья. Потом буквально в один миг она рухнула, как дом при бомбежке. Отец, мучительно ревновавший мать, во время грязной, для обоих унижительной ссоры убил ее топором. Мать похоронили, отца увели в тюрьму, младшего братишку оставили бабушке, а самого парня отправили в детский дом.

В нашей стране, пережившей столько войн и бед, миллионы мальчишек и девочек прошли через детские дома. Многие ребята живут там не хуже, чем в семье, порой и лучше — их кормят, их учат, их любят. Сколько замечательных людей выросло из детдомовцев!

Но этот парень в детдоме не прижился. Не знаю, кто в том был виноват. Может, и никто. Просто семейная катастрофа оставила в душе мальчишки рану такого размера, что края ее не могли не только срастись, но и сойтись.

В общем, через месяц он убежал домой. Его привезли назад. Снова бежал. Снова вернули.

Мальчишка прибежал домой семнадцать раз. Шестнадцать раз его возвращали. Потом оставили в покое. Стал ходить в школу, как и прежде.

Впрочем, как прежде, не получилось. И раньше-то числился не в отличниках, а пока бегал, совсем

отстал. Педагоги пробовали помочь, но быстро убедились, что они учителя, а не боги. Пришлось парню — случай нынче редкий, почти исключительный — стать второгодником.

Сирот при арестанте-отце воспитывала бабушка. Верней, кормила — на прочее не хватало ни времени, ни педагогической квалификации. Была она пенсионеркой, но тут пришлось подрабатывать — пошла на ближний заводик уборщицей. Люди ее жалели, особенно сперва. На работе подбрасывали денюжат, посылали ребят в пионерлагерь. И соседи не отказывались помочь хоть дровами, хоть харчами.

Но шли месяцы, трагедия, потрясшая поселок, стала бытом, потом воспоминанием. Второгодник учился плохо, вел себя не идеально, и жалость к нему постепенно сменилась стойкой холодноватой неприязнью: тяжелый парень растет! Да и кто в такой семье может научиться!

Одну воспитательную акцию соседи все же провели — вероятно, во имя грядущей справедливости. Зазвали мальчишку к себе, и он под их диктовку написал письмо отцу в колонию; мол, когда выйдешь из тюрьмы, мы с братом тоже зарубим тебя топором. Подростку, буквально оглохшему от жизненной жестокости, вогнали в душу еще одну лошадиную дозу злобы.

К пятнадцати годам парень отставал от сверстников уже на два года. Учился все равно плохо, в классе был чужим. Рослый, на голову выше одноклассников, он раздражал учителей равнодушием к отметкам. Ребята над ним подсмеивались, он их за это бил, учителя ругали непутевого переростка и грозили разными педагогическими напастями. Но что ему были школьные кары после уже свершившихся потерь!

Неверно будет сказать, что о парне перестали заботиться. Нет, заботились: кормили, одевали, учили. Но никто не подумал, что человеку, даже маленькому, этого в жизни недостаточно. Каждому из нас — хорошему, плохому, всякому — необходим хоть минимальный, хоть нищенский паек радости, дружбы, любви.

Об этом, увы, не заботились.

Окружающие не побеспокоились — мальчишка побеспокоился сам.

На легко и не быстро, но он все же примкнул к компании ребят, которые жили в близлежащих поселках, нанизанных на единую линию пригородной электрички. Ребят этих было немного, человек шесть-семь. Но для компании достаточно. В самый раз.

Вот оно и мелькнуло, знакомое словцо, так часто и услужливо объясняющее необъяснимое. Значит, плохая компания — злой гений всех свихнувшихся ребят?

Да нет, зачем же непременно плохая? Просто компания. Человеческий круг, который есть у любого из нас. И слава богу, что есть.

Каждому нужно, чтобы его где-то ждали, были готовы выслушать и просто были бы рады видеть. Надо куда-то деться в праздничный, а порой и в будний вечер. Хотя бы просто помолчать в тепле и на людях.

Куда мы идем за советом по разным личным делам? В дружескую компанию. Кто дает нам надежный заслон от одиночества? Все она же. А кто мирит люто разругавшихся мужа и жену? Общая компания, кто же еще...

Подросток — не подрастающий человек. Он уже человек. И то, что нужно любому взрослому, нужно и ему — кроме разве что примирения с женой. Нужно, чтобы ждали. Чтобы выслушивали. А главное, чтобы понимали.

Мальчишки из пригородных поселков, по разным причинам поотставшие от поезда жизни, нашли друг в друге как раз такую компанию. Поодинокое было тяжко — вместе стало терпимо, а порой даже и хорошо. Несчастливый, сбившая их в кучу, малость отпустила.

Ребята регулярно виделись, ездили друг к другу в гости. Впрочем, «в гости» — понятие относительное: собственным домом или хотя бы комнатой никто из них не владел. Так что встречались на пригородных платформах — то на одной, то на другой. Бродили по улицам, разговаривая о том, о чем и мы с вами судачим за субботним чаем: о футболе, о новом кино, о якобы летающих в космосе тарелках и о неприятностях, домогающих нас тут, на земле. Ангелами ребята не были, но и чертами тоже.

Встречи на свежем воздухе хороши летом. Осень приходит в дождях, зима обещает хлопоты посуше. Перед компанией во всей остроте встала проблема крыши.

Кто-то предложил землянку. Вырыть в лесу пещеру, где надо, обшить, где надо, зацементировать, поставить печурку, вывести наружу трубу, навесить дверь, замаскировать понадежней... Жили же в войну партизаны!

Я уже сказал, что ребята были не ангелы. Но и не белоручки. Место выбрали что надо: в лесу, у озера, в

стороне от дороги. Быстро накидали что-то вроде эскизного проекта. Поделили снабженческие обязанности. Кому достались доски, кому толь, кому жель. Парню, о котором рассказ, выпал цемент. Не совсем, правда, выпал — сам вызвался, ибо видел, как хозяйин дачки, прежде чем заколотить ее в начале октября, втащил внутрь два бумажных мешка, источавших мелкую пыль. Всего-то и делов — отодрать доску на ставне.

Кража со взломом? Да! Но юридическая эрудиция нашей компании оставляла желать лучшего... Остальное случилось холодноватым ноябрьским днем.

В поселке, откуда уже съехали дачники, добыть цемент большого риска не составляло. Но пятнадцатилетний добытчик все же поосторожничал — решил найти напарника, чтобы постоял на шухере (прошу прощения за вульгаризм, но на следствии парень выразился именно так, а литературного синонима этого блатного словца я просто не знаю). Увы, с напарником оказалось сложно: среди поселковых ребят одинокий подросток чувствовал себя, как волчонок в стае собак.

Тут ему и попался на глаза шестилетний мальчуган из близстоящего дома...

Напарник оказался покладистым: идти — так идти, стоять — так стоять, смотреть — так смотреть. Что и зачем, добытчик цемента толком объяснить не стал. Наоборот, сказал — дача родственников, надо кое-что сделать. Мальчуган и это принял как факт: надо, значит, надо.

Само дело заняло несколько минут: отломал доску, влез в окно, выбросил на верандочку два мешка с цементом. Все! Мальш стоял в дозоре. Мимо никто не прошел. Может, тем бы и кончилось, но напарник, на свою беду, что-то заподозрил. Если дача родственников — зачем лезть в окно?

Мальш задал вопрос. Парень попытался врать, но вышло неубедительно. Тогда стал пугать: молчи, хуже будет. Ничего конкретного в виду не имел.

Но тут мальчуган произнес фразу, прежде многократно выручавшую его в разных житейских конфликтах:

— А я маме скажу!

Старший уговаривал, грозил. Младший заупрямился. Тогда парень всерьез испугался, и это предредило беду: перепуганный человек, тем более подросток, своим поступкам плохой хозяин.

Чего он испугался? В полуграмотном объяснении подследственный написал просто: испугался. Следователь подсказал: «Разоблачения?»

Парень без полемики согласился с этой формулировкой.

Но испугался он, конечно, не разоблачения, а того, что последует за ним. Что владелец цемента жестоко избьет его, как уже били пару раз. Что возьмет милиция, и на долгие годы спровадят его в колонию. Что все позорные процедуры будут происходить на глазах у злорадствующих одноклассников. Что бабка, единственный всерьез жалеющий его человек, схватится за голову и запричитает...

Я почти уверен, что все произошло бы не так. Узнав о краже, взрослые влиятельные люди скорей всего вспомнили бы о том, как много задолжали несчастному подростку, и по-настоящему занялись бы его изуродованной судьбой.

Но это я так думаю.

А парень думал не так. И не было рядом взрослого, сильного человека, за чью спину мог бы он спрятаться от совершенно справедливого — и все-таки глубоко несправедливого! — возмездия...

В своей компании парень как-то слышал, что, если человека ударить по голове и он хоть на миг потеряет сознание, ему «отшибет память» — все, что было непосредственно перед этим, забудется (вот уже много десятилетий ходит такая байка среди подростков). Парень схватил валявшуюся на веранде доску и ударил ею малыша.

Иногда мне кажется, что в этой истории убийца один, а убитых двое. Конечно, восемь лет когда-нибудь кончатся. Если все будет нормально, парень выйдет на волю в двадцать три года. Жизнь впереди. Но какое же страшное начало!

...Когда подробно описываешь психологию преступника, со стороны может показаться, что ты его защищаешь. Разумеется, это не так: убийце нет оправдания, убийце ребенка тем более. Но осудить преступление мало — необходимо его глубоко и досконально понять. Ибо непонятое преступление оставляет корни в земле.

История, которую я рассказал, не только про убийцу, но и про всех нас. Как часто в отношениях с окружающими нам не хватает не то что доброты, но даже элементарного эгоизма. Хоть бы о себе заботились! Ведь несчастный человек как проржавевшая граната. Кто знает, в какой миг вдруг срабатывает запал, разнося в клочья чужую судьбу и жестоко поражая тех, кто случайно оказался поблизости.

А ведь оказаться может любой.

Итак, я решил, что пора, наконец, всерьез написать о счастье, свернуть на боковую дорогу, в которую рано или поздно загадочным образом упирался все мои основные магистрали.

К сожалению, решить легче, чем написать. Как это сделать? С чего начать? Я начал со словарей.

Современный словарь Ожегова был лапидарен, как приказ по батальону — три строчки, и все ясно.

«СЧАСТЬЕ. 1. Высшее удовлетворение, полное довольство. С. жить в стране социализма. Стремление к счастью. Семейное с. 2. Успех, удача. Ему во всем с.»

Удовлетворение, довольство, успех. Все? Маловато...

Обстоятельный и простоудно откровенный словарь Даля поведал следующее:

«СЧАСТЬЕ. Рок, судьба, часть и участь, доля. (Случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчету.) Благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его».

Дальше пошли примеры. Наиболее поучительные я выписал и попытался критически осмыслить.

«Счастье в нас, а не вокруг да около». А что, в конечном счете справедливо!

«Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк». Не совсем понятно, но чертовски здорово!

«Счастье дорожке богатства. Счастье что палка: о двух концах». Обе истины бесспорны, в комментариях не нуждаются.

«Лады в семье — большое счастье!» Абсолютно верно, когда в семье нелады — не до счастья. Но тут нужен особый разговор.

«Счастье что трястье: на кого захочет, на того и нападёт. Первое счастье — коли стыда в глазах нет». Боюсь, этими раздраженными пословицами утешали себя несчастливцы. Все же надо подумывать.

«Счастье велико, да ума мало». Как это понять? Наверное, вот как: счастья в мире много, на всех хватит, да не у всех хватает ума его взять. Если так — полностью согласен.

«Дураку везде счастье». Многовековое наблюдение, весьма популярное и сегодня. Наверняка за этим что-то стоит — надо бы разобраться.

Определений хватает. Примеров хватает. Что выбрать?

«Судьба» и «удача» не годятся — у нас разговор о другом. «Благополучие»? Это слово в наш век приобрело неприятный привкус сытости. Ну его! «Земное блаженство»? Звучит смешнливо, но какая-то наивная истина в этой старинной формуле есть. «Все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его»? Туманно. Но, может, оно и лучше — больше простор воображению?

Тем и хорош Даль, что вызывает множество ассоциаций. Полной ясности нет, зато мотор заработал.

Чтобы понять болезнь, врачи наблюдают больного. А как понять счастье?

Изучать счастливого человека — занятие странное, почти кощунственное. Но что мне оставалось делать? В конце концов делаются же опытом наши передовики: от ткачих-многоостановщиц до рекордсменов по прыжкам с шестом!

Короче, я зазвал свою новую приятельницу в гости, выставил на кухонный стол скоророду картошки, заварил чаю, после чего попросил Татьяну Викторовну рассказать о своих достижениях в загадочной сфере счастья. Просьба моя была принята как должное, и мы принялись анализировать проблему земного блаженства так просто и деловито, будто речь шла о методике преподавания русского языка в начальных классах общеобразовательной школы.

Я задал собеседнице уйму вопросов, от элементарных до головоломных, от деликатных до практически бестактных — и ни разу не нарвался на трусливое опасение: а зачем вам это надо? Я спрашивал, она отвечала. И заботилась только об одном: чтобы я получил информацию полную и точную.

Это, пожалуй, была первая ухваченная мной черта счастливого человека: доверять незнакомому, по крайней мере до тех пор, пока он не докажет, что доверия не заслуживает. Конечно, у людей опасливых свой резон: их-то уж наверняка не обманут. Но, в полном согласии со словарем Даля, и у этой палки два конца: перед открытыми открываются, а вот опасливых начинают опасаться. Застраховавшись от обмана, они страхуются и от дружбы...

Продолжение следует.

НЕ ОБРОНИ ЯБЛОКО

Аксиму грустную очень
Принимай как есть и не сетуй:
Есть дорога из лета в осень,
Нет дороги из осени в лето.

Николай ГАЦУНАЕВ

РАССКАЗ

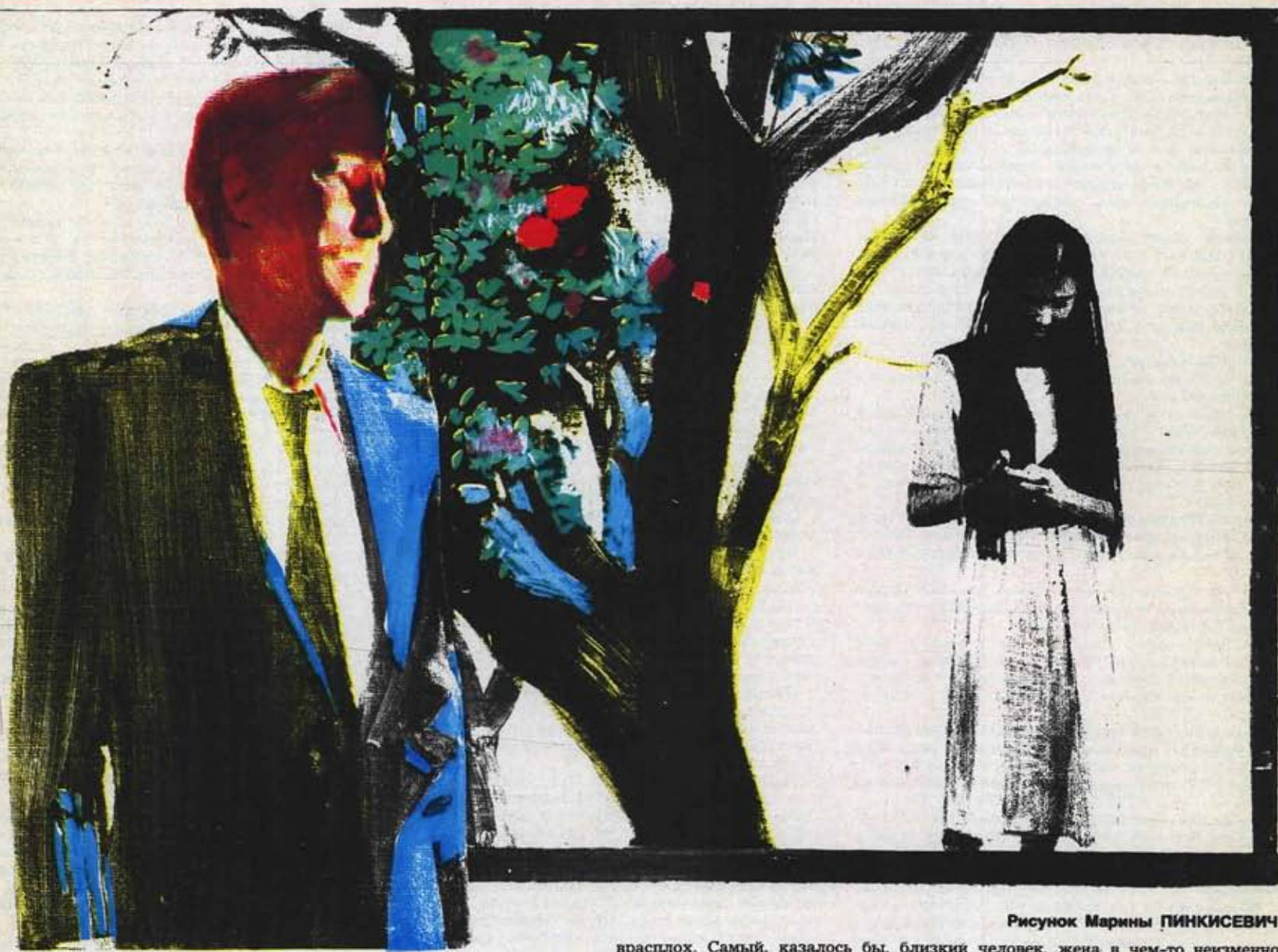

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Всю ночь оба не сомкнули глаз. Он то ходил по застекленной веранде, низко опустив голову и вслушиваясь в монотонный шорох дождя за открытыми окнами, то, сидя в плетеном кресле у стола, курил сигарету за сигаретой.

Внизу, на шоссе, изредка проносились автомашины, и по звуку мотора можно было безошибочно определить, какая спешит вверх, к Яблонницкому перевалу, а какая вниз, к захлестнутому дождевыми потоками Яремче.

Она лежала в спальне, не зажигая огня, укрывшись до подбородка клетчатым шерстяным пледом.

Все было сказано еще накануне, и теперь они молча думали каждый о своем, и, сами того не подозревая, — об одном и том же...

— Едешь? — спросила она за ужином.

— Да. — Он раздраженно опустил на стол стакан с недопитым кефиром. — Ты против?

Она пожала плечами.

— Нет. Просто мне не хочется, чтобы ты ехал туда.

— Ты знаешь, куда я еду?

— Разве ты не говорил?

— Нет. — Он пристально посмотрел ей в лицо. — Речи об этом не было.

Она вздохнула.

— Значит, я догадалась сама.

За тридцать лет супружеской жизни следовало бы привыкнуть ко всему, но ее способность угадывать невысказанные мысли всякий раз застигала его

врасплох. Самый, казалось бы, близкий человек, жена в чем-то неизменно оставалась для него загадкой, и это с годами все больше тяготило его и раздражало.

— Ну хорошо, допустим... — начал он, сам еще толком не зная, что «допустим». — Допустим, я действительно еду. Ну и что? Хочешь, поедем вместе?

— Нет! — испуганно возразила она и, словно защищаясь, вскинула перед собой ладонь. — Поезжай один, раз решил.

— Черт знает что! — буркнул он скорее удивленно, чем рассерженно, отодвинул стул и ушел на веранду. В глубине души он надеялся, что она в конце концов выйдет к нему и примирение состоится, хотя знал почти наверняка, что она этого не делает.

И она действительно не вышла.

Раздражение улеглось. И дождь перестал за окном, и стало слышно, как капает с листьев и внизу на шоссе торопливо шлепают по лужам запоздалые автомашины.

Уютно устроившись в кресле, он достал из пачки очередную сигарету, но прикуривать раздумал и, положив ее на край столешницы, наверное, уже в сотый раз за последние несколько лет мысленно задал себе вопрос: кто же она такая, женщина, с которой он вот уже три десятка лет состоит в браке и которую до сих пор так и не смог понять до конца?

Они встретились в пятидесятом году в клинике Института имени Филатова, где он мучительно медленно приходил в себя после очередной операции, которая должна была вернуть ему зрение.

По утрам сочный баритон профессора Бродского осведомлялся о здоровье пациента, заверяя, что самое трудное уже позади и дела идут на поправку. Профессорскому баритону вторил дискант медсестры, то и дело справлявшейся,

что бы пациент хотел иметь на завтрак, обед и ужин, и певучей скороговоркой сообщавшей ему «все за Одессу», в которой он находился уже больше года и которую представлял себе только по рассказам медсестры да по веселому треньканью трамвая, то и дело пробежавшего мимо института в Аркадию и обратно.

Профессор представлялся ему низеньким, круглым человечком, непременно в очках и с лысиной, а медсестра — крохотной пучеглазой девушкой с громадным горбатым носом и шапкой черных, отчаянно выходящих волос.

Какими они были на самом деле, он не знал, как не знал и тех, кто лечил его вот уже пять с лишним лет в разных госпиталях, клиниках и больницах. Не знал и не мог знать, потому что, несмотря на все их усилия, продолжал оставаться незрячим.

Последнее, что запечатлели его глаза, был крохотный сквозь прорез прицела противотанкового орудия белый фольварк под красной черепичной крышей и выходящие из-за него «тигры». Он успел выпустить по ним два снаряда, ощутить острое злорадство и удовлетворение, когда задымил и развернулся, загородив дорогу остальным, головной танк, и тут земля перед ним взметнулась на дыбы и, заслонив собой небо, швырнула его навзничь. Очнувшись он уже ослепым.

Вначале была боль. Острая, непрекращающаяся, изматывающая. Сотни бережных, заботливых рук постепенно свели ее на нет. Физическая боль оставила его в покое, но на смену ей пришла боль душевная, куда более страшная и мучительная. Отчаянно цепляясь за ускользающие обломки здравого смысла, он жаждал несбыточного, сознавая, что сходит с ума, и продолжая вопреки всему и вся верить, что только ЕЕ голос, ЕЕ руки способны погасить эту жгучую боль и даровать исцеление.

— Ева, — шептал он.

— Ева, — молил вполголоса.

Было в этом что-то атактистическое, лежащее по ту сторону здравого смысла, — ведь та, которую он звал, погибла еще в феврале сорок пятого, и он своими глазами видел ее могилу.

— Ева! — стонал он сквозь зубы, чтобы не сорваться на крик.

Ему делали укол, но, и погружаясь в забытие, он продолжал повторять затухающим голосом все то же короткое, до боли родное имя:

— Ева... Ева... Ева...

И она приходила к нему во сне, касалась прохладными ладонями его раскаленных висков, шептала сокровенные, исцеляющие душу слова, те самые слова, которые он так жаждал услышать.

Он засыпал, но каким-то вечно бодрствующим уголком сознания продолжал ощущать огромную, ничем не измеримую тяжесть обрушившегося на него горя, и тоскливое чувство вины перед Евой за то, что никакими усилиями памяти не мог представить себе ее лицо. Причиной, по-видимому, была контузия и ранение в голову: ведь до этого он видел ее, как живую, а теперь помнил только голос.

В то памятное утро, неохотно возвращаясь лабиринтами сновидений в изнуряющую реальность клиники, он еще издали услышал ее голос и, холодея от радостного предчувствия и страхась поверить, вдруг понял, что голос звучит из реального бытия.

— Не уходи, — прошептал он, ощущая на лице ее ладони и сжимая их дрожащими пальцами, потому что знал, что их нет и что они ему просто чудятся. Но они не исчезли, и все тот же спокойный, ласковый голос произнес:

— Не уйду. Никуда не уйду. Успокойся.

И он как-то сразу успокоился и ни о чем больше не спрашивал, поднес ладони к губам и стал целовать, едва прикасаясь, как мысленно тысячу раз целовал прежде. Она была рядом, и уже одного этого было достаточно для счастья, призрачного, зыбкого, необъяснимого счастья ощущать ее присутствие, слышать ее голос. И для полноты этого счастья требовалось теперь только одно: прозреть и увидеть ее наяву.

И он прозрел. Прозрел благодаря чудодейственным рукам хирурга и, быть может, в не меньшей степени благодаря неистовому желанию прозреть во что бы то ни стало. И увидел девушку, чей голос был неотличим от голоса Евы, а внешность...

Где-то в глубине души он был готов к этому и все-таки снова и снова вглядывался в ее лицо, пытаясь отыскать в нем знакомые, забытые черты и все больше убеждаясь в тщетности своих попыток.

Девушка по имени Ева навсегда осталась в его юности, а ее место все прочнее занимала другая, пришедшая к нему на помощь в трудную пору его жизни.

И, раздираемый противоречивыми чувствами, презирая себя и оправдывая, не зная толком, движет ли им любовь или благодарность за сострадание, он предложил ей стать его женой и, прочитав в ее глазах все то же искреннее сострадание, понял, что она согласна.

Так они стали супругами. Так началась их семейная жизнь, благополучная внешне и глубоко драматическая по существу, ибо за предупредительной заботливостью и знаками внимания с ее стороны стояло все то же жалостливое сострадание, и все его попытки разбудить в ней ответное чувство неизменно разбивались словно о каменную стену.

— Останови здесь, пожалуйста.

Парнишка-таксист недоуменно покосился на спутника, но ничего не сказал. «Волга» свернула на обочину и остановилась, негромко прощурив протекторами по гравию.

Пассажиры вышли из машины и огляделся по сторонам. Был он высок ростом, худощав и светловолос. Правильные, чуть резковатые черты лица не давали представления о возрасте: с одинаковым успехом ему могло быть тридцать пять и все пятьдесят. Разве что глаза... Они у него были то ли усталые, то ли бесконечно печальные. И выражение их никак не вязалось с веселым васильковым цветом.

Нежаркий сентябрьский полдень лениво гнал по небу серебристые облака, и, когда они закрывали солнце, становилось по-осеннему прохладно.

Слева от шоссе волновалась под ветром камыш возле заросшего турангилом старого кладбища. Поодаль золотились под солнцем деревья фруктового сада. И уже совсем на горизонте угадывались в голубоватой дымке минареты и купола. Справа, насколько хватало глаз, были хлопковые поля, расчерченные рядами низкорослых тутовых деревьев.

— Кажется, здесь, — задумчиво произнес пассажир.

— Что? — переспросил шофер.

— Ничего. — Пассажиры усмехнулись и достали бумажник. — Сколько наступало?

— Четыре с мелочью, — раздосадованно буркнул шофер и выключил счетчик. Перспектива ехать дальше порожняком его явно не восхитила. Пассажиры это почувствовали.

— Держи. — Он протянул десятку. — Плачу в оба конца.

— Спасибо. — Парнишка воспрянул духом. — А до города порядком еще. Вы, видать, нездешний. Как добираться-то будете?

— Доберусь.

— Дело ваше. Счастливо.

— Будь здоров.

«Волга» тронулась и, набирая скорость, исчезла за поворотом. Пассажиры проводил ее взглядом, одернул пиджак и ослабил узелок серебристого, в тон костюма галстука. Затем он еще раз огляделся вокруг, выбирая направление, и не спеша зашагал по обочине.

«Нездешний...» — он мысленно усмехнулся. — Спроси, как называлось вон то болотце, наверняка не скажет. Старики и те уже забыли, поди. А ведь большое озеро было. Плесь... Рыбалка...»

Он сбежал с дорожной насыпи и пошел по тропинке мимо кладбища, мягко ступая по пушистой лесовой пыли. «Как же ее называли? — спросил он себя. — Раш? Точно, раш. А еще — ваб. Мешками в кладовые носили, чтобы зимой фрукты хранить. Особенно яблоки. Зароют — и до следующего лета свежихонькие. Не гниют, не завянут...»

Вокруг была тишина. Глубокая, до звона в ушах, но он чувствовал, как что-то огромное, бесформенное и безликое неотвратимо надвигается на него, настаивает.

Ощущение было таким отчетливым, что он даже ссутулился и слегка втянул голову в плечи, испытывая неудержимое желание оглянуться. Он сдерживался, пока мог, а когда почувствовал, что больше не может, — было уже поздно: это его настигло...

Мальчишкой, играя в казаки-разбойники, он однажды с разбега налетел грудью на бельевую веревку, и она, спружинив, отбросила его на спину. Он крепко расшибся тогда, но запомнилось ему не боль, не горечь проигрыша, а необъяснимое ощущение, с которым он поднялся с земли. За эти считанные секунды что-то неуловимо изменилось в окружающем его мире, а что именно — он так и не смог понять.

И теперь он снова испытывал нечто подобное. Он, правда, устоял на ногах, просто зажмурился из-за сил, преодолевая головокружение, и, еще не открывая глаза, почувствовал: вокруг что-то не так.

Воздух... Он стал каким-то иным... Прохладнее, резче. И запахи трав проступали в нем гораздо отчетливее, чем минуту назад.

Он открыл глаза. Так и есть: тропинка, на которой он стоял, была теперь протоптаннее и шире, вдоль нее сплошной зеленой стеной рос боян. Заросли турангила на кладбище поредели, сквозь них там и сям проглядывали могильники. А дальше, где только что золотилась листва фруктовых деревьев, возвышался, надежно укрывая сад от постороннего взгляда, сплошной глинобитный дувал.

Еще не повернув головы, но уже зная, что сейчас увидит, он осторожно склонил глаза и почувствовал, как учащенно забилось сердце: правее кладбища раскинулось глубокое приволье озерного плеса. Через снова был на своем старом, привычном месте.

Он переступил с ноги на ногу, вспугнул какую-то пичугу, в трескучем шорохе крыльев шаркнувшись зарослей, и только теперь вдруг услышал то, на что до сих пор не обращал внимания: возню, шорохи и писк мелкой живности в густой траве, звон щикад, характерное «такалик» белоснежных озерных птиц, которых так и называли такаликами за их резкие, ни на что другое не похожие крики.

Он растерянно похлопал себя по карманам, достал зачем-то бумажник, вынул из него паспорт, прочел: «Вербьяный Михаил Иванович, год рождения 1928, место рождения город Львов, украинец, паспорт выдан отделом внутренних дел Ивано-Франковского горисполкома 19 августа 1977 года».

Паспорт был реальностью, как и авиационный билет на рейс Львов — Ташкент, водительское удостоверение, костюм, как он сам, наконец, но, хотя здравый смысл и отказывался принимать это, — точно такой же реальной была непостижимым образом принявшая его в себя действительность, которая не имела права на существование хотя бы уже потому, что давным-давно стала достоянием истории.

Он убрал бумажник в карман, закурил сигарету и вдруг успокоился. В конце концов что-то такое должно было произойти. Ведь и ехал-то он сюда, собственно говоря, чтобы встретиться с детством. Вот встреча и состоялась. Так чему же теперь удивляться? А уж коли так, то там, за кладбищем, должна быть просекальная дорога. И если пойти по ней влево, то она приведет к воротам пионерлагеря.

Проселок был на месте. И ворота были все те же — из металлических прутьев, выкрашенные в зеленый цвет. И надпись над воротами была та же: «Пионерлагерь детдома». И деревянная скамейка у стены, как тридцать шесть лет назад: два врытых в землю столбика и широкая доска поперек. Он сел на скамейку, прислонился к горячей от солнца глинобитной стене и закрыл глаза. И когда открыл их вновь, рядом стояла Ева...

Именно такой она и представлялась ему когда-то: невысокая, статная, в просторном полотняном платье с незатейливой вышивкой по подолу и вороту, прихваченным выше талии черной бархатной курточкой, в коричневых, ручной работы лакированных остроносых туфельках. Плавный изгиб шеи, овальное, чуть скуластое лицо, пухлые темно-вишневого цвета губы, щеки, словно припорошенные золотистой пылью, прямой, с трепетными крылышками издрей нос и под удивленно вскинутыми бровями — большие карие с золотинкой глаза. Черные как смоль волосы заплетены в десятки тоненьких длинных косичек.

— Ева, — почему-то шепотом произнес он. — Здравствуй, Ева.

— Здравствуйте, — она говорила на певучем хорезмском диалекте, и он поймал себя на том, что с удивительной легкостью вспоминает давно забытые слова этого древнего языка.

— Не узнаешь?

Она пристально взглянула ему в лицо и покачала головой.

— Нет. Вы, наверно, приезжий?

— Да... Нет... — Он окончательно запутался и встал со скамейки. — Посмотри на меня внимательно, Ева. Не может быть, чтобы ты меня не помнила.

Она пожала плечами.

— Я вас впервые вижу.

Это было как в мучительном сне, когда, глядя на себя со стороны, вдруг обнаруживаешь, что ты — это вовсе не ты, а кто-то чужой и в то же время сознаешь, что это совсем не так, что это именно ты и никто другой и, холодея от ужаса, спрашиваешь себя, как это могло случиться и что теперь делать.

— Ладно, — согласился он. — Пусть будет по-твоему. Расскажи про ребят. Ну хотя бы про Петьку Перепаду, Хадилу Садыкова или Инку Войнович...

— Вы их знаете? — Теперь глаза у Евы были удивленные и даже испуганные, но он уже не мог остановиться и продолжал слышать фамилиями.

— ...Файку Саттарову, Наташу Гофман, Илью Зарембу...

— Стойте! — взмолилась Ева. — Откуда вы их знаете?
— Откуда... Неужели ты так ничего и не поняла? Ведь это же я — Миша Вербьяный!
— Миша?
— Ну да же, да!
Дрожжащими руками он выхватил паспорт из кармана и протянул девушке.
— Убедись сама!
Она осторожно взяла в руки красную книжечку с золотистым гербом на обложке. Раскрыла. Долго рассматривала, напряженно думая о чем-то. Еще раз пристально посмотрела ему в глаза, возвращая паспорт.
— Ну что? — спросил он. — Теперь ты веришь?
Она отрицательно покачала головой.
— Там написано, что паспорт выдан в 1977 году. А сейчас сентябрь сорок третьего. И потом сам паспорт... У нас таких нет. Кто вы? Как сюда попали? «Если бы я знал, как», — устало подумал он, но вслух сказал другое:
— Давай садим, Ева. Попробую объяснить, что смогу. Только не перебивай, хорошо?
Она кивнула, не спуская с него настороженных глаз, и присела на скамью. Он опустился рядом, достал сигарету, соображая, как и с чего начать.
— Мы приехали сюда в сорок первом из львовского детдома. Перепада, Заремба, Ина Войнович, Наташа Гофман и я. Была война. Состав, в котором мы ехали, фашисты разбомбили. Только мы пятеро и уцелели из нашей группы.
В России уже зима стояла, а здесь было тепло, даже листья с деревьев еще не вылечили. Наташа простудилась в дороге. Здесь ее долго лечили. Да так и не вылечили. Она потом от туберкулеза умерла.
— Умерла? — ахнула Ева. — Не может быть! Когда?
— В сорок седьмом году.
Он помолчал, закуривая сигарету.
— Помню, как нас встречали. Оркестр, митинг, цветы. Хотели по семьям нас раздать, но мы не согласились. Мы уже тогда привыкли друг к другу, не представляли, как будем жить порознь. Так вот и оказались в детдоме. А ты у нас старшей пионервожатой была.
— Была? — переспросила Ева. Он проглотил подкативший к горлу колючий комочек, кивнул и затянулся сигаретой.
— Трудное было время. Не хватало еды, одежды. Помню, нам зимой буденовки выдали. Со звездочками. Мы с ними потом и летом не расставались.
Девушка хотела что-то сказать, но он опустил ладонь на ее запястье.
— Я же говорил, не перебивай. Спрашивать потом будешь.
Где-то далеко-далеко заиграла музыка. Угомонившиеся были такалтики опять поднялись над озером.
— В городе пехотный полк стоял. Он только в сорок четвертом на фронт ушел. А тогда солдаты квартировались в нескольких медресе. Духовой оркестр у них был. Летом по вечерам на танцплощадке играл. Мы еще бегали смотреть, как взрослые танцуют. Девушек собиралось много, а парней не хватало, одни солдаты и офицеры. И был среди них Адам...
Теперь Ева смотрела на него, не отрываясь, жадно ловила каждое слово. Когда он произнес имя Адама, Ева вздрогнула.
Он улыбнулся и мягко похлопал ладонью по ее запястью.
— Иногда ты тоже приходила на танцплощадку, но не танцевала, а, стоя возле ограды, смотрела, как кружатся пары. Однажды к тебе подошел офицер с лейтенантскими погонами на плечах. Это был Адам. Он пригласил тебя танцевать. Ты отказалась. Адам стал уговаривать. Мы стояли чуть поодаль и все слышали.
Ева низко опустила голову и отняла у него руку. Сквозь загар на ее щеках проступил румянец.
— Сначала он просил, потом стал настаивать. Схватил тебя за руку, хотел повести силком. И тогда мы не выдержали. Мы были мальчишками, но нас было трое, и мы готовы были пойти за тебя в огонь и в воду.
Наверное, Адам это понял. Он расхохотался и оставил тебя в покое. «С такими мушкетерами не пропадешь! — весело сказал он. — Смотри, как бы всю жизнь из-за них в невестах не просидеть!»
И вернулся на круг и через минуту уже танцевал танго с какой-то блондинкой. А ты смотрела ему вслед, и глаза у тебя были грустные-грустные...
— Неправда! — не поднимая головы, возразила она, но он, казалось, не слышал ее. Глядя вдаль, где теперь отчетливо поблескивали изразцовый облицовкой похожие на опрокинутые вверх дном пиалы купола медресе и увенчанные золотистыми шпилями минареты, он стремительно шел по дорогам памяти, непостижимым образом ставшей вдруг осязаемой реальностью.
— Если бы не война, жизнь в городе стала бы для нас сказкой. Такого я не встречал больше нигде. Лабиринты извилистых переулков, мощные плиты зеленого мрамора улицы вдоль дворца Таш Хаули, разноцветные прямоугольники порталов мечетей и медресе, множество непохожих друг на друга минаретов, гулкая прохлада куполов караван-сарая, украшенные затейливой резьбой каратачные створы ворот, цветная майолика, радуга стеклянной мозаики, слонобая кость, пожелтевший от времени резной ганч, многоголосая сумятица базара, отчаянные крики мальчишек-водоносов: «Ика-Буздин-балдин-су-у-у», — торжественная тишина залов летней резиденции шаха, хаузы в обрамлении тополей и гуджумив, радужные и доброты дочерна загорелых людей — все это и в самом деле казалось волшебной сказкой. Но шла война, и над древним городом гремел по утрам голос Левитана: «От Советского информбюро...» — и с кирпичных стен медресе кричали транспаранты и лозунги: «Наше дело правое!», «Победа будет за нами», «Смерть фашистским оккупантам!».
Он перевел дыхание и взглянул на Еву. Девушка сидела, ссутулившись и низко опустив голову. «О чем она думает? — спросил он себя. — И вообще зачем я ей все это рассказываю? Для меня это прошлое, для нее настоящее».
Он достал сигарету и стал разминать между большим и указательным пальцами. Ева исподлобья следила за ним.
— Американские? — неожиданно спросила она.
— Что «американские»? — не понял он.
— Папиросы.
— С чего ты взяла?
— Ну... может быть, от союзников.
Она все еще пыталась найти ему место в своей реальности. Он понял это и покачал головой.
— Сигареты наши.
И протянул ей пачку «Столичных».
Она взяла ее осторожно, двумя пальцами и стала разглядывать. Вынула сигарету, повертела, вложила обратно.
— Значит, вы правда оттуда?
Их взгляды встретились, и она впервые не опустила глаза.

— Да, — твердо сказал он. — Не спрашивай, как это получилось. Я не знаю. Но я оттуда. Из начала восьмидесятых.
— Начало восьмидесятых, — задумчиво повторила она, продолжая машинально разглядывать пачку сигарет. — Сколько же вам лет?
— Пятьдесят два.
— А на вид и сорок не дашь.
Он усмехнулся и еле заметно пожал плечами.
— Все, что вы говорили, похоже на правду. Про ребят, про митинг, про Адама...
— Это правда, Ева. Поверь.
Она как-то странно посмотрела на него, и карие глаза ее загадочно блеснули.
— Расскажите, что было дальше.
— С кем?
— Ну хотя бы с Адамом.
Он почувствовал, как что-то кольнуло в сердце и тотчас отпустило.
— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу. Слушай.
Однажды осенью ты встретила с ним здесь, вот в этом саду. Солдаты пришли помочь убирать нам урожай. С ними был Адам. Вы стояли под деревом и говорили о чем-то. Я не слышал, о чем. Ты смеялась. А у него лицо было серьезное и даже рассерженное.
В конце концов он резко отвернулся и пошел прочь. Тогда ты сорвала с ветки яблоко и бросила вдогонку. Яблоко угодило ему в затылок, сбilo фуражку. Он нагнулся, чтобы ее подобрать, и тут ты подбежала к нему и положила ладони на его плечи.
Теперь вы были близко, и я слышал каждое слово. «Не надо, — сказал он, и лицо у него было красное и злое. — Зачем это, раз тебе все равно?» «Глупый, — ответила ты. — У нас, если девушка кидает яблоко в юношу, значит, она его любит...» «Странный обычай», — сказал он и поцупал затылок. Видно, здорово ты его трахнула. А потом ты приподнялась на цыпочки и поцеловала его. И вы ушли, а я остался в саду.
Он улыбнулся жалкой, вымученной улыбкой и только теперь закурил сигарету.
— Мне было пятнадцать лет тогда, я не понимал, что со мной происходит. Понял позднее. Через год, когда полк ушел на фронт, а ты поступила на курсы медсестер. Понял, что люблю тебя.
— Ты... — Ева смешалась. — Вы...
— Да. — Он старался не смотреть на нее. — Такая вот история.
Я не раз пытался сказать тебе все, но так и не смог. Я ведь продолжал оставаться для тебя мальчишкой, хотя мне уже исполнилось шестнадцать и я окончил девятый. И потом... ты ведь любила Адама.
Он помолчал, и грустная улыбка смягчила черты его лица. Ева смотрела на него с жалостью.
— Я пошел в военкомат. Сказал, что мне восемнадцать и что я хочу записаться добровольцем. Парень я был рослый, хотя и худой — все мы тогда были худые, — но мне все равно не поверили. Велели принести документы. Я соврал, что метрика потерялась во время бомбежки. Тогда меня направили на медкомиссию.
Наверное, я и в самом деле выглядел старше своих лет. А может быть, врачи просто сжалились надо мною: я их чуть ли не со слезами на глазах умолял. В общем, взяли меня в армию.
До последнего дня я об этом никому не говорил. Даже одноклассникам. А накануне отправки отыскал тебя в саду и попросил: «Кинь в меня яблоко».
Ты рассмеялась, сорвала красное хазараспское, даже руку подняла, чтобы кинуть, и вдруг почувствовала: что-то неладно. Я по глазам увидел. «Зачем?» — спросила. «Просто так. Уезжаю завтра». «Как уезжаешь? Куда?» «На фронт». Ты побледила и выронила яблоко. До сих пор вижу, как оно катится: по дорожке, наискосок, к арычку. Задержалось на мгновение — и в воду. И медленно так по течению поплыло.
Ты меня больше ни о чем не спросила. Подошла, положила руки на плечи и поцеловала. И глаза у тебя были мокрые от слез. А я...
Он взглянул на нее и растерянно замолчал: Ева плакала.
Где-то неподалеку послышался, приближаясь, слитный топот многих десятков ног. Четкий, размеренный, он напоминал ему что-то мучительно знакомое, и прежде, чем сверкнула догадка, звонкий молодой голос взмыл в голубое небо.
*На марше равняются взводы,
Гудит под ногами земля...*
Вступил еще один голос, и песня зазвучала мужественнее, громче:
*...За наши родные заводы
И алые звезды Кремля!*
Секунда, другая, и десятки крепких мужских голосов грянули припев:
*Мы не дрогнем в бою
За столицу свою,
Нам родная Москва дорога!
Нерушимой стеной
Обороны стальной
Разгромим, уничтожим врага!*
Сомнений не оставалось: шли с песней солдаты. Отряд показался из-за поворота дороги и, четко чеканя шаг, прошел мимо, в открытые ворота сада.
— Рота-а-а, стой! — екомандовал офицер. — Сбор через десять минут у конторы. На перекур разоидись!
Ева вытерла слезы, прерывисто вздохнула и поднялась со скамейки.
— Мне надо идти. — Глаза у нее припухли и покраснели. — Прощайте.
Он бережно провел ладонью по ее волосам, и было в этой ласке что-то отеческое. Ева уткнулась лицом ему в грудь, и плечи ее задрожали от беззвучных рыданий.
— Ну что ты... — Он прикоснулся губами к ее лбу. — Не надо плакать.
— Мне страшно.
— Чего ты испугалась?
— Не знаю. — Голос Евы дрожал и прерывался. — Лучше бы вы не приходили. Она выпрямилась и вытерла слезы по-мальчишески, кулаками.
— До вас все было просто и ясно. А теперь... Ну как мне теперь быть с Адамом?
«Адам, — повторил он про себя. — При чем здесь Адам?» И вдруг почувствовал, как холодеет в груди. «Паспорт выдан в 1977 году, — прозвучал в сознании его голос. — А сейчас сентябрь сорок третьего...»
— Так... — Он достал из кармана носовой платок и промокнул им мгновенно повлажневший лоб. Сознание работало лихорадочными толчками. «Сентябрь сорок третьего... Разговор с Адамом, мой отъезд в армию — все это еще только будет... Бог ты мой, да ведь это сегодня, быть может, через несколько минут она кинет в него яблоко... Теперь, после всего, что услышала?»
Он вдруг обнаружил, что размазывает по лицу пот мокрым, хоть выжимай, платком. Скомкал и сунул его в карман.

Ева стояла, глядя на него широко раскрытыми глазами. За ее спиной в саду затрубили пионерский горн, но ни он, ни она его не услышали.

— Ева,— сказал он умоляюще.— Я тут наговорил всякого... Ты не обращай внимания, Ева... Постарайся забыть...

— Забыть?— Она медленно покачала головой.— Но ведь это правда.

— И да и нет.— Он попытался увильнуть от прямого ответа, но Ева была неумолима.

— Так не бывает.

Жаркая волна жалости всколыхнулась в его груди.

— Понимаешь, для меня это правда. А для тебя— вовсе не обязательно.

— Так не бывает,— повторила она.— Правда для всех одна.

«Ты права,— подумал он, едва сдерживаясь, чтобы не закричать.— Но не могу же я сказать тебе всю правду. Неужели ты не понимаешь? Я и так сказал столько лишнего! Мое счастье, что ты ни о чем больше не спрашиваешь...»

— Скажите...— Она смотрела на него в упор, и расширенные зрачки ее глаз проникали в самую душу.— Я окончу курсы?

Он поколебался, но кивнул.

— И попаду на фронт?

Он кивнул снова.

— И я буду воевать?

— Да!— крикнул он.— И ради бога, ни о чем больше не спрашивай!

Непостижимым женским инстинктом она поняла его состояние и опустила глаза.

— Хорошо...— Она помолчала, а когда заговорила вновь, голос у нее был совсем другой, спокойный и немного печальный.— Я знаю, сейчас вы уйдете и больше никогда не вернетесь.

Горн всюду гремел над садом, но они его по-прежнему не слышали.

— Можно, я еще раз взгляну на ваш паспорт?— попросила она, делая ударение на слове «ваш».

Он молча достал из кармана бумажник, раскрыл и вытащил из бокового отделения ярко-красную книжицу.

И когда он протягивал ей паспорт, случилось то, чего он больше всего боялся. Фотография лежала в одном отделении с паспортом. Видимо, он вынул их вместе, и, когда разжал пальцы, фотография скользнула на землю.

Черно-белая любительская фотография с изображением обелиска, даже не всего обелиска, а мемориальной плиты с коротким столбцом выбитых на ней фамилий. И первой в этом столбце значилась Аллабергенава Ева— медсестра.

Он сам сделал этот снимок год назад недалеко от Варшавы.

Ева долго смотрела на фотографию, потом вложила в паспорт и протянула владельцу. Лицо ее было непроницаемо-бесстрастным, голос— тоже.

— Пойдемте, я вас провожу.

Они шли, мягко ступая по белесой, нагретой солнцем пыльной дороге, и вслед им неслись резкие отрывистые звуки горна, и он знал, что это трубят, потому что до самого последнего дня лучшим горнистом детдома был он сам— Мишка Вербьяный.

По необъяснимому совпадению о том же самом подумала и Ева.

— Узнаете?— Она качнула головой в сторону сада. Он молча кивнул. Так же молча они дошли до поворота. Он отыскал глазами знакомую, поросшую бояком тропинку и остановился.

— Дальше я пойду один.

Горн умолк, и стало слышно, как сварливо перекликаются такалки на озере. Он взглянул на нее сбоку и вдруг почувствовал непреодолимое желание взять в ладони ее смуглое, бесконечно знакомое и родное лицо, и сам удивился тому, как он успел изучить и запомнить его за то короткое время, что они были вместе.

— Ева,— он старался говорить как можно спокойнее,— теперь, когда ты все знаешь... Ну, в общем, ты должна уйти с курсов.

Она медленно покачала головой.

— Я знала, что вы это скажете. Нет, курсы я не брошу.

— Из-за Адама?

— Н-не знаю. Наверное, нет.

«Из-за меня?»— вопрос рвался с языка, но он отогнал его прочь.

— Прощай, Ева.

— Прощайте.

Он сошел с дороги и, сделав несколько шагов по тропинке, оглянулся. Она стояла на том же месте, глядя ему вслед, одинокая и печальная под огромным осенним небом.

И он вернулся. Взял ее за руки и, наклонившись к самому лицу, попросил:

— Кинь в меня яблоком, Ева. Через год. Когда я приеду прощаться. Ладно?

Она улыбнулась и еле заметно кивнула.

Таксист оторопел: он мог поклясться, что еще несколько секунд назад на обочине никого не было. Пассажир возник словно из воздуха.

— Надо же,— пробормотал шофер.— Смотрел и не видел.

Он высунулся из кабины и замахаивая рукой.

— Эге-эй! Сюда идите!— Схватился, вклинил мотор и, поравнявшись с пассажиром, распахнул дверцу.— Садитесь, поехали. Я вас уже минут пятнадцать разыскиваю. И в сад сбегал и по кладбищу на всякий случай прошелся. Куда, думаю, человек мог подеваться? Полчаса не прошло, как расстались. Шляпу—то вы в машине забыли, вот я и... Вам что, плохо? Лица на вас нет.

Пассажир достал из кармана скомканный мокрый платок, провел по лицу.

— Ничего, уже прошло. Поехали.

— В город?— для порядка поинтересовался шофер.

— Нет. Сразу на аэродром.

— Вот тебе и раз!— Шофер даже присвистнул.— Вы же в город собирались.

— Передумал.

— Бывает.— Шофер глянул в зеркальце заднего обзора, пропустил «КрАЗ» с прицепом и лихо развернул машину.

— Да вы не расстраивайтесь. С кем не бывает. Я вот на той неделе...

— Помолчи немного,— попросил пассажир.— Дай очухаться.

— Ясно.— Шофер сочувственно покосился на попутчика. Тот полулежал, откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза. «Припекло, видать, мужика»,— подумал таксист. Хотел было предложить валидол, но раздумал: пассажир попался со странностями, обидится чего доброго.

А Михаил Иванович Вербьяный мучительно пытался вспомнить, кого напоминает ему лицо девушки с библейским именем Ева, с которой он расстался тридцать шесть лет назад и которую только что поцеловал на прощание, а когда вспомнил, сердце у него заколотилось так, что валидол пришлось бы как нельзя более кстати: Ева Аллабергенава была как родная сестра похожа на его жену Евдокию Богданову.

Амангали СУЛТАНОВ

Признание

Широкий, щедрый и родной
Открылся дол передо мной.
Знаком с пеленок он до боли.
Ласкаясь, будто бы щенок,
Бежит навстречу ветерок
И мчится вдаль во чисто поле.
О Степь Великая-Далая,
Ты колыбелью мне была,
С тобой я вместе счастье строю.
Мне верст твоих не перечесть,
Спасибо, что ты в мире есть,
Я думы от тебя не скрою.
Иные скажут: наш земляк
В столице служит— не пустяк.
Ах, до чего почетно это!
На это я отвечу смел:
Не службой человек велик—
Пускай живет в нем дух поэта!
О Степь Великая-Далая,
Ты мне цветы свои дала,
Я их на воле собираю.
Что в жизни сбудется, не знаю...
А мне на ядди опаленной
Травой бы прорасти зеленой!

Перевел с казахского
Владимир МИХАНОВСКИЙ.

Гроза над степью

Равнина стынет и молчит.
Повеял влажный ветерок.
Чреват грозой окрестный вид—
Вот-вот ее ударит срок.

Клубятся тучи надо мной,
Кто пламя среди них разжиг?
Сразился ветер с тишиной
И на мгновенье изнемог.

Фазаны прячутся в кусты,
Надеясь бурю переждать.
И тут с набухшей высоты
Сверкнула молния опять.

Дробинки-капли бьют в упор,
Безумен сумрак огневой.
Поток летит во весь опор,
Сшибая пыль, пронзая зной.

Громов боренье в небесах—
Выводит кто-то письма.
Гроза взметает влажный прах
И свет капли-семена.

Все круче ярость, все сильнее.
Ее нельзя остановить.
В такую пору Прометей
Огонь похитил, может быть.

Нет, не украд—он не таков:
Он вырвал пламя у богов.

Владимир ШЛЕНСКИЙ

Эвенкия

Здесь переплелись березы с елкой—
отраженья пляшут на волнах...
Старые сибирские поселки
высятся на строгих берегах.
Летняя капризная погода...
И плывут неспешно облака,
и несет к гольцам седые воды
Киренга—сибирская река.
То жарками полыхнет,
то снегом
этот необузданный простор.
Дикая природа с человеком
здесь живут в согласьи с давних пор.
Лодка режет сумрачные воды,
подвесной мотор всюду поет.
Дышат кедровый воздух свободы.
Запах трав по-над рекой плывет...
Здесь тайга объятья раскрывала,
засывала
и манила вдаль,
где сквозь дубри,
с самого начала,
побежит стальная Магистраль.

Просветлели окна по весне,
потому что их протерли люди...
Скоро грач окрестности разбудит.
А пока весна еще вчерне.
Грач,
весны взволнованный трубач,
черен, словно вспаханное поле.
Грач, весна и ощущение воли.
Оглянись и жизнь переиначь...
Грач летит в родимые места,
миновав все страны остальные.
Черен он.
Чернее—ностальгия.
Вне Отчизны жизнь всегда пуста.
Хорошо, что есть куда спешить,
Миновав и праздники и тризны.
Поле. Воля. Жизнь. Весна. Отчизна...
Что еще дорожке может быть?

О чем поют на Севере ветра?
Быть может, о ледовом давнем плене...
Меня встречает ласково Тура.
Дома теплом дохнули, как олени.
А сумерки опустятся едва,
за горизонтом тундра чутко дремлет.
Здесь ни к чему красивые слова.
Слова простые здесь в цене издревле.
И я сонмеряю жизнь свою
с суровым краем,
где не место лени.
Здесь ценят рыбу не за чешую,
не за рога ветвистые—олени...
Во всем есть смысл глубокий и резон.
Живут в легендах помыслы простые.
Тускнеет постепенно горизонт,
и светятся снега над Эвенкией.
Есть у меня на Севере друзья.
Пусть в мире и тепле
их жизнь пребудет.
И ясно сердцем
понимаю я—
чем край суровой,
тем добрее люди!

Прогулка

Островок луговой между речек.
Вечер в небе качает луну.
Молоточком отбойным кузнечик
начинает крошить тишину.
И гудят комариные дрели,
сверлят воздух меж темных ветвей.
Насекомых лихие артели
приступили к работе своей.
От большого куста в полуметре,
на травинке,
поближе к земле,
светлячок, как усердный электик,
зажигает фонарик во мгле...
Мне по сердцу картина такая.
Только поздно—домой ухожу.
Вот уже я поселком шагаю,
жадно в лица прохожих гляжу.
Завершилась ночная прогулка.
Кто-то сбоку калиткой скрипит.
Замечаю—
в конце переулочка
одиноким фонарик горит...

ДИСКОТЕКА: ПЕРВЫЕ АККОРДЫ

Фото
Георгия
РОЗОВА

Журналистка
пишет
об опыте
работы
диско клуба

«У нас, молодых»
города Асбеста
Свердловской

области. Наверное, не
со всеми положениями
статьи вы согласитесь —
давайте поспорим. Пишите
нам, мы ждем не только
откликов на статью А. Беленькой,
но и ваших рассуждений о проблемах
диско-клубов. А если в вашем городе
или селе есть успешный опыт — поделитесь!

Найти помещение, украсить его, достать аппаратуру, привлечь знатоков музыки — это еще не окончательная победа организаторов дискотеки. Если в стенах их детища молодежи будет уютно, если общение незнакомых людей будет непринужденным, тогда победа. Организаторов диско-клуба «У нас, молодых» города Асбеста Свердловской области можно поздравить — они воспитали в аудитории умение общаться непринужденно, естественно. Общение как бы многослойное: и самих активистов друг с другом, и ребят в зале, и обоих этих «лагерей» между собой. Сидишь, смотришь программу, и кажется, что те, кто работает в диско-клубе или посещает его, умеют снять с себя внутренние вериги, расковать душу и легко находят друг с другом общий язык. В чем же причина?

Казалось бы, все ясно: музыка, танец испокон веков способны были расковать человека, он становился более свободным, общительным, разговорчивым. А стиль «диско», может быть, больше, чем любой другой танцевальный стиль, дает возможность общения: можешь танцевать один, а можешь с кем-то в

паре или группе. Очень облегчен ритуал ожидания и приглашения на танец: зазвучали первые аккорды музыки — и молодежь, как по сигналу, поднимается танцевать. И не надо «девчонкам стоять в сторонке», стыдливо теребя платочки, нервозно дожидаясь, пока парень пригласит тебя; хочешь танцевать — иди, присоединись к группе... Этот общий танец создает замечательное ощущение: ты среди людей. Пока я смотрела программы, неожиданно вспомнился один знакомый инженер-физик. У него было странное увлечение: обладая весьма небольшим голосом, он пел в хоре Дворца культуры. Приятели недоумевали: времени и так не хватает, а он ерундой занялся. «Да не ерундой! — объяснял он снисходительно. — Понимаете, нигде я не ощущал такого потрясающего единения с людьми, как в хоре. Взмахнул дирижер палочкой, взяли мы первый аккорд — и сразу совсем другое состояние, ты как бы сливаешься с людьми, и каким бы ни было у тебя настроение, что бы ни переживал в данный момент, все проходит!» Нечто подобное ощущаешь и в диско-клубе.

Но не только танцы и даже не столько они

рождают в диско-клубе атмосферу общительности. Хорошие дискотеки сейчас ни в коем случае не ограничиваются танцами, а обязательно дают информационную часть. Программа диско-клуба «У нас, молодых» называлась «Они стреляют по звездам» — инсценированное представление о судьбах прогрессивных людей Америки.

Подготовить такую программу не просто. Среди диско-клубовцев нет профессионалов, которые могли бы быстро и квалифицированно составить программу, — все приходится делать самим: перекапывать горы литературы, писать сценарий, совершенствовать его, дорабатывать... Это требует полнейшей самоотдачи. Но именно совместная работа, единомыслие и даже споры сближают людей. У ребят за плечами больше трех лет совместной работы, сто с лишним программ. В планах «У нас, молодых» — создание театра диско. Неспонсируемая работа! Но и неспонсируемое общение!

Теперь трудно поверить, что несколько лет назад диско-клуб «У нас, молодых» вообще не существовал, а кафе «Диско», именовавшееся тогда

ПОЧТОВЫЙ
ЯЩИК
КЛУБА
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»

МНЕНИЕ

Разговаривать о музыке, тем более о современной эстрадной, можно бесконечно долго, обнаруживая ее как новые, так и старые недостатки и достоинства. В кругу молодых эта тема сейчас является одной из самых главных и насущных. Почти у каждого есть магнитофон и «западная» музыка, но хорошая или плохая — для большинства не имеет значения, лишь бы «западная». Довольно часто всту-

паня в споры о тех или иных направлениях, исполнителях, я пришел к выводу, что наша молодежь почти ничего не знает об истинных мастерах своего дела.

«АББА», «Бони М», «Смоки», «Баккара» и еще несколько таких второразрядных групп можно услышать у большинства «ценителей». И они считают их лучшими и непревзойденными. А почему? Да потому, что по какому-то странному для меня стечению обстоятельств они постоянно крутятся в орбите печати, радио, телеви-

дения. А между тем, слушая незатейливую музыку этих ансамблей, и просто устаешь, но что самое главное — у молодежи развиваются не те, как мне кажется, вкусы. А между тем существуют действительно мастера своего дела, как я их назвал: Кейт Эриксон, Рик Уэйкман, Элтон Джон — композиторы и исполнители; «Лед Цепеллин» и «Дип «Пепл» — группы. О них мало знают, ими мало интересуются — я имею в виду молодежь. Вряд ли кто знает, что творчество этих музыкантов и групп во многом соприкасается с

«Юность», было в общем-то пристанищем любителей гульнуть широко.

Перестроить помещение для молодежи так, чтобы в нем было удобно, трудно. Где взять материалы, рабочие руки? Даже столы решено было заменить — за те обычные, что стояли в зале, можно было уместить человек 70, а требовалось место для 100—120, да еще создать обширную танцевальную площадку, сцену, слатдооператорскую. И настоящей хозяйственнику хватало бы тут над чем поломать голову!

Начались субботники. Работали все вечера в течение двух месяцев. И теперь еще не все в кафе доделано — многое надо усовершенствовать. Но в целом оно готово. А главное — эта общая работа помогла ребятам построить гораздо более сложное «здание» — свои взаимоотношения. В процессе работы рождалась дружба, деловой вроде бы контакт способствовал зарождению и душевного.

В дискотеке «У нас, молодых» бывает так, что некоторые места пустуют. Странно: при большой популярности в городе, при том, что билеты достать трудно и иногда их даже приходится распределять между заведениями, где учатся или работает много молодежи, — вдруг свободные места...

— Возжи у них там натянуты! — приходилось мне слышать в Асбесте.

Вспоминаю двери кафе — едва подошел к ним, сразу бьет по глазам надпись: «Опоздавших не пускаем». Вроде бы все правильно: люди должны быть дисциплинированными. И все же надпись оглушает: ты идешь на вечер отдыха, полон ожидания, предвкушения радости, а тебя сразу «упреждают», тем самым мобилизуют отрицательные эмоции, даже защитную реакцию... Идешь дальше — на стене надпись: «У нас не курят». Понятно: курить — здоровью вредить. И все-таки неприятно. Как если бы ты пришел в гости, а тебе бы сразу в дверях сделали предупреждение: «В нашем доме переубаваются».

Идет вечер, танцевальная программа. Некоторые ребята остаются за столиками — принесли горячее блюдо или просто не хочется танцевать, хочется посидеть, поговорить с друзьями. И вдруг через микрофон голос ведущего: «Если вам важнее еда, тогда, может, нам лучше прекратит танцевальную программу?» Во-первых, неправильно считать, что успешным вечер будет только в том случае, если все два часа танцуют все посетители. А во-вторых, такое предупреждение, да еще в микрофон, через весь зал, перекрывает или приостанавливает музыку, обижает, а вовсе не побуждает к танцу... Или появился в зале кто-то из совета клуба — молодежь словно по команде подтягивается...

Конечно, все это издержки неопытности. Думаю, придет опыт и к ребятам из клуба «У нас, молодых», научатся они неназойливо, умно дирижировать вечером отдыха.

Там же, в Асбесте, пришлось мне наблюдать работу другого дискотеки, «Мираж», работающего на базе Дворца культуры. Он во многом уступает клубу «У нас, молодых» — моложе по возрасту, менее опытные организаторы клуба; здесь еще нет интересных информационных программ, это больше похоже на дискотеку танцев, где программу заменяют небольшие комментарии к тем мелодиям, которые слушают и под которые танцуют ребята. Но вот некоторые формы руководства и проведения вечеров заслуживают того, чтобы о них рассказать. Например, здесь введен порядок: пришедшие на вечер могут дать заявку в совет, и если данная песня или мелодия есть в коллекции дискотеки, ее обязательно прокрутят, не сегодня, так в следующий раз. Здесь всегда известны дни рождения каждого члена совета, и в этот день непременно появится на стене комнаты заседаний шутилка оформленная газета с лирическими стихами имениннику. Ребята, работавшие в дискотеке раньше, уехавшие по распределению в другие места или те, кто служит в армии, шлют сюда письма, и их зачитывают всем коллективом. Еще деталь: Дворец культуры, при котором базируется дискотека, выделил средства и приобрел новый, второй магнитофон. Если кто-то из гостей позволил себе какую-то выходку, здесь резким и категоричным формам наказания предпочитают иные — воспитательные: с таким парнем беседуют активисты клуба. Разговор идет примерно по такой схеме: «Тебе нравится дискотека? — Да. — Ходить сюда хочешь? — Хочу. — Так вот, если повторится то, что ты позволил себе сегодня, нас просто закроют, понимаешь? Мы лишимся доверия Дворца культуры, и клуб перестанет существовать. Видишь, сколько от тебя зависит?» Такие разговоры лучше действуют на молодежь, чем угрозы или лишение права посещать клуб.

Интересно проанализировать работу дискотеки «У нас, молодых» за три года существования. Вначале это были преимущественно программы, посвященные творчеству зарубежных исполнителей и ансамблей «Битлз», «Пинк Флойд», «Куин», Мирей Матье, Элвиса Пресли, Демиса Руссо и многих других. Затем все чаще стали появляться программы, посвященные

творчеству советских композиторов, ансамблей и исполнителей: А. Гадского, Д. Тухманова, Б. Окуджавы, Л. Утесова, М. Таривердиева, А. Петрова, А. Пугачевой, С. Ротару, «Песняров». Эти вечера имели успех даже у предубежденных зрителей — тех, кто считает нужным рекламировать только западное искусство. Естественным путем пришло понимание: ансамбли и исполнители несколько приелись, содержание программ необходимо расширять. Возникают программы, посвященные Дню Победы, песням Великой Отечественной войны, комсомолу, родному краю, творчеству Моцарта, политические программы. Большинство ребят считает, что по содержанию программы могут быть самыми разными, но обязательно интересными, глубокими. Круг же интересов молодежи практически не ограничен, и даже те, кто якобы увлекается только легкой музыкой, заблуждаются: содержательную программу другого профиля они воспринимают с удовольствием.

Но возникает вот какое сомнение: если один клуб пытается охватить самую разную тематику, перекидываясь с эстрадного искусства на политику, потом на театр, потом на что-то еще, не будет ли страдать качество программ? Наверное, куда естественнее стремиться к тому, чтобы дискотеки были разными и по тематике программ. Тогда любитель классической музыки сможет удовлетворить свои интересы в одной дискотеке, а человек, интересующийся спортом, — в другой. Конечно, такие дискотеки будут близки к клубам по интересам, но в отличие от тех они дают людям возможность еще и отдохнуть, разрядиться, потанцевать, провести веселый вечер, тем более веселый и интересный, что соберутся единомышленники. Что же касается проблемы увлечения молодежи, то при наличии достаточного количества и разных дискотек она будет решаться сама собой: разнообразные дискотеки смогут привлечь куда больше молодежи, чем одна-две в городе.

Стихийно дискотеки к этому идут уже сегодня. Возникают они где угодно — на предприятиях, в домах культуры, при кинотеатрах, жэках, на стадионах. А вот проблема руководства ими пока еще решается на слабом уровне. В первую очередь это, конечно, забота комсомольских органов. В Асбесте это хорошо понимают — в уставе горкомовской дискотеки записано: «Дискотека «У нас, молодых» в отношении к любому работающему или вновь создаваемому дискотеке в г. Асбесте проявляет шефскую помощь и распространяет на них свою координирующую деятельность. Свои отношения с другими дискотеками диско «УНМ» строит на принципах дружбы, обмена опытом работы и взаимовыгодных контактов». Так мыслят деловые комсомольские руководители. Однако известно, что немало хороших дискотек, начав существовать, распалось из-за того, что ребята не могли одолеть какие-то финансовые и организационные противоречия. Бывало и так, что за создание дискотеки брались люди некомпетентные, и все рассыпалось на корню из-за чрезмерных споров и ссор. Чтобы дискотеки могли существовать, совершенствовать свою работу, вовлекать в нее все большее количество молодежи, им необходима помощь всех тех работников и инстанций, с которыми им приходится сталкиваться.

Например, у асбестовского дискотеки «У нас, молодых» самые большие проблемы и даже конфликты возникают на почве взаимоотношений с ОПСом комбината «Ураласбест», в чьем ведении находится кафе «Диско». Так как этот вопрос упирается в проблему финансирования дискотеки, о нем есть смысл рассказать чуть подробнее.

Существует документ, названный «Положение о порядке организации и работы молодежных кафе» (утверждено Государственным комитетом Совета Министров СССР по торговле 7 апреля 1984 г.; № 035-75). В нем, в частности, записано: «Молодежное кафе является предприятием общественного питания, в котором наряду с организацией торгового обслуживания комсомольские организации предприятий, учреждений, учебных заведений под руководством районных (городских) комитетов комсомола проводят массово-воспитательную работу с молодежью». Прекрасное утверждение, которое, казалось бы, дает комитетам комсомола большие возможности.

Однако уже через несколько строк в «Положении» такой пункт: «Молодежное кафе в своей хозяйственной деятельности подчиняется трестам столовых (ресторанов) или тому из предприятий общественного питания, в состав которых они входят, обеспечивают выполнение всех плановых по-

казателей и установленный уровень рентабельности».

Вот тут и начинаются все «но». В молодежном кафе, как считают асбестовские активисты-дискотековцы, не должны продаваться спиртные напитки — только шампанское и легкие вина, и то лишь в те дни, когда здесь не бывает школьников. Большинство ребят приходят из дому, ужинать не хотят, ограничиваются покупкой лимонада и мороженого. Казалось бы, отлично! А план? Обычно он выполняется именно за счет продажи спиртных напитков и мясных блюд. До сих пор ощущаю на себе заискивающий взгляд официанток в кафе «Диско», которым они встречают каждого взрослого посетителя: ведь он закажет не только лимонад, а и второе блюдо; значит, лишней рубль в дневной план. До сих пор слышу выразительный вздох заведующей производством: «Сегодня в кафе сидит восемьдесят человек молодежи, а выручка за вечер тридцать рублей!»

От выполнения плана торговля предприятием, как известно, зависит заработная плата персонала. При реорганизации кафе и превращении его в молодежное (по-настоящему молодежное!) персонал теряет материальную заинтересованность. Как быть?

— Было бы у меня одно это кафе, я бы занимался им день и ночь! — вздыхает начальник ОПС. — Сам занимаю, нужное дело затеяли ребята, и мы помогли им стройматериалами. Да и план кафе практически знакомое. Правда, у нас тут свои разногласия — работники торговли так и говорят: а что нам за дело до их проблем, нам нужна выручка! Чтобы полностью пересмотреть план для кафе, надо провести эксперимент, на него уйдет не меньше полугодя. Оправдается ли вся эта затея?

А может быть, можно частично оплачивать работу персонала из денег, получаемых за билеты?

«Денежные средства дискотеки составляют только от доходов за входные билеты на дискотеки, — записано в уставе дискотеки. — Расходование средств производится на приобретение необходимых для дискотеки технического оборудования и материалов. Вся финансово-хозяйственная деятельность дискотеки осуществляется через бухгалтерию горкома ВЛКСМ».

Входной билет стоит рубль. А что, если поднять его цену до трех рублей, включив в нее стоимость ужина? Тогда часть денег пойдет на выполнение плана кафе, а часть — в горком комсомола, как и прежде.

Может быть, с хозяйственной точки зрения этот план и ничего, но не будет ли кафе пустовать? У каждого ли из желающих отдохнуть найдется трешка на входной билет?

Видимо, существуют и другие способы расширить материальную базу дискотеки. Скорее всего совсем не страшно, если клуб, особенно небольшой, будет существовать целиком на членские взносы и цену за билеты, то есть будет хозрасчетным предприятием. На таких началах часто организуются при жэках и домах культуры курсы обучения иностранному языку, курсы кройки, шитья и вязания, другие кружки; за небольшую плату люди получают возможность удовлетворить свои интересы, приобрести необходимые навыки и умения, а предприятие процветает. Так и с дискотеками. Из числа активистов избираются доверенные люди, ответственные за все расходы клуба: их деятельность подотчетна дискотеке. Думается, что хозрасчетная система облегчила бы многие финансовые трудности дискотек.

Но, наверное, еще более ценный и верный путь — это помощь предприятия дискотеке. В Асбесте, городе промышленных предприятий мирового масштаба, горкому комсомола удавалось изыскивать такую помощь. Например, при перестройке кафе однажды прислали квалифицированного каменщика, который смог возглавить комсомольскую рабочую бригаду. В другой раз прислали электрослесаря, и он помог проложить кабель, купленный другим предприятием. Но все это носило эпизодический характер. А финансовые вопросы продолжают существовать и теперь, и отнюдь не только в асбестовском дискотеке, а в том или ином виде почти в любом. Думается, что финансовая помощь со стороны промышленных предприятий дискотекам — один из реальных путей поддержания этого очень нужного дела.

Дискотека дает молодому человеку необходимую физическую разрядку, снимает эмоциональное напряжение; помогает интересно проводить досуг; учит искусству общения; пополняет разностороннее образование молодежи; развивает высокие эстетические и духовные потребности; помогает выработать правильное мировоззрение. Но не только это. «Наш дискотека так спланирует ребят, что они становятся дружными, настоящими общественниками! — говорит мне в Асбестовском горконе комсомола. — Они и в работе такие же энтузиасты, активисты, застрельщики. Их нетрудно поднять практически на любое мероприятие, проводимое горкомом комсомола. И в трудовых делах еще ярче проявляется та сплоченность, единомыслие, которое вырабатывается в дискотеке».

Вот так интересно организованный досуг превращается в серьезное средство коммунистического воспитания молодежи.

творчеством Бетховена, Мусоргского, Листа, Баха. Конечно, у них есть свои негативные стороны — некоторые вещи в пользу вкусов так называемых «ценителей», рынка. Но мне думается, вместо того чтобы задавать редакция журналов и газет, радио, телевидению монотонные вопросы о «звездах» — не лучше ли бы молодым всерьез попытаться творчеством действительно звезд.

Алексей С., 23 года,
г. Кировоград

ОТКЛИК

Меня заинтересовала статья Т. Кушневской «Записки учительницы музыки» («Смена» № 5, 1981 г.). Я семь лет преподавала в детской музыкальной школе и в какой-то степени согласна с автором, что многие педагоги формально подходят к музыкальному воспитанию детей и юношества. Зачастую уроки проходят в погоне за техническими навыками, учитель как будто исключает из душ своих учеников

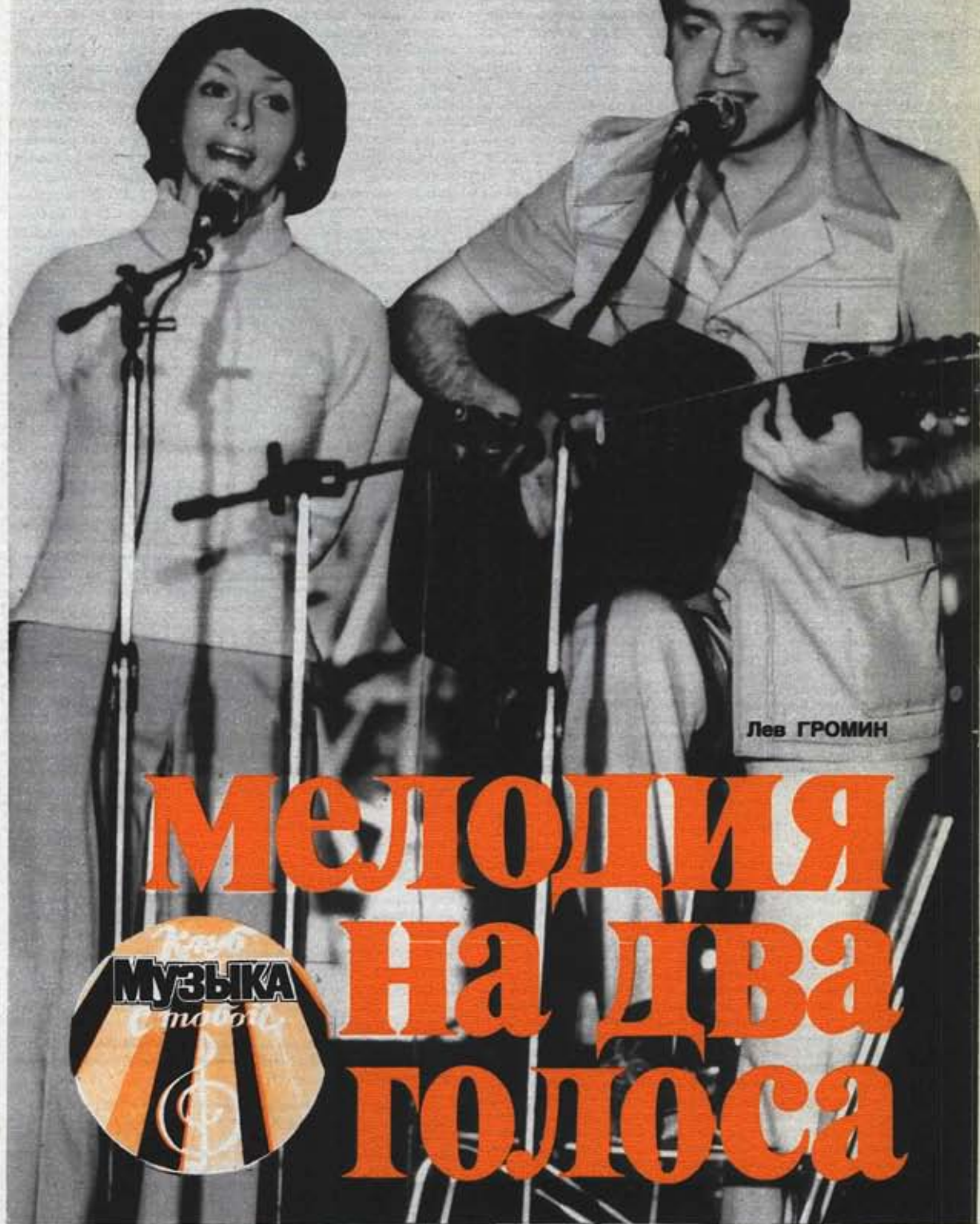
трепетное, чуткое отношение к музыке. В использовании на уроках специальной литературы, о чем пишет Т. Кушневская, и других материалов видится много хорошего, полезного, перспективного, с точки зрения обогащения внутреннего мира юных. К тому же, как мне кажется, это наиболее эффективная форма для общеобразовательных школ, где к урокам пеня (!) относятся, увы, спустя рукава. И не каждая школа, понятно, дожидается своего Кабалевского — музыканта, подлинно творчески создающего духов-

ное богатство ребят. Преподавателям нужно смелее экспериментировать, искать, находить и, главное, внедрять. Спасибо за интересную и нужную статью.

Валентина РОМАЧЕНКО,
г. Чимкент

КОНЦЕРТ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛИ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ В ГАВАНЕ.

Лев ГРОМИН

МЕЛОДИЯ НА ДВА ГОЛОСА

Успех фильма, показанного по телевидению в новогоднюю ночь на рубеже 1975—1976 годов, оказался чрезвычайным — не было человека, который не имел о нем собственного мнения, часто точки зрения были полярными. На ленту сылались в разговорах, никоим образом к кино не относящихся. Наконец, повсеместно запели и песни, пришедшие с экрана, — поначалу те, что попроще: «Я спросил у ясеня» и «Если у вас нет собаки», затем добрались и до заведомо нехоровых: «Со мною вот что происходит», «Мне нравится»...

Пели, тщательно имитируя голоса героев и гитарные переборы аккомпанемента.

От песен, однако, довольно быстро отступились — практически недостижимым оказался эффект абсолютного слияния музыки, текста и личности героя, столь успешно достигнутый в фильме «Ирония судьбы».

Неожиданно, однако, в многочисленных интервью и беседах, следовавших за фильмом, возникли фамилии людей, исполнивших за кадром те самые песни, что так прочно слились с образами, созданными Андреем Мягковым и Барбарой Брыльской.

Алла Пугачева только недавно успела записать своего «Арлекино», который станет потом ее «фирменным знаком», точкой отсчета, стартовой площадкой беспрецедентного в истории нашей эстрады творческого взлета. Но взлет этот будет идти по совершенно иной траектории, никак не пересекаясь с песнями Таривердиева, записанными для «Иронии судьбы». Достаточно сказать, что через год, когда пойдет речь о создании стереогиганта с песнями из телефильма, Пугачева уже не сможет повторить их, и на пластинке прозвучат технически неидеальные монозаписи, взятые из фонограммы киноленты.

Имя Сергея Никитина, записавшего мужскую партию и гитарный аккомпанемент всех песен, было известно в весьма узких кругах — авторам, исполнителям и почитателям самодельной песни, среди которых Сергей ходил «в ветеранах».

Вспомните: в конце пятидесятых вдруг все запели — в общежитиях, скверах, во дворах и подъездах. Гитара стала инструментом номер один, тысячи молодых людей, овладев тремя знаменитыми аккордами, как бы приобщились к неведомому доселе миру романтики.

По радио все еще бодро звучали голоса Бунчикова и Нечаева: «У московских студентов горячая кровь, неподкупные души и честные лица...» А в студенческих компаниях пелись песни потише, по-душевно: «Надоело говорить и спорить», «Люди идут по свету», «Дым костра создает уют...»

Мелодии были незатейливы, слова порою более чем просты, а вот поди ж ты — все это волновало, находило самый живой отклик в сердцах молодежи. Да и время было такое — восторженное, горячее, слегка наивное. Целина, первые великие сибирские стройки, студенческие строительные отряды... Наверное, тогдашним бардам в чем-то удалось выразить живое биение времени.

Как это часто бывает, роль катализатора сыграла

Во многих письмах читатели клуба «Музыка с тобой» просят рассказать о самодельных композиторах и поэтах-песенниках, высказывают свои суждения о современной самодельной песне. Мы решили вынести этот разговор — а может быть, и спор — на страницы клуба. И открываем его материалом Льва Громина об известном уже друге Никитинских и письмом читателей из Ярославля Александра Исаханова. Ждем ваших писем!

САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ: ГАРМОНИЯ МУЗЫКИ И ТЕКСТА

Как-то раз меня спросили, почему некоторые солисты современных ансамблей стараются петь женскими голосами. Ввиду того, что прямых данных для диагноза не было, пришлось собирать косвенные, анализируя репертуар исполнителей. Вырисовывалась примерно следующая картина. Герой песни представлялся каким-то ущербным, закомплексованным: разнотелый он и такой невезучий («До чего ж я невезучий»), разводил руками («На любовь надеешься, да не получаешься»), по-своему услужливый («Если хочешь, умру прямо в школьном саду»), иногда нервничает («Остановите музыку!

С другим танцует девушка моя!»). Становится жалко юного страдальца. Развязка не заставляет долго себя ждать: в трамвае прошу незнакомых ребят еще раз включить магнитофон и прокрутить транзитный финал истории подобной любви. Тоненький дрожащий голосок старательно выводит: «Сысу тихонько я в стороне, кричат им «горько!», а горько мне». Мне стало тогда тоже не очень сладко. Я буквально наяву увидел, как подкрадывается к ребятам вот этот самый «потерянный» юный тип и приглашает запеть невесту что невесту какими голосами. Конечно, это было наваждение какое-то, но беспокойство за песенный репертуар молодых меня охватывает все чаще.

А так ли уж необходимо беспокоиться? С одной стороны, если всецело доверять художественным вкусам фирмы «Мелодия», передачам радиостанции «Юность», программам разноцветных и разнострунных ВИА, то не надо. С другой — если вникать в смысл песни, то ответ будет противоположным: надо, очень надо! Чтобы сочиняющие песни и поющие их не поставляли перлы, пригодные для крокодилского «Нарочно не придумаешь». Это, кстати, относится как к нашим, так и переводным иностранным песням. Некоторым кажется, что зарубежные звезды эстрады поют обязательно что-нибудь выдающееся. Увидев перевод, порой недоумевают: вроде бы в песне столько слов, а смысловая нагрузка весьма примитивная: он-она-оно-ла-ла-ла-она-она-он...

В течение многих лет идет спор о том, какой должна быть песня. При этом исправно забывается одно: критика должна быть действенной, мобилизующей, что-то КОН-

КРЕТНО ПРЕДЛАГАЮЩЕЙ! В противном случае она напоминает пустое критиканство и красивую демагогию.

В «Литературной газете» работает рубрика «Если бы директором был я», куда читатели посылают свои пожелания, а потом видят официальные ответы, что же рекомендовано для внедрения или уже претворено в жизнь. Эта двусторонняя связь и читателей удовлетворяет и обществу приносит пользу. Что касается песен, то критику о них видишь несколько лет подряд, изучаешь и продолжаешь смеяться над тем, что порой звучит по радио, телевидению, в филармонии и т.д. Постепенно все это приедается, надоедает, становится чем-то не заслуживающим внимания. Неужели вот так и будем ходить по замкнутому кругу: от песенников к критикам и обратно, отмахиваясь от тех, что помог бы изменить положение с песнями. Речь идет о песенниках-непрофессионалах. Они живут рядом с нами: рабочие, инженеры, врачи, геологи... Живут как доказательство пророчества В. Маяковского:

«Сидят папаши, каждый хитр.
Землю пошатет, попишет стихи».

Выбор песен, создаваемых непрофессиональными поэтами и композиторами, огромен. Б. Окуджавой, Н. Матвеевой, А. Городницким, С. Никитинским и другими написаны сотни песен. Иногда эти песни можно встретить в журналах, телевизионных фильмах. Некоторым повезло больше: А. Иванченков открыл для песен Ю. Визбора космическую

и мода — исполнение песен Визбора, Кукина, Городничского стало престижным, одним из признаков принадлежности к когорте современных молодых людей.

Стихийно создавались клубы, пропуск в которые был один для всех — свой голос, своя мелодия, свой взгляд на мир...

Именно с этим пропуском пришел туда и Сергей Никитин, студент МГУ. Принес с собой он песни, одной из которых на долгие годы суждено стать его визитной карточкой — «Песня о маленьком трубаче» на стихи С. Крылова.

*И встал трубач в дыму и пламени,
К губам трубу свою прижал.
И вслед за ним весь полк израненный
Запел «Интернационал».
И полк пошел за трубачом,
Обыкновенным трубачом.*

В балладах Никитина привлекала свежесть мелодии, приятная манера исполнения, совершенное владение гитарой. Но, думается, если бы Сергея отличали только эти достоинства, успех не был бы столь значителен. Что и говорить, в плотных рядах авторов самодельной песни было более чем достаточно и хороших мелодистов и людей, обладающих вокальными данными. Гитарой же безупречно владело большинство.

Но странное дело — у многих авторов все четче просматривалась потребность исполнять новые песни лишь «перед своими», в узком кругу профессионально разбирающихся в самодельной песне людей. Эти же взаимные обсуждения начали в какой-то мере определять и характер творчества. Происходило в какой-то степени смещение основных понятий — зародившись как отклик молодежи на важнейшие события в жизни всей страны, самодельная песня постепенно начала уходить в проблемы глубин человеческой психики, в некое бытование. От внимательного взгляда не могло ускользнуть, что мода, на гребне которой и возник массовый интерес к самодельной песне, начала постепенно проходить. Появились иные властители дум — стремительно рос интерес молодежи к электронной музыке, вокально-инструментальным ансамблям. Наверное, это и естественно: ведь содержание песен самодельных авторов все чаще ограничивалось солнышком и тучами, прелестями походов в горы и тем ужасным состоянием, которое возникает, когда разлюбил любимая.

Конечно же, подобные монотонные мотивы были по душе далеко не всем. И в первых рядах тех авторов и исполнителей, которых явно не устраивало подобное «песенное мурлыканье», был и Сергей Никитин.

В песнях Сергея привлекала в первую очередь ясно выраженная гражданская позиция, полная определенность в основных жизненных вопросах. Именно эти качества принесли успех Никитину. Не довольствуясь клубными выступлениями, он создает ансамбль из нескольких друзей-единомышленников, который становится широко известным среди молодежи столицы. Узнают о нем и в братских странах — дважды Сергей и его группа принимают участие в традиционных фестивалях политической песни в столице ГДР. И производят там сильное впечатление — даже несколько лет спустя советских участников фестиваля неизменно расспрашивали о Никитине, передавали многочисленные приветия.

Работа с ансамблем привела к еще одному, пона-

чалу невяному следствию. Тانيا, солистка группы, чей голос столь чисто совпадал и в чем-то дополнял голос Сергея, стала его женой. Создался таким образом семейный дуэт Никитиных. Меж тем университет был окончен, состоялось распределение. У каждого члена ансамбля появились свои заботы, и выступать в прежнем составе становилось все труднее. Все чаще творческое содружество ограничивалось дуэтом...

Может возникнуть вполне резонный вопрос: а почему, собственно, дуэтом, а не соло? Автором мелодий песен является именно Сергей, он же играет на гитаре, причем делает это с блеском, у него самого весьма приятный по тембру, выразительный голос. Да и в концертах он достаточно количество песен поет один. Конечно, двухголосное пение весьма расширяет выразительные возможности, придает своеобразную окраску исполняемым произведениям. Но дело тут все-таки в другом.

Сергей вовсе не торопится допустить кого бы то ни было в свой внутренний мир. Да и мысли свои, даже по поводу песни, творчества, формулирует долго, порой мучительно, пытаясь достичь абсолюта в словесной их форме.

Песня же как средство выражения личности человека не может не приводить к некоему душевному обнажению, доступности зрителя и слушателя к тайникам внутреннего мира автора.

Кстати говоря, и концерты Никитина иной раз начинаются в некоторой внутренней борьбе артиста и зрителя, когда певец как бы невольно пытается отделиться от зрительного зала, стараясь в то же время сблизиться с ним. И именно Татьяна зачастую служит тем самым совершенно необходимым связующим звеном между певцом и публикой, идя навстречу зрителю как бы на миг впереди Сергея.

Самодельная песня из разряда явлений общественных начала постепенно переходит в один из разделов музыкального искусства, что, конечно же, предъявило иные требования к ее представителям. Оценивать эту песню сейчас стали уже не восторженные туристы, а люди, профессионально подготовленные и в музыке и в поэзии.

Думается, многие уже давно улавливают музыкальные фразы, настроение самодельных песен в творчестве наших профессиональных композиторов. Удивляться не приходится: невозможно воздвигнуть каменную стену между музыкальными жанрами — взаимопроникновение и взаимообогащение практически неизбежны.

Другой вопрос, что это встречное музыкальное движение значительно поубавило число лидеров в самодельной песне — на первый план вышли те, кто удовлетворял повышенным, в сущности, совершенно профессиональным требованиям. И творчество Сергея Никитина в последние годы усложнилось, обогатилось. Уточнился и адрес этого творчества — мятающаяся душа современного человека, личность, решающая для себя важные вопросы: как? что? куда? зачем?

Алла Пугачева, когда у нее спросили года три назад, как работало на записи песен из «Иронии судьбы» с Сергеем Никитиным, ответила: «Да не помню я его, приходил какой-то гитарист...»

Скоро, однако, этот «гитарист» заставил говорить о себе всю музыкальную столицу.

В Москву на кратковременные гастроли пролетом из Японии прибыл оркестр под управлением Поля Мориа. Естественно желание многих композиторов, работающих в жанре популярной музыки, показать

свои произведения такому мастеру. Во-первых, уже утомил достаточно узкий круг взаимных оценок, хотелось услышать мнение «человека со стороны». Во-вторых, у многих жила, наверное, тайная надежда на то, что удастся вдохновить Поля Мориа на создание аранжировки какой-нибудь мелодии. Включение же хоть одной песни в репертуар этого оркестра сулило, безо всяких преувеличений, славу быструю и глобальную.

Но Мориа как-то не торопился с оценками в адрес десятков и сотен клавиров и грампластинок, полученных им за несколько дней пребывания в советской столице...

В один из вечеров после концерта Поля Мориа с группой своих музыкантов заглянул в Центральный Дом работников искусств, где собралась творческая молодежь города. Время было позднее, он довольно рассеянно следил за происходящим на сцене, но в один из моментов вдруг преободился и весь превратился в слух. На сцене в это время запели коротко стриженный парень с гитарой и девушка с большими и печальными глазами. Сергей и Татьяна пели песню, написанную Никитиным и Берковским на стихи А. Величанского, называвшуюся «Под музыку Вивальди».

Мелодия, прихотливая и непостоянная, но с четко выраженной структурой, гитарные переборы и голоса исполнителей настолько прочно сливались с неизвестными русскими словами, что трудно было не заслушаться.

На следующий день Сергей узнал, что его разыскивает Поля Мориа. Они встретились... А через полгода в Париже вышел очередной диск, на котором была записана эта мелодия.

Так кто же он, Сергей Никитин — инженер-биофизик, без пяти минут кандидат наук? Или композитор, автор сотен песен, нескольких грампластинок, музыки к спектаклям и кинофильмам?

И вообще почему из всей плеяды талантливых авторов и исполнителей самодельной песни не вышел практически ни один профессиональный композитор или певец? Только ли в недооценке их творчества дело?

Вряд ли. Причина другая — концертные организации не имеют творческих форм, в которые вписывались бы выступления авторов-исполнителей. Сейчас выход один — создавать что-то вроде театра песни. Заинтересованности в этом пока не проявляется, а жаль.

И еще: профессиональная сцена требует практически каждодневной отдачи, почти не оставляя времени на накопление, создание новых произведений. Но ведь автор — исполнитель песни немалым без постоянного общения с людьми, чьим «коллективным голосом» он является, от которых происходит как бы «подпитка» творчества.

Как в дальнейшем сложится творческая судьба Никитиных, сказать трудно. Пока они с успехом записали музыку к фильму «Москва слезам не верит», имеются и другие предложения. Предстоит работа над диском-гигантом, в который войдут лучшие песни. Скажем прямо — трудно было выбрать среди всего многообразия те произведения, которые наиболее дороги и авторам и слушателям.

Однажды эта проблема уже стояла перед Сергеем. В тот памятный вечер, когда ему вручали премию Московского комсомола, ему предоставили право спеть всего одну вещь.

В тот вечер звучала «Песня о маленьком трубаче».

сцену, мелодия С. Никитина «Под музыку Вивальди» звучит в прекрасном исполнении оркестра Поля Мориа и т. д. А сколько тысяч песен останутся неизвестными! Неужели из этих тысяч мы не смогли бы выбрать настоящие песенные шедевры? Если использовать одновременно с профессиональными могучий пласт самодельных песен, то появится выбор хорошего из всей массы, а потом лучшего из хорошего. И все это в наших руках, все это выполнимо. Только надо тщательно продумать весь объем работы, назначить компетентных рецензентов, организовать совет по популяризации самодельной песни, дать ей хотя бы 15 минут в передаче радиостанции «Юность» и т. д. Надеюсь, что кое-кто помнит, как в начале 60-х годов вышеупомянутая станция транслировала чудесные концерты-конкурсы самодельной песни. И от них всегда веяло истинно молодежным энтузиазмом, свежестью и оптимизмом.

Говорят о самодельной песне многие, но до сих пор у некоторых из них нет четкого представления, что же это такое. Я могу говорить только о той классификации, которая принята в Клубе самодельной песни Ярославского медицинского института. Мы взяли за основу принцип происхождения песен. Наиболее употребимые термины «песня непрофессиональная или самодельная» означают, что мелодия написана непрофессиональным композитором или заимствована у другой песни. Автор музыки считается непрофессионалом, если он не член Союза композиторов СССР и работа над музыкальными произведениями не его основная работа. Общепринятым является последнее название — самодельная. Однако у человека,

впервые встречающегося с афишей концерта самодельной песни, возникает образ эдакого массовика-затейника в картузе и с гармошкой. Во избежание этого мы стали чаще употреблять термин «авторская песня». Тогда у читающего возникает вопрос: «А что это такое?». Он начинает внимательно читать афишу, и у него отпадает представление о гармошке и частушках.

Раньше говорили «туристская песня». Самодельную песню и сейчас иногда можно называть туристской по содержанию, если в ней поется про туристов, атрибуты турпоходов, маршруты и места, где эти туристы бывали. Или же «студенческая песня» (опять же по содержанию) — в ней поется о студентах, их учебе, работе, лекциях, зачетах, экзаменах и т. д. Часто говорят: «песни бардов и менестрелей». Небольшой экскурс в историю покажет, что барды (авторы и исполнители) и менестрели (исполнители) ходили по городам и выступали со своими представлениями-концертами. И уж если быть последовательными до конца, то написание песен и их исполнение было основной оплачиваемой работой, средством существования бардов и менестрелей. То есть по тем временам они были профессионалами!

Особо можно выделить песни профессионалов, ранее хорошо известных как самодельные авторы. Подобные песни обычно исполняются наравне с самодельными. С другой стороны, профессиональное исполнение самодельной песни артистами эстрады, театра, кино, ВИА не дает основания относить песню к профессиональным, принимая во внимание основной принцип классификации. Самодельная песня рассчитана в большинстве случа-

ев на камерное исполнение и иногда проигрывает перед большой аудиторией. Кроме того, по мнению некоторых музыкальных критиков, гармония самодельной песни порою бывает проста и несамостоятельна, поэтому ведущим должен быть текст: интересный, содержательный, чем-то обращающий на себя внимание.

Сейчас, когда политика партии направлена на дальнейший расцвет творческой активности нашего народа, надо серьезнее относиться и к песням. Я всегда внушаю студентам, что песня — это идеологическое оружие. И если мы не будем развивать наше национальное творчество, в его пустоты будет вливаться поток низкопробной культуры порою явно аполитичного содержания. И вот последний пример. Захожу как-то в молодежное кафе, там, конечно, музыка «на всю катушку». И вдруг начинаю разбирать припев: «Чингисхан и т. д.» Спрашиваю — мне пояснили: поэт западногерманский ансамбль «Чингисхан». Вот так слушаем, как зарубежные маги музыки призывают нового Чингисхана. И где слушаем?! На земле, по которой он прошелся огнем и мечом...

Пусть несколько многомерно, но хотелось высказаться о волнующем. Желаю поэтому вашему Клубу чаще вызывать людей на взволнованную откровенность.

Александр ИСАХАНОВ,
ассистент кафедры гигиены
Ярославского медицинского института

Отель «Мондорф» исчез так основательно, что заметить его из любой точки городка не было никакой возможности. Человек новый, не ориентирующийся в Мондорфе, ни за что бы не догадался о существовании этого отеля. Он оказался со всех сторон обнесен высокой загородкой, на которую с таким искусством была наброшена маскировочная сеть, что за нею можно было угадать разве что какое-нибудь военное расположение — скажем, автомобильный парк, подстанцию, оружейный склад или

не просто на группировки, но и на каждого в отдельности. Пленные разделялись на маленькие группы, которые, сбиваясь кучками, не хотели вступать с другими ни в какие отношения. Вероятно, каждый из них понимал, что теперь надо спастись собственной шкурой, и поэтому проводил четкую черту, отделяющую его от всех прочих. Военные отказывались иметь что-либо общее с политиками, но и сами политики разграничивали себя очень четко. Однако и в среде военных четкая разграничительная линия проходила между летчиками и моряками, уже хотя бы потому, что никто не мог понять, по какой такой причине преемником Гитлера стал именно Дениц, а не — как ожидалось — верный палачин фюрера Геринг; представители наземных войск подвергались нападкам как той, так и другой стороны — по-видимому, из тех соображений, что они оперировали только на суше, и еще потому, что якобы именно на суше совершались

приостановивший либо из комплекса неполноценности, либо из настоящей на патологических фантазиях извращенности, либо из того, что по-английски называется «moral insanity», то есть нечистоплотности в моральном отношении. Будь они, что называется, «нормальными» — ординарными — гражданами, они в лучшем случае отделались бы недолгой отсидкой, потому что по своей сути они были мелкими людишками. Ни от одного из них мне ни разу не довелось услышать, что их беспокоит будущее Германии. Германия, немецкий народ, убогий позор поражения, ужас от сознания полной бесцельности загубленных человеческих жизней, пепел и прах разрушений — об этом никто из них не говорил. Каждый говорил только о себе, о своей судьбе, о своих заслугах, о том, чего бы он хотел и что бы хотел сделать вообще — как бы он все хорошо организовал, если бы ему не вредил такой-то и такой-то. Заправили национал-социализма

ТАМ

что-нибудь в этом роде. О том, что за высокой загородкой находится нечто, требующее усиленной охраны, можно было догадаться лишь по тем строгим мерам предосторожности и контроля, которые испытывал на себе всякий, кто через узкую проходную хотел проникнуть на территорию.

Я подошел к контрольно-пропускному пункту. Так как я был новенький, меня очень тщательно проверили на идентичность, но бумаги мои были в полном порядке, и меня, наконец, пропустили. Передо мной, несколько на взгорке, находился отель, ведущая к нему тропинка делала полукруг и упиралась прямо в главный вход здания со стороны фасада. В скверике я увидел каких-то людей, одетых частью в военную форму, частью в гражданское платье. Разбившись на группы, они сидели на одеялах, разостланных на траве, на складных стульях или же полулежали в шезлонгах и переговаривались. Когда я прошел примерно половину пути к отелю, все они поднялись, вытянулись в струнку и приветствовали меня каждый на свой манер — в соответствии с тем, кто во что был облачен, была ли на нем фуражка, или обычная гражданская шляпа. Отвечая на приветствия, я несколько внимательнее посмотрел в лица этих людей. И тут был несколько ошарашен.

На этом маленьком пятячке сквера оказались собраны практически все те из верхушки нацистской иерархии, из самых высокопоставленных и самых известных, кто еще оставался в живых. Я узнал Геринга и Риббентропа, Лея и Штрейхера, Розенберга, Фрика, Дарре, Ганса Франка, Кейтеля, Йодля, Деница и еще кое-кого из тех, кто занимал ведущие должности в имперском или партийном руководстве, а также в верховном командовании вермахта.

Пока что они были обычными пленниками, пленными. Пока еще не было решено, каким судом их следует судить. Пока еще — коль скоро они были людьми военными — они могли носить свои мундиры и знаки отличия, а также претендовать на то, чтобы к ним обращались по званию, но наверняка уже и они чувствовали, что так продолжаться долго не может...

Пленные помещались в номерах отеля, из которых была удалена вся мебель. В каждом номере стояло две раскладушки и две тумбочки. Пленные должны были сами наводить порядок в комнатах, постель заправляли тоже сами, а в случае неповиновения получали предупреждение и при повторном нарушении подвергались взысканию. Кажется, самую большую неспособность быть на высоте предъявляемых к пленным требований обнаруживал Риббентроп, и за это ему, естественно, влетало. Питались они вместе, в общем зале. Пища была простая, но, как я узнал от них самих, ее было достаточно. Во всяком случае, она не шла ни в какое сравнение с тем подобием пищи, что получали узники концентрационных лагерей фашистской Германии. Пленные находились под медицинским наблюдением, обследования проводились через регулярные промежутки времени. Вне всякого сомнения, жизнь их здесь была куда приятнее, нежели та, которую вели тысячи и тысячи других военнопленных...

Итак, здесь собрался цвет и блеск низвергнутой иерархии национал-социализма, иерархии военных и политиков.

Это «блестящее» собрание отличалось своеобразностью не столько в силу высокого в недавнем прошлом положения его членов, сколько из-за того расхождения, которое обнаружилось в их среде.

В среде пленников Мондорфа господствовал принцип тотального недоверия, которое распространялось

Нюрнберг... Название этого баварского города навсегда будет связано в сознании людей с Нюрнбергским процессом — первым в истории человечества международным судом над военными преступниками.

Вот строки одного из документов, приведенных в Нюрнберге... 4 октября 1943 года, выступая перед группенфюрерами СС в Познани, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер дал следующую установку своим выдрессированным на ненависть и убийство «сверхчеловекам»: «У нас, эсэсовцев, есть непреложный закон: мы должны быть довольными, порядочными и дружественными по отношению к людям нашей крови, но только по отношению к ним. Меня совершенно не трогает то, что может случиться с русским. Живут ли народы, процветают они или умирают от голода — меня это интересует только в той мере, в какой они являются рабами нашей культуры. Пусть 10 тысяч русских женщины умрут от истощения, копая противотанковый ров, меня это интересует только потому, что надо закончить этот ров, нужный Германии. Ясно, что мы не должны быть жестокими и бесчеловечными без необходимости: мы, немцы, единственный народ, который хорошо относится к животным, и мы должны распространять это отношение и на человеческих животных. Но было бы преступлением против нашей крови дать им идеалы, так как мы тем самым создали бы трудности для наших детей и внуков. Я прошу эсэсовцев усвоить это отношение ко всем негерманским народам и в особенности к русским».

Они усвоили. И когда читаешь то, что записала равнодушная рука нацистского стенографа, встают в памяти картины войны. И еще, еще раз думаешь о том, от чего избавил человечество советский солдат, славивший хребет нацистскому чудовищу.

Почти одиннадцать месяцев, с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года, продолжался судебный

КУКРЫНИКСЫ. «ОБВИНЕНИЕ».

ужасные преступления, связанные с казнями, расстрелами и массовой резней...

В конечном итоге исчезла и та разграничительная черта, которая первоначально существовала между ними в соответствии с «табелью о рангах». Стало считаться совершенно естественным предавать друг друга, ибо предполагалось, что тебя предадут, если этого не сделаешь ты.

В сумерках «богов» Третьей империи не проглядывали ни трагика, ни величие. Казалось не постижимым, каким образом могло случиться, чтобы такой великой страной, как Германия, могли управлять эти ничтожные типы с разложившейся моралью, неотесанными манерами, с какими-то жалкими зачатками образования и с интеллигентностью чуть выше среднего уровня. В них не было ни намека на джентльменство, ни мало-мальской способности элегантно врать. То, что им фужно было сказать, они тут же неуклюже выкладывали или же без околичностей отбояривались от обвинений, сваливая все на кого-нибудь из своих коллег. Мы сталкивали этих господ друг с другом лбами, и когда они начинали говорить, нам оставалось только следить за тем, где информация, а где провокация. Мне, собственно, ни от кого из них не довелось услышать доброго слова о ком-нибудь — шла ли речь о живом или о мертвом, не исключая и горячо любимого фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера.

У всех у них был какой-нибудь психический сдвиг,

ТАМ

продолжали тянуть песенку Гитлера, который в свои последние дни не устал повторять: немецкий народ достоин своего фюрера, ибо он, немецкий народ, проиграл эту войну.

Можно сказать, с Гитлера все разговоры начинались и Гитлером же кончались. Гитлер был мертв. Теперь о его труп можно было вытереть ноги, как о подстилку. Создавалось впечатление, что все они вообще-то всегда были против Гитлера. У всех, оказывается, были с ним серьезные трения. И все они, конечно же, стали жертвой национал-социализма...

Всеобщей была ненависть к Мартину Борману. С Гитлером не было решительно никакой возможности поговорить с глазу на глаз по той причине, что Борман всегда был при фюрере. О карьере Бормана мне рассказывали так...

Собственно секретарем и заместителем Гитлера был Рудольф Гесс. Гесс был странным типом. Гитлер, например, был вегетарианцем, а Гесс был пуристом даже среди вегетарианцев. В вегетарианской диете,

пользуемой фюрером, он усматривал нарушение «чистого» учения, и однажды, когда Гитлер пригласил его отобедать, Гесс явился к фюреру с собственным судком. Гитлеру это, естественно, пришлось не по нутру, и он потребовал от Гесса, чтобы он ел то, что ему подали, или отправлялся домой.

Борман как секретарь Гесса был на втором плане, так что о месте Гесса при Гитлере ему нечего было и думать. По отзывам всех, кого мне пришлось допрашивать, Борман был человеком примитивным, сложные мыслительные операции ему были чужды, интеллигентов он ненавидел. Но у него была редкая способность координировать свои действия в соответствии с распорядком дня Гитлера. А это было не простым делом.

Гитлер обычно вставал поздно, специально отведенного времени для работы у него не было. Однако когда Гитлер изъявлял желание работать, Борман

Первым, кого мне пришлось допрашивать, был генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, верховный главнокомандующий вермахта.

Гитлер, безусловно, сделал верный выбор. Вильгельм Кейтель был угодливый, в высшей степени услужливый, вечно поддакивающий, согласный с фюрером всегда и во всем лакей, поэтому к нему очень скоро прилипла кличка «Лакейтель». Нередко, в крайних ситуациях, к нему обращались с просьбами обрисовать положение дел по тому или иному вопросу, объяснить фюреру невозможность выполнения отданного им приказа, выступить за проведение в жизнь предприятия, против которого Гитлер возражал. Кейтель откликнулся на эти просьбы с такой же поспешной готовностью, какую обнаруживал перед Гитлером и перед нами, следователями, но обещания передать эти просьбы фюреру оставались втуне.

В беседе с нами он заявил о готовности отвечать на наши вопросы, так сказать, с полной сердечностью. Он безоговорочно соглашался с любым из наших предложений и, конечно, уже не придерживался того мнения, что стратегия Гитлера — «самая что ни на есть правильная». Да, безусловно, фюрер сделал много непростительных ошибок, соглашался Кейтель, а то, о чем узнал потом, прошу мне верить, в самом деле потом! — потому что во время войны он ни о чем таком не слышал! — обо всех этих ужасах в концен-

которым выносились смертные приговоры, зачастую были в сути своей тривиальны. Уже за одно сомнение в безусловной победе немецкого оружия человека можно было отправить на смерть, та же драконовская мера ожидала всякого, кто имел неосторожность высказать нелицеприятное суждение о ком-нибудь из высокопоставленных деятелей партии или государства. С помощью своей судебной ловушки Кейтель лишил жизни многих людей, которые были повинны всего лишь в том, что в угнетенном душевном состоянии позволили себе какое-то неосторожное высказывание.

Генерал-полковник Альфред Йодль, начальник генерального штаба вермахта, был полной противоположностью Кейтелю. Там, где на ответ, требующий двадцати слов, Кейтель тратил сто, Йодль обходился пятью. Он был сух, холоден, деловит, точен и отвечал лишь на вопросы, касающиеся вермахта. Обо всем остальном у него, казалось, либо не было своего мнения, либо он не проявлял к прочему никакого интереса.

Йодль бравировал своей заносчивостью. Возможно, этой грубой бравадой он пытался преодолеть нелегкость своего положения, когда не мог найти в себе мужества сообщить своим противникам все, что он думает о Гитлере и его методах ведения войны. За счет своей подчеркнуто солдафонской манеры держаться он надеялся избежать разговоров на темы, которые все его солдафонство превращало в фарс. Ни у Кейтеля, ни у Йодля, ни у многих других представителей гитлеровского генерального штаба давно уже не осталось даже права называться «солдатами», потому что они опозорили и предали своих солдат.

Гнетущее впечатление оставлял Карл Дениц.

Природа, породившая его на свет божий, сыграла с ним лукавую шутку. Она одарила его высоким, открытым лбом и туп же, снизу, прилепила плоское личико, на котором взгляду было не за что зацепиться — так все там было мелко. В чертах лица была какая-то сдвигнутость, перекошенность, какая-то порча и несообразность. Его, Деница, можно было сравнить с каким-нибудь высокопоставленным лобастым бонзой из Пекина.

Так же, как у Кейтеля, у него было в обыкновении доводить мягкие формулировки военного суда до той стадии, когда из них вытекала необходимость выносить смертный приговор. В этом смысле за ним в ВМС рейха ходила дурная слава. Какой-то мальчик, семнадцатилет от роду, сделал недозволенное замечание о том, что в случае поражения руководители рейха и высокопоставленные вояки сядут в самолет и смуются, оставив весь народ на произвол судьбы. За это он был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Дениц отправил приговор на пересмотр соответствующего сената, но и после того, как виновный — семнадцатилетний мальчишка! — был приговорен к пожизненному заключению, Дениц отправил приговор на пересмотр еще раз, после чего обвиняемому был вынесен смертный приговор. Мальчишка казнили.

Приговоренный Нюрнбергским судом к десяти годам тюремного заключения — срок этот, скажем прямо, слишком мал по всем общепринятым правовым нормам, — Дениц вышел из заключения и написал книгу. Я бы назвал ее типичной «генеральской» книгой.

процесс над главными немецкими военными преступниками. Состоялись 403 открытых судебных заседания. Были заслушаны сотни свидетелей, рассмотрены тысячи письменных показаний, тысячи документов.

Что же представляли собой эти изверги, обревшие целые народы на унижения, страдания, физическое истребление?

Незадолго до начала Нюрнбергского процесса в местечке Мондорф, на территории нынешней Западной Германии, были собраны те, кому предстояло занять место на скамье подсудимых. Среди американских экспертов, которым было поручено допросить бывших «хозяев» Третьего рейха, находился Вальтер Хазенклевер, американец немецкого происхождения, юрист по образованию, сотрудник спецслужб США. Пройдут десятилетия, и он напишет книгу «...И вы не узнаете Германию» — она выйдет в ФРГ, в издательстве «Книпсховер унд Витг». Отрывки из этой книги мы предлагаем вниманию читателей.

Разумеется, оценки автора далеко не полны и субъективны. Интересны они по той причине, что В. Хазенклевер на материале допросов главных немецких военных преступников чрезвычайно убедительно раскрывает глубочайшее духовное и нравственное убожество, которое характеризовало этих людей, конкретно и точно демонстрирует, сколь ничтожны как личности были они, какими жалкими, трусливыми, недалекими являлись те, кто вышгивал грудь на парадах или пространно рассуждал о «превосходстве» германской расы, кто подготовил и осуществил убийство миллионов русских и поляков, французов и югославов, кто усеял Европу пожарами и плачами.

Итак, год сорок пятый. Нацистская Германия разгромлена. Впереди — Нюрнберг. В местечке Мондорф допрашивают ее оставшихся в живых главарей...

оказывался на месте. У него под рукой всегда была вся необходимая документация, информация, он мог тут же вызвать нужных экспертов, мог помочь словом и делом, и еще у него был неиссякаемый запас вариантов по части интриг. Если кому-либо удавалось залучить Бормана в каком-то вопросе на свою сторону, он мог считать, что его дело выиграно; если же Борман был против, то идти на прием к Гитлеру было бессмысленно.

Таким образом, Борман неусыпно следил за спорадическим развитием распорядка дня Гитлера и бодрствовал до тех пор, пока фюрер не отправлялся в постель, что редко случалось раньше двух или трех часов ночи. Но даже если на следующее утро Гитлеру приходилось вставать в шесть утра, Борман был уже на месте: как всегда, свежий, отдохнувший, усердный в работе, энергичный, безукоризненный в выполнении возложенного на него дела. И еще — дошито-напористый, и тщеславный, и коварный, и хитрый.

традиционных лагерях и в лагерях смерти, о! — это его в самом деле глубоко потрясло, в этом он должен сознаться...

Как у всех людей с трусливой моралью, у Кейтеля были свои мерзопакостные планы. Для претворения их в жизнь он пользовался аппаратом верховного военного суда.

В состав верховного военного суда входило три сената, один из которых выносил более менее «терпимые» приговоры, второй специализировался почти исключительно на смертных приговорах (поэтому и получил название «Кровавый сенат»). Третий сенат был призван лавировать между первыми двумя. Выносимые приговоры ложились на стол шефа верховного командования вермахта, который их утверждал. Было известно, что очень многие из мягких приговоров первого сената были отправлены Кейтелем на пересмотр в «Кровавый сенат», что, естественно, следовало понимать как требование о вынесении смертного приговора. Сами по себе причины, по

«Генеральской» книге, посвященную временам Третьего рейха, можно определить хотя бы по тому, что личное местоимение «я» в ней по возможности не употребляется. Местоимение «я» означало бы: здесь ответственность целиком и полностью лежит на мне лично, за этими событиями стоял я, и — как лицо военное — я санкционировал это злодеяние. Чтобы сделать такое признание, генералу не хватает пороку. По этой причине книги подобного рода пишутся с употреблением пассивных и неопределенных глагольных форм, как-то: «Был получен приказ» или: «Была разработана операция». О какой-то сугубо личной ответственности в этих книгах ничего не говорится. О самом начале второй мировой войны упоминается вскользь, и на ощущение вины за содеянное в этой войне нет даже намека.

Рейхсминистры всегда были озабочены тем, чтобы их не путали с деятелями партийной политики. Они считали себя людьми, более достойными управлять

рейхом и, в сравнении с партийными дилетантами, знавшими толк в своем деле. Гитлер требовал от министров полного подчинения своим прихотям, и если желал невозможного, то требовал, чтобы это невозможно было выполнено. Если кто-то чего-то не выполнял, Гитлер не убирал его с поста, а просто назначал еще одного министра по тому же самому ведомству.

Следующей фигурой, представшей перед нами, был **Вальтер Дарре**. Он был единственным из партийных деятелей, кто стал министром, потому что в нем видели представителя сельского населения, и этим он был очень горд. Он считался идеальным типом арийской нации: стройный, высокий, с удлинением черепом, он, хотя и был черноглазым брюнетом, в темном мундире СС смотрелся «очаровательно». К тому же он писал книги. Одна из них называлась «Кровь и земля» и была принята на вооружение идеологов национал-социализма.

Одушевленный этим успехом, Дарре сочинил еще одну книгу и дал ей заголовок «Свинья». Предметом исследования действительно была безобидная хрюшка, все еще представлявшая главный предмет питания немецкого населения. Жаркое из свинины стало обычным воскресным блюдом немца; поголовье мелкого и крупного рогатого скота, а также домашней птицы к тому времени значительно сократилось.

Однако Дарре имел в виду не просто свинью как таковую. Через посредство свиноводства, проблемы которого он изложил во всех тонкостях, он хотел дать вольный бег своим мыслям о расовом воспроизводстве и расовом отборе, и на примере обычной свиньи он в книге принялся объяснять своим чрезвычайно изумленным соратникам по партии и беспартийным «фольксгенossen» посылку о том, почему, собственно, арийская раса превосходит все прочие и по какой такой причине нордический тип представляет собою лучший из составляющих расу арийцев.

Книга вызвала бурный скандал. То обстоятельство, что превосходство германской расы доказывалось на примере грязной свиньи, естественно, взбудоражило ряды всякого рода насмешников, а поборников превосходства арийской нации привело в бешенство и сматение.

У Гитлера эта книга, надо полагать, вызвала негодование, но так как у него не было обыкновения смещать старых соратников с занимаемых ими постов, он, не долго думая, назначил на пост министра сельского хозяйства еще одного человека, некоего Баке.

Книга о свинье была тут же изъята из продажи. Доставленный мне для допроса Дарре уже не имел ничего общего с идолом арийской расы. В фигуре его не осталось ни намека на прежнюю стройность, он потолстел и обрюзг, цвет кожи у него был нездоров, глаза глядели уныло, волос, который уже и без того начал редеть, иссекся и оголил лысину.

Он был уныл. Он заявил, что это все Баке, его заклятый враг, этот недоносок Баке, — это он настроил Гитлера против него и что он, Дарре, рассматривает себя как жертву национал-социализма.

Следующим на очереди был **Вильгельм Фрик**, также матерый нацист, один из самых преданных национал-социализму «столпов» Третьего рейха. Фрик участвовал в Мюнхенском путче 9 ноября 1923 года и был приговорен к полугодовому тюремному заключению. Однако исполнение приговора было приостановлено по той причине, что в 1924 году Фрик избирается депутатом рейхстага. В 1931 году он становится первым из настроенных в национал-социалистском духе министров земли Тюрингия.

С приходом нацистов к власти Фрик получает пост рейхсминистра внутренних дел, он участвует в создании государственной тайной полиции — гестапо, а также концентрационных лагерей. Впечатляющее по своему размаху собрание должностей и отделов в его министерстве никого не могло обмануть в том отношении, что власть Фрика постоянно падает. Уже в 1935 году шефом полиции рейха становится Гиммлер, после чего — медленно, но верно — к нему переходят практически все полномочия Фрика, пока наконец, в 1943 году, Гиммлер не назначается на пост рейхсминистра внутренних дел. Потерю министерского портфеля Фрику компенсируют назначением его на должность имперского протектора Богемии и Моравии.

Во время допроса он все сводит в основном к жалобам по поводу несправедливостей, которые выпали на его долю по милости Гитлера и его приспешников. Да, он посылно участвовал в мероприятиях, проводимых рейхом, но его при этом ставили в такое положение, в котором он не мог повлиять на решение того или иного вопроса. Часто — особенно во время пребывания в должности имперского протектора — в дела, касающиеся его прерогатив, вмешивались ставленники Гиммлера, даже не информируя его, Фрика, ни о чем.

В последние годы Фрик — как он об этом заявил сам — был совсем не на виду. Его бывшие друзья,

бывшие коллеги сторонились его, он, мол, влачил незаметное существование на окраине национал-социалистского государства и в конечном итоге, как и многие из видных деятелей рейха, смотрел на себя чуть ли не как на мученика национал-социализма.

Если есть люди, суть которых можно обозначить каким-то одним цветом, то Фрику более всего подходил цвет серый. Волос у него был серый, цвет кожи — серый, серой расцветкой были его костюм и галстук к нему. То, о чем он говорил, тоже выглядело серо. В сером потоке его слов не было ни одного всплеска, монотонность лилась «сплошняком», контрастов не ощущалось. О чем бы он ни рассказывал, — на всем лежала печать опустошенности и пресытности, и я вздохнул с облегчением, когда наш разговор наконец-то был исчерпан.

Ганс-Дитрих Ламмерс — шеф имперской канцелярии Гитлера. Если у Фрика начисто отсутствовал талант быть, что называется, «фигурой», — разве что «серенькой» фигурой, — то Ламмерс, с его честолюбием, хотел показаться яркой «фигурой». Это был прирожденный интриган. В начале своей деятельности он дал волю честолюбию, возжелав взять в руки бразды правления в качестве как шефа имперской канцелярии, так и заместителя фюрера по партии, но в единоборстве с Борманом проиграл. Когда Гесс отправился в свои «воздушно-десантный» вожаж, чтобы, выбросившись в Шотландию, попытаться убедить англичан в ненужности их войны с Германией и в необходимости союза с Германией в войне против России, — вот тут-то Ламмерсу и пришло на ум, что его час пробил, однако и на этот раз Борман «обскакал» соперника. Мартин Борман уже стал необходимым инструментом в руках Гитлера, его первым визирем и личным секретарем. Так что Ламмерсу не оставалось ничего иного, как играть в амбицию и пользоваться своей властью в ограниченных пределах рейхсканцелярии.

У него не было способности постоянно находиться при Гитлере, быть у него под рукой, но он обладал умением заниматься инсинуациями, осторожно выдвигать предложения, которые Гитлеру должны были заведомо импонировать, подхватывать на лету мысли фюрера и, развивая их, подготавливать проекты законов. И еще у него было умение завоевывать позиции в руководящем аппарате государства.

Соотношение личности Ламмерса и его внешности было отражено самой природой: он был космогляд. Взгляд его никогда не смотрел прямо, а словно бы раздваивался. Такой же раздвоенной была сама личность Ламмерса. С одной стороны, он прикидывался затюканным административным служащим, которого, видите ли, использовали для того, чтобы он учреждал законы, удобные Гитлеру. Всякий раз, когда он принимался объяснять мне суть того или иного закона, он предусмотрительно оговаривался: «Это закон, за содержание которого я, конечно, не могу нести никакой ответственности...»

Я задал ему вопрос касательно закона, который меня интересовал особо, а именно — закона об эвтаназии¹. Я уже кое-что знал об этом: как-то мне довелось беседовать с одним из врачей, которые практиковали метод этой самой «эвтаназии» в полной уверенности, что они это делают на «законном» основании. Я спросил врача, читал ли он этот закон сам или по крайней мере слышал ли о таковом. На это врач мне ответил, что самого закона ему лично читать не доводилось, но он уверен, что этот закон был издан.

Ламмерс признался, что, да, проект такого закона, за содержание которого он, конечно, ответственности не несет, — проект такого закона он подготовил и представил его Гитлеру на подпись. Однако Гитлер медлил с утверждением, ибо — прежде всего из-за немцев-католиков — считал мало приемлемым издание в военное время закона, который бы вызвал сопротивление со стороны церкви. Гитлер пошел по следующему пути: хотя он и санкционировал проведение эвтаназии, однако приказал содержать это в строжайшей тайне, а закона как такового утверждать не стал. Родные и близкие умерщвленных получали вместе с урной извещение о том, что член их семьи (родственник) скончался от заразного заболевания и для предупреждения развития заразы была признана необходимой кремация.

И все же Гитлер (а возможно, и сам Ламмерс) ненароком дал знать массам об уже имеющемся законе — пусть не в части его формулировки, а в части содержания, и таким образом была создана видимость того, что закон существует как полноправный. Гитлер, как говорится, одним ударом убил двух мух: те, кто должен был проводить эвтаназию, полагали, что делают это на законном основании, а тем, кто выступал против этого закона, говорилось, что такого закона не существует и что поэтому все протесты абсолютно бесосновательны...

¹ Имеется в виду умерщвление человека путем инъекции (прим. перов.).

В беседе со мной Ламмерс, говоря о партии национал-социалистов, само собой, давал полную волю своему «отращению» и всякий раз подчеркивал, что в системе имперской администрации он был всего лишь служащим, который пользовался вверенным ему бюрократическим аппаратом. Он не давал себе труда защищать Гитлера, которому служил верой и правдой, более того — проводившуюся Гитлером политику он считал преступной, мародерской, жаловался на свою судьбу, по милости которой он, видите ли, сделался приспешником столь подлой личности, что — видит бог! — произошло против его воли и что это он воспринимает как проклятие.

Рейхсминистр иностранных дел **Иоахим фон Риббентроп** в определенном смысле был самым подлинным воплощением национал-социалистского государства. Гитлер сделал его министром иностранных дел по той причине, что он был одним из немногих среди его паладинов, кто мог вести салонную беседу, быть «рыцарем» по отношению к дамам, обладал кое-какими художественными способностями и неплохо говорил по-английски. Кроме того, Риббентроп оказал Гитлеру услугу в критическом для него, Гитлера, положении. В январе 1933 года, когда, в связи с отставкой Шлейхера, нужно было срочно создать новое правительство, Риббентроп предоставил в распоряжение Гитлера свою квартиру, в которой и было проведено решающее совещание, имевшее своим результатом передачу Гитлеру всей власти и полномочий главы правительства. В 1935 году Риббентроп в составе одного из комитетов министерства иностранных дел заключает морской договор с Великобританией. Успех этого предприятия приводит к тому, что вскоре — после того, как освободилось место германского посла в Англии, — Гитлер отсылает Риббентропа к английскому двору с заданием представлять там национал-социалистскую империю.

Успехи Риббентропа в ипостаси германского посла носили показной, инсценированный характер. Во время одного из приемов в Букингемском дворце Риббентроп встретил королевскую чету приветствием «Хайль Гитлер», что вызвало определенный резонанс в международной политике.

Опираясь на заявленное им знание Англии, Риббентроп — уже в качестве рейхсминистра иностранных дел — сумел убедить Гитлера в том, что фюрер, не опасаясь военного конфликта с Англией, может смело назначать на первое сентября 1939 года акцию против Польши, защита границ которой была только что гарантирована британским правительством. После того, как англичане тем не менее объявили Германии войну, Гитлер буквально ошеломил и обвинил Риббентропа в заведомой дезинформации. И все же он оставил его на посту министра иностранных дел, однако тут же учредил за пределами Германии столько служб по доставке внешнеполитической информации, что вместо одного министра иностранных дел стало не, скажем, два, а целых тридцать, как по этому поводу выразился однажды сам Риббентроп.

Министром Риббентроп был совсем никудышным, и в самой его личности не было ничего выдающегося, что могло хотя бы компенсировать его профессиональную несостоятельность. Ему оставалось одно — издеваться над подчиненными, кричать на них, топтать ногами, пыжиться и при обсуждении какого-либо вопроса пользоваться правом резюмировать выступление — для того, естественно, чтобы оказать своим подчиненным ненавидели его и не испытывали по отношению к нему никакого «должного трепета».

Риббентропа считали министром, бездельнее которого нельзя было придумать. Неоднократно предпринимались попытки дать Гитлеру понять, что Риббентропа следует попросту снять. Но Гитлер, для которого высокие профессиональные качества не значили ничего в сравнении с заявляемой ему преданностью, покровительствовал своему министру иностранных дел.

В Мондорфе всю спесь и фиглярство с Риббентропа как рукой сняло. Он уныло бродил по коридорам, избегаемый почти всеми пленниками Мондорфа: с ним никто не хотел иметь ничего общего отчасти потому, что он принадлежал к другой категории пленных, и еще потому, что он вызывал внутреннее отвращение, ибо начинал буквально дрожать от страха, стоило кому-нибудь из тюремной администрации неприятности для себя — и, как правило, но без основания, так как не мог отвечать даже тем элементарным требованиям, которые предъявлялись к обитателям этого лагеря гостиничного типа, как-то: подметать комнату, заправлять постель, следить за чистотой умывальника, содержать в порядке тумбочку. Время от времени он оказывался под домашним арестом или подвергался иным мерам дисциплинарного воздействия — и все только лишь по той причине, что забывал свои обязанности или относился к ним более чем халатно.

Когда я вызвал его для первого допроса, он от страха едва смог добраться до стула. Всякий раз цена того, о чем он мне хотел сообщить, была мизерной. Он принимался говорить о мелочах, полагая, что говорит о дипломатических нюансах, длинно и нудно переводя фразы с ног на голову. Его познания в области германской внешней политики были столь малы, что трудно было поверить в то, что перед тобой сидит бывший рейхсминистр иностранных дел.

Когда Риббентроп начинал говорить о Гитлере, его посещало состояние одухотворенной восторженности. Конечно, иногда и у него возникали мысли о том, что политика Гитлера «несвободна от недостатков», но, судя по его высказываниям о фюрере, он был предан ему до полной потери своего «я». В звездные часы грез и мечтаний он видел себя сидящим в обществе Гитлера и выясняющим, так сказать, в частной беседе его великие политические идеи. Он не мог избавиться от чар фюрера: по его словам, даже если бы он набрался духа выразить ему по какому-то вопросу самый решительный протест или возразить, используя весь запас имеющихся аргументов, то и в этом случае он бы потерпел фиаско, как только бы увидел фюрера. Перед фюрером он мог только пресмыкаться.

В одной из бесед Риббентроп выдвинул мысль о том, что Америка вела себя нежелательно по отношению к Германии; после этого заявления он, впрочем, как-то сразу растерялся и произнес: «Вы можете считать меня абсолютным болваном, но в настоящее время я не могу со всей определенностью сказать, кто кому объявил войну: Америка — Германии или Германия — Америке...»

На это я ответил ему: «Господин рейхсминистр, до сих пор меня удовлетворяло ваше утверждение о том, что вопросы, которые я ставил вам касательно внешней политики, затрагивали лишь маловажные события, и поэтому вы могли не помнить всех подробностей. Но вам вряд ли удастся убедить меня в том, что такой факт, как развязывание войны между Германией и Соединенными Штатами Америки, относится к числу так называемых «маловажных» событий — как министр иностранных дел Третьего рейха, вы не можете не помнить обстоятельства, приведших к этой войне».

Явно недовольный, Риббентроп ответил: «Я ведь уже сказал вам, что вы можете меня считать абсолютным болваном, но предшествующие войне с Америкой события начисто стерлись из моей памяти, и я бы вам был благодарен, если бы вы помогли мне освежить их».

Я напомнил ему об этих событиях: «Седьмого декабря 1941 года японцы атаковали Пирл-Харбор и при этом уничтожили значительную часть Тихоокеанского флота. Сразу же после этого американский конгресс вынес решение об объявлении войны Японии. Спустя четыре дня, одиннадцатого декабря 1941 года, Гитлер, выступая перед членами рейхстага, напомнил, что Германия и Япония связаны союзническими узами и поэтому с объявлением Соединенными Штатами войны Японии он объявляет войну Соединенным Штатам Америки».

Риббентроп ответил мне следующим образом: «Если вы так говорите, значит, так оно и есть», — после чего беседа наша закончилась. Это была наша последняя беседа.

Рассказывают, что в ходе Нюрнбергского процесса, состоявшегося спустя год после наших допросов в Мондорфе, демонстрировался фильм, в котором с документальной убедительностью показывались ужасы национал-социализма. В фильме был снят также и Гитлер, который выступал с одной из своих речей, верховодя каким-то церемониалом. Глядя на экран, Риббентроп склонил голову к соседу и прошептал ему на ухо: «Я снова весь в его власти».

Последним из допрашиваемых, кто представлял аппарат империи, был **Франц фон Папен**.

У фон Папена была необычная биография. Он считался ловким и осмотрительным дипломатом, но его все время преследовали странные неудачи. Неся службу в Соединенных Штатах Америки, он чуть ли не сразу после начала первой мировой войны оставил в общественном транспорте свой дипломатический портфель, в котором были очень важные документы: в нем находился сводный список всей тайной агентуры, которая в то время работала на территории США на Германию и ее союзников, против Антанты. Портфель в конце концов был возвращен фон Папену, естественно, после того, как американская секретная служба основательно ознакомилась с его содержанием.

Аналогичная история случилась с ним уже в ходе войны, после того как фон Папен покинул США и получил назначение в Турцию. Там он ухитрился попасть в самую гущу одного из сражений между турками и англичанами, и поэтому ему пришлось спешно покинуть свою походную палатку. Ему удалось избежать непосредственной опасности, но в

палатке после его побега остались несколько листов со списком многих агентов, работавших против Англии в регионе Ближнего Востока.

Именно фон Папен, опираясь на поддержку промышленного магната, уговорил Гинденбурга тридцатого января 1933 года назначить Адольфа Гитлера на пост рейхсканцлера. В знак благодарности Гитлер назначил его вице-канцлером.

На допрос он явился, одетый по-летнему, в шелковую рубашку и в шортах из льняного полотна.

Ответив на его приветствие, мы было приготовились приступить к допросу, как вдруг он предупредил наше намерение, заявив:

«Я как раз вчера прочел в газете статью о том, что все, кто находится в настоящее время в Мондорфе, будут отданы под суд по обвинению в военных преступлениях. Я принципиально буду отвечать лишь на те вопросы, которые имеют своим предметом военные преступления как таковые. Если вы будете ставить какие-либо другие вопросы, я на них отвечать не стану, так что не утруждайте себя понапрасну».

Со стороны можно было подумать, что допрос уже закончен: предъявлять обвинения в совершении военных преступлений фон Папену и в самом деле было нельзя, потому что в войне он фактически не принимал участия. Однако я не учел ловкости и находчивости моего коллеги, который на тираду фон Папена ответил следующим образом:

«Ваше превосходительство! — при этих словах я чуть было не прыснул со смеху, но мой коллега, оставаясь невозмутимо-серьезным, продолжал: — Мы историки. Мы не имеем ничего общего с расследованием преступлений, и получаемый нами при допросах материал не используется ни судебными органами, ни органами секретных служб. Так как ваше превосходительство оказали чрезвычайно большое влияние на ход истории последних лет, а также были свидетелем многих важных событий, мы хотели бы просить ваше превосходительство поделиться с нами вашими мыслями во имя блага человечества».

Произнесенная чуть ли не на одном дыхании, эта речь не могла не возыметь действия. Не вставая с кресла, фон Папен сделал в нашу сторону глубокий поклон, добавив к нему выразительный жест рукой, после чего ответил: «Истории я готов служить в любое время. Принимая во внимание изложенные вами обстоятельства, я готов сообщить вам то, что известно мне из личного опыта, и ожидаю ваших вопросов».

Другой категорией допрашиваемых были партийные функционеры. Их избегали почти все их «собратья по несчастью», они больше, чем какая-нибудь другая группировка, грызлись между собой и больше, чем кто-нибудь, дрожали за свою жизнь.

Альфред Розенберг был одним из тех, кто провозгласил некие принципы «философии» национал-социализма, чтобы дать хотя бы какую-то «теоретическую» подоснову для действий сторонников гитлеровского режима. Книга, которая должна была стать фундаментом этой «философии», называлась «Миф двадцатого века»¹. Это было настолько смехотворное с точки зрения науки произведение, с таким количеством ошибок, нелепостей, с такими проявлениями экзальтированного невежества, что его можно было бы принять за развлекательный сборник, если бы эта книга своим появлением не причинила столько вреда. В любом историческом периоде можно найти белые пятна, и их-то Розенберг вознамерился заполнить с присущим ему апломбом. В результате трусски оказались там, где о них и слыхом не слыхивали, суть древнегреческой культуры была им извращена совершенно, а новейшая история не понята абсолютно.

Среди партийных деятелей Розенберг выступал в роли чуть ли не шута. Когда Геббельс был в веселом расположении духа, гвоздем его программ был всякий раз становился номер, который смешил Гитлера до слез, — это когда Геббельс, передразнивая балтийский акцент Розенберга, принимался выкрикивать его высокопарные фразы.

Во внешности сидевшего напротив меня Розенберга не было ничего примечательного. Худощавое лицо, глубоко сидящие глаза с тяжелыми полукружьями, редкие волосы, утиный нос, выступающие скулы, землистый цвет лица. В его чертах не проглядывало никакая жизненной силы, и какую бы фразу он ни произносил, она производила впечатление заученной, «попугайской» и педантичной, в остальном же он нес несусветную околесицу...

Я спросил его, не считает ли он, что его не слишком принципиальные «расхождения» с Гитлером и сам факт краха Третьего рейха доказывают несосто-

¹ Перевод не дает возможности передать характер грубой ошибки, допущенной Розенбергом уже в самом заголовке книги: греческое «mythos», принятое в немецком написании, он пишет на латинский манер: «mythus». В тексте В. Хазенклевер на эту ошибку указывает (прим. перев.).

тельность его философии. Нет, об этом он даже и слышать не хотел. На полном, как говорится, «серьезе» он заявил мне, что, несмотря на бесславный конец гитлеровской империи, он, Розенберг, является самой значительной фигурой, представляющей национал-социализм. Его идеалом был нордический тип балта с примесью крови английского лорда и философским мировоззрением, определяющим «всеобщий ход истории» как в ее прошлом, так и в будущем. Таким «идеальным типом» он считал прежде всего себя.

Я послепил перебить его, заявив, что ему нет нужды обращать меня в свою «философию» — в конце концов я читал его книгу и знаю все ее положения, так что не нужно зря терять время.

Розенберг пришел в восторг. То, что перед ним сидел кто-то, кто от корки до корки прочел его «Миф двадцатого века», казалось ему игрой фантазии. Он тут же поинтересовался впечатлением, которое произвела его книга на меня, но я ушел от разговора на эту тему.

Система национал-социалистического государства, к сожалению, не предусматривала того, чтобы отправлять дураков в те места, где они могли бы предаваться своим мудрствованиям, не нанося при этом вреда обществу.

Генерал-губернатор Польши Ганс Франк... В Мондорфе у Ганса Франка была своя, обособленная ото всех, «клетушка». Он не общался с кем. С утра до вечера — за исключением тех случаев, когда его вызывали на допрос, и кроме часов, отведенных для приема пищи, — он ходил взад и вперед по террасе отеля, держа в руках молитвенник, и приносил господа покаяния. Он шептал молитвы, без конца тербил свои четки и каждую свободную минуту посвящал самобичеванию. При этом он был чрезвычайно озабочен еще и тем, чтобы при этих покаянных отправлениях быть на виду у всех, кто входил в отель, выходил из отеля или проходил по скверу, где прогуливались пленные. Своим «друзьям по несчастью» он был в тягость, и во время допросов они не упускали случая поднасолить ему, этому новоявленному «совестливому грешнику», но свою роль он играл отменно и на провокации не поддавался.

...Он был человеком музыкальным. Особое «тяготение» к Польше он испытывал, можно предположить, по той причине, что боготворил Шопена, сочинения которого чуть ли не с профессиональной виртуозностью играл на рояле. В период оккупации Варшавы был приглашенным в особняк генерал-губернатора и послушать в его исполнении Шопена считалось событием в общественной жизни города.

При всем при том он был садист — об этом говорили хотя бы его губы. В их чувственной мягкости четко проглядывалась та жестокость, которой он дал полную волю во время своего правления в Польше.

Касательно нации поляков в Третьем рейхе было решено, что государство с названием Польша не будет существовать более никогда, что этой территорией будет владеть Германия, а население этой страны будет обращено в рабство. Полякам было заведомо отказано в праве на какое-либо образование, им предоставлялась возможность свободного, неограниченного пользования дешевыми алкогольными напитками и легкодоступными наркотиками, что, естественно, имело своей конечной целью дегенерацию всей нации. Полякам было необходимо низвести до того уровня, на котором, оставаясь рабами, они могли бы служить как рабочее тягло для господ нордического происхождения.

Для проживавших на территории Польши лиц еврейской национальности судьба была еще менее благосклонна: для них вообще не существовало будущего, им был отведен некий срок, в течение которого они должны были работать на благо рейха. Как только у них кончались силы, они подлежали уничтожению. Символом этого стали руины Варшавского гетто, которые можно сравнить разве что с руинами после землетрясения.

В беседе со мной Франк только и делал, что каялся. Он не осознавал своей действительной вины, но был готов «нести этот ужасный крест». Гитлер в его глазах — так он повторял — был чудовищем, и требуется еще по меньшей мере тысячелетие, чтобы его злодеяния могли быть забыты.

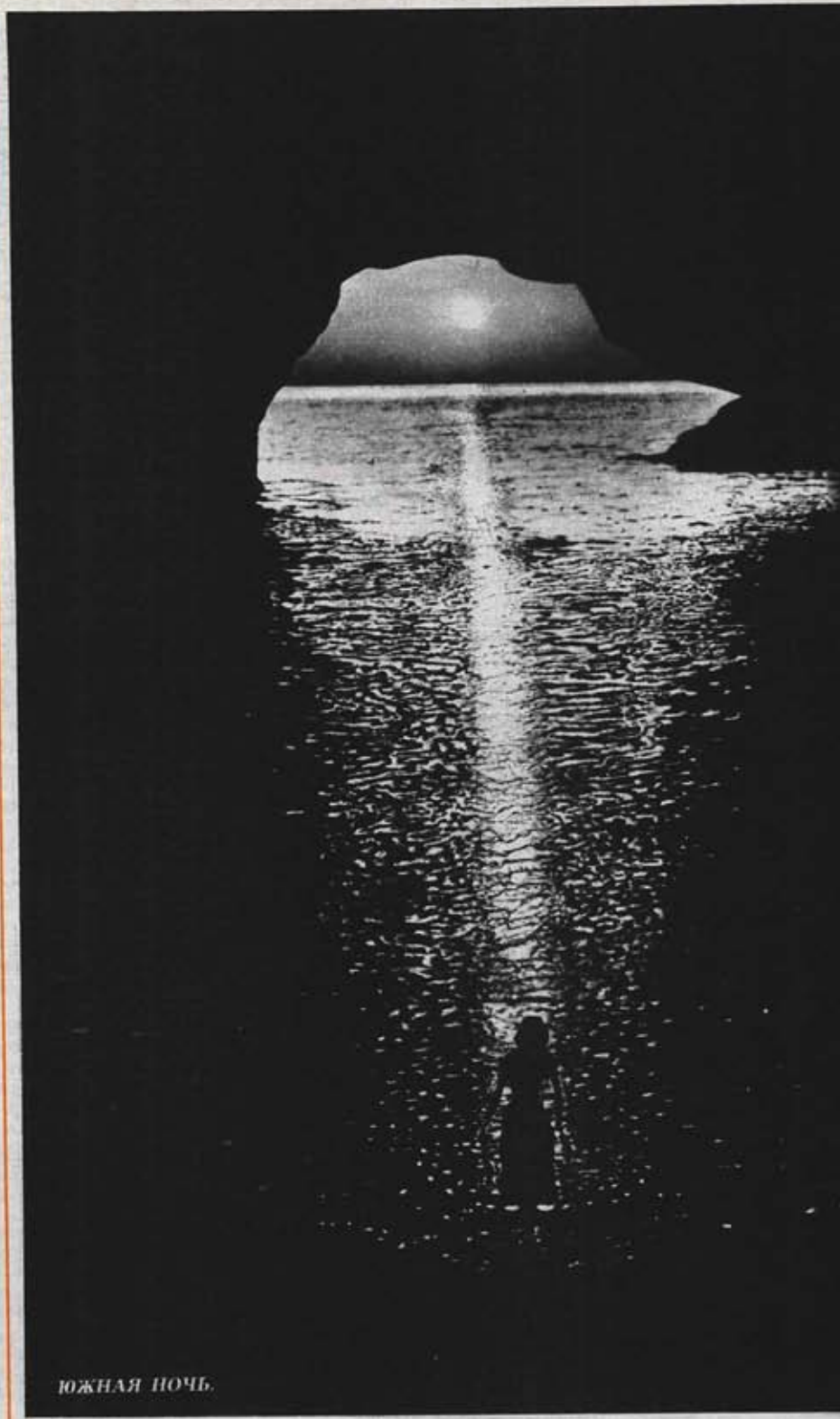
У меня вскоре появилась аллергия на это столь часто употребляемое им «тысячелетие», и я спросил его — возможно, эти злодеяния могут быть забыты чуть раньше назначенного Франком срока, уже хотя бы потому, что «тысячелетняя империя» Адольфа просуществовала всего лишь дюжину лет. Однако Ганс Франк, не заметив иронии, высокопарно возражал мне — раньше этого срока эти злодеяния забыты быть не могут.

Окончание следует.

Бухта Грина

БЕРЕГА БУХТЫ СКАЛИСТЫ,
НЕПРИСТУПНЫ.

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

Фото Николая ДУДИНА

Бухта Грина. Ее так и называют здесь. Все в ней наполнено мечтой писателя. Кажется, сейчас в утренней дымке появится силуэт трехмачтового брига с алыми от солнца парусами. Сбежит со скалистого берега Ассоль навстречу своему счастью.

Человеку свойственно мечтать. В будничных делах мы порой забываем об этом, но здесь, на берегу синего моря, все заботы уходят в прошлое.

Романтиков и мечтателей не удержишь манит эта небольшая бухта Черного моря с причудливыми скалистыми берегами, что близ Цихисдзыри Аджарской АССР. Цихисдзыри — подножие крепости. Когда-то давно на высоком берегу стояла неприступная твердыня. Разрушенная временем, предстает она теперь в причудливых изломах и нагромождениях камней. Как нельзя лучше сочетается суровая недоступность серых скал и пышный расцвет субтропической зелени, голубое, всегда безоблачное небо и прозрачная глубина бирюзовой воды.

Окруженная скалами бухта поражает воображение в любое время суток. С первыми лучами солнца приходит к вам память о далеком детстве, о его светлой радости, еще не омраченной заботами. Но вот солнце разгорелось в полную силу. Заиграли, запели сочные краски южной зелени. Сотни маленьких ящерич распластались на камнях, соединившись с ними в одно целое. Единство мертвого камня и жизни. Все — гармония.

Замерла бухта. Полуденным зноем утомлено буйство зеленых красок. Затихла вода. Она манит, влечет тебя своей прохладой и покоем.

...Еще не вечер. Солнце только начинает свой путь к закату. И вновь неспокойна голубая вода. Она вся — движение. Но вот солнце пробегает алым лучом до самого берега и медленно окунается в светящуюся воду. Южная ночь надвигается быстро. Усыпанный звездами ковер неба сливается с черным бархатом моря. Лунная дорога, отливая серебром, устилает путь к горизонту.

Природа пробуждает в нас мысль. Она служит отправной точкой всего прекрасного, что создано человеком. Эта маленькая бухта Черного моря располагает к размышлению, к творчеству.

На высокой скале, выступающей в море, среди темной зелени светится одинокое окно небольшого дома. В этом доме в 1933 году жил Всеволод Вишневский. Здесь он написал сценарии фильма «Мы из Кронштадта», и впоследствии в этой бухте были сняты эпизоды фильма. Многие кинематографисты нашей страны именно здесь находят натуру для своих фильмов. В этой бухте были сняты эпизоды прекрасных кинолент «Пятнадцатилетний капитан», «Дети капитана Гранта», «Таина двух океанов», «Человек-амфибия», «Робинзон Крузо», «Похищение «Савойи».

С каждым годом все больше любителей путешествия собирает Цихисдзыри. Каждый, кто побывает в этом живописном уголке, увезет с собой память о прекрасном, мечту, надежду. Здесь вы найдете то, что может быть когда-то прошло мимо.

Татьяна СОСНОВСКАЯ

ГАРМОНИЯ.

ОБЩЕЖИТИЕ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ («СМЕНА» № 10, 1981 г.)

Как мы и обещали («Смена» № 10, 1981 г.), сегодня «Смена» знакомит читателей с ответами комсомольских организаций на вопросы, написанные в редакцию после опубликования блока материалов «ОБЩЕЖИТИЕ: гости или хозяева?».

Мы не просто процитируем их более или менее пространно. Сейчас этого было бы совершенно недостаточно. Ведь речь здесь о «конкретной заботе о конкретном человеке, его нуждах и потребностях». О том, что XXVI съезд КПСС определил как «начало и конечный пункт экономической политики партии».

О затянувшемся на многие месяцы ремонте, превратившем их общежитие в место, непригодное для жилья, написали нам читатели из Житомира.

«Проверкой установлено, что факты, изложенные в письме жильцов общежития, принадлежащего управлению водопроводно-канализационного хозяйства, в редакцию журнала «Смена», действительно имели место», — говорится в ответе Житомирского обкома ЛКСМУ, подписанном секретарем обкома Б. Шевченко. И далее:

«Начавшийся осенью 1980 года ремонт оказался не обеспеченным стройматериалами, а в результате бесконтрольности отдельных служб затянулся до весны. За несвоевременный ремонт общежития решением областного управления коммунального хозяйства на начальника управления водопроводно-канализационного хозяйства наложено дисциплинарное взыскание. Приняты меры к ускорению ремонтных работ.

В настоящее время ремонт практически закончен. В ближайшее время в общежитии будут оборудованы постирочные и сушильные помещения. Жильцы общежития подтвердили заметное улучшение условий жизни». Остается выразить надежду, что впрямь жильцы не только этого, но и других общежитий Житомира подобным «испытаниям ремонту» подвергаться не будут.

Следующий ответ — из Вологды. Обком комсомола провел проверку по письму одного из учащихся ГПТУ-28. О чем оно было, легко догадаться по ответу.

«Условия жизни и порядки в общежитии ГПТУ-28 нельзя считать неудобными, как они названы в письме. Общежитие расположено в типовом, благоустроенном здании, оборудовано необходимой мебелью и инвентарем, имеются все предусмотренные правилами подсобные помещения, работают библиотека и читальня.

В общежитии трудятся опытные, знающие и любящие свое дело воспитатели. Вместе с советом общежития они контролируют занятия самоподготовкой, интересно организуют досуг ребят.

Вместе с тем в общежитии действительно имеют место случаи воровства личных вещей учащихся. Это стало возможным вследствие отсутствия должного внимания со стороны педколлектива, общественных организаций к созданию в общежитии атмосферы непримиримости к фактам воровства, воспитанию у учащихся честности, ответственности за свои поступки.

Комитет комсомола слабо контролировал работу в общежитии.

Письмо было обсуждено среди проживающих в общежитии, в педколлективе. По желанию учащихся изменен порядок работы камеры хранения.

Обком ВЛКСМ указал Октябрьскому райкому комсомола, комитету комсомола ГПЗ-23, базового предприятия училища, на необходимость строгого контроля за работой в общежитии: Секретарь комитета комсомола училища освобождена от занимаемой должности.

В результате атмосфера жизни в общежитии улучшается. О полном устранении отмеченных недостатков сообщим дополнительно. И. Лапшина, секретарь обкома ВЛКСМ».

А вот о содержании письма в редакцию работниц ТЭЦ ВАЗа А. Батуриной и В. Ильиных догадаться по ответу, поступившему из Куйбышевского обкома комсомола, гораздо сложнее.

«В ответ на Ваше письмо о жалобе тт. Ильиных В. и Батуриной А. на неблагоприятные условия жизни в общежитии, нездоровую атмосферу, грубость коменданта сообщаем, что факты, изложенные в письме, не подтвердились.

Общежитие находится в 11 квартирах жилого дома. Полностью оборудовано жестким и мягким инвентарем согласно утвержденным нормам. Комендант общежития т. Давыдова надежда Сергеевна награждена медалью, замечаний со стороны администрации не имеет.

Жильцы общежития имеют возможность самостоятельно заниматься интересом комнаты, пользоваться приборами из ателье проката.

Авторы письма т. Ильиных В. и т. Батурина А. неоднократно получали замечания со стороны коменданта и проживающих за нарушение правил проживания в общежитии. В настоящее время они переселены в разные комнаты, замечаний к ним нет».

Безусловно, все это — и мягкий и жесткий инвентарь, и возможность заниматься интересом, и отсутствие у коменданта замечаний — хорошо и само по себе и в общем создает привлекательную картину, но ведь т. Ильиных В. и т. Батурина А. жаловались на то, что у них из комнаты пропали деньги. Что именно в этой ситуации у них были столкновения с комендантом. Подтвердились или не подтвердились эти факты? И то, что Ильиных и Батурина имели раньше замечания, конечно, несколько не красит их, но и не означает, что они автоматически становятся неправыми в каждой ситуации. Если деньги пропали, необходимо сделать все, чтобы их найти, принять меры, чтобы подобные случаи исключить из жизни общежития, как это решили сделать в вологодском общежитии. Конкретная ситуация требует конкретного подхода. Самая благополучная общая картина не должна заслонять конкретного человека. Его личности, его интересов, его самочувствия, его представлений о благополучии.

Наверное, это самое трудное из

того, с чем приходится сталкиваться тем, в чьи обязанности входит забота о людях, живущих в общежитиях. Самое трудное, но и необходимое.

«Культурно-массовая работа в общежитии СГПТУ-10, — говорится в ответе Челябинского обкома комсомола, — проводится под руководством комитета ВЛКСМ, действует совет общежития, советы этажей, работает клуб выходного дня, дискуссионный клуб. Совет общежития работает в тесном контакте с детским сектором Дворца культуры трубопрокатного завода, в котором систематически проводятся тематические вечера, дискотеки, конкурсы».

Хорошо, что это так. Но вот как быть с тем, что воспитатели, комендант в общежитии бывают грубы, нетактичны? Впечатление от самого веселого вечера, самого интересного конкурса может улечься, если потом ты столкнешься в общежитии с неуважительным отношением к себе. Как нам сообщили из Челябинска, с содержанием письма, в котором говорится о подобных претензиях, «ознакомлены администрация училища, секретарь комитета комсомола, воспитатели общежития». Но достаточно ли этого?

А вот решение челябинцев особо усилить индивидуальную работу с учащимися, проживающими в общежитии, думать, шаг верный и точный. И если им действительно это удастся, то позволит какие-то проблемы решить сразу, вокруг же других как-то разрядить нездоровую атмосферу, взаимного непонимания и недоверия. Атмосферу, сгущающуюся обычно там, где люди разъединены, имеют смутное представление о правах, обязанностях, возможностях одних, желаниях, настроениях, чувствах других.

Так, в редакцию пришло очень тяжелое по общему настроению, отношению к окружающим письмо А. Шастина, проживающего в одном из общежитий Ленинграда. Общежития, которое он сам признавал для жилья тем не менее совершенно пригодным. И вот какой ответ получили мы по поводу этого письма из Ленинградского обкома комсомола:

«Общий негативный тон письма вызван законным отказом администрации предоставить А. Шастину, приехавшему в Ленинград по набору лишь летом прошлого года, лучшие жилищные условия и прописать его жену, проживающую в настоящее время вне города.

С членом совета общежития А. Шастиним состоялась беседа с участием представителей администрации, секретаря партбюро и комитета ВЛКСМ треста».

Не стоит в подобной ситуации преувеличивать воздействие подобной беседы, но нельзя не отметить, что после нее у А. Шастина нет причин считать, что с ним поступили незаконно, что его проблемы — результат чьей-то недоброй воли.

Другое письмо. Его авторы, группа студентов Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева, проживающие в общежитии, расположенном в городе Мытищи, писали о неправильной организации субботников в их общежитии — администрация всеми способами вынуждает выходить на них, не считаясь с интересами студентов.

Ответ секретаря комитета комсомола МИСИ В. Полукарова:

«Проверка фактов, приведенных в письме, показала, что они изложены в письме неверно.

Во-первых, по решению IV отчетно-выборной конференции партийной организации МИСИ каждый студент МИСИ должен отработать 5 дней в свободное от учебы время на строительстве комплекса Б. МИСИ.

Во-вторых, в г. Мытищи в 1981 г. вводится новый корпус общежития, куда будут переселены студенты факультета ТЭС, проживающие сейчас в старом корпусе общежития. В соответствии с решением деканата, партийной и комсомольской организаций факультета ТЭС и по согласованию с парткомом института студенты факультета ТЭС, проживающие в общежитии в г. Мытищи, работают на этом новом корпусе вместо комплекса Б. МИСИ. При этом при заселении корпуса будет учитываться вклад каждого студента в работу по благоустройству и подготовке корпуса к эксплуатации».

Сразу возникает вопрос: а знали ли все это студенты? Объяснили им, рассказали? Почему-то складывается впечатление, что нет. А если и объяснили, то не слишком внятно. Иначе почему организаторами работ на новом корпусе они считают коменданта и воспитателей, а не комитет комсомола, не деканат, не партком? А ведь, наверное, при соответствующей разъяснительной работе вряд ли кто выразил бы недовольство тем, что нужно поработать в своем будущем доме, тем самым приблизив переезд в него. Да еще если бы сообщество разработало достаточно удобный график этих работ.

Порой многие решения, правила, отказы в какой-то просьбе воспринимаются людьми болезненно и раздражены только потому, что они не видят, не знают причин, обстоятельств, их вызвавших. Решение где-то, кем-то принимается, потом вывешивается в виде приказа или объявления на стене или безапелляционно провозглашается, а бывает, что вводится и без этого, явочным, что называется, порядком — и никаких объяснений. Не говоря уже об обсуждении. А ведь каждое решение об общежитии прямо касается сотен людей. Подобный метод, кому-то позволяющий тешить непомерно разросшееся самолюбие, у кого-то ставший привычным потому, что так вечно было хлопотно, зачастую приводит к последствиям и конфликтам в стенах общежития, преодолеть, сгладить которые удается далеко не всегда. И уже эти конфликты начинают определять атмосферу в общежитиях.

Несколько слов в заключение. Нельзя не заметить, что по многим ответам, поступившим в редакцию из комсомольских организаций, затруднительно, а то и невозможно понять, каким же именно путем, с помощью каких конкретных мер будут исправляться отмеченные нашими читателями недостатки. «Намечены конкретные меры...», «Разработаны мероприятия по улучшению...», «Вопрос улучшения рассмотрен...». Хотелось бы более убедительных, подкрепленных конкретными фактами сообщений. Например, таких, каким был ответ на выступление «Смены» Белгородского обкома ВЛКСМ (см. «Смену» № 9, 1981 г.).

Проблема общежитий не закрыта. Наоборот, она привлекает к себе все большее и большее внимание. Поэтому ко всем вопросам, связанным с общежитиями, следует подходить с предельной ответственностью. Здесь неуместны пустые слова и обещания. Здесь требуются конкретные дела.

Лошадь помогла человеку прийти к цивилизации, значит, в каждом из нас от природы заложена информация о том, как обращаться с лошадью». Это из мозаик Виктора Петровича Угрюмова, из парадоксов, излагаемых им обычно с полной безапелляционностью.

Так ли, не так, но почему ж остро волнует тебя, объясни, сам вид гармонично прекрасного животного, так зовут перестук копыт в денниках, шумные вздохи, тихое похрумкивание, сладковато-терпкий запах лошадиного жилья, и белолобая морда, косящая глазом из-за деревянной решетки, вызывает уважение и нежность?

Что это — память детства? Крутой волжский откос, под который спускаешься поить вороного, и когда он, фыркая, тянет к воде шею, соскальзываешь по ней, плюхаешься: ах, славно... Упоение полета санок сквозь метель, доверенная тебе кучером вместе с вожжами власть над конем — или его над тобой? — и перед глазами веселый промельк подков...

И по всей-то взрослой жизни прочерчена ребячья зависть к человеку, столь статному и бравому в седле.

Счастливец Угрюмов. Его спортивное дело называется выездкой, а хочется сказать по-старинному, как уже почти никогда не говорят: высшая школа верховой езды. Балет на лошади в сосредоточенной тишине. Чередование аллюров. Менка ног, когда конь, перебирая ими на весу — выпад за выпадом, — точно порхает в воздухе. Принимание, когда он, вкось пересекая манеж, прелестно-покорно изгибает лоснистое тело вокруг шенкеля всадника. Церемониальный марш пассажа.

Счастливец Угрюмов. Судьбой дано ему учить лошадь ювелирному этому искусству и потом являться на ней в манеже затянутым в черный фрак, гарцевать, словно совсем не прилагая усилий, лишь слегка перебирая повод руками в белоснежных перчатках, и потом, когда отобьет партнер копытами заключительные такты, пиаффе, широким жестом снимать цилиндр, приветствуя судей.

Счастливец, ему повезло.

Впрочем, стоп. В житейской философии Виктора Петровича понятию «везение» места нет.

Когда он начинал заниматься выездкой — еще дома, в Ташкенте, — бывалые кавалеристы говорили, что из него ничего не получится. Для высшей школы, они говорили, нужен красавец конь и всадник с чуткими пальцами музыканта. Угрюмов же с детства работал подручным кузнеца, потом молотобойцем, кузнецом («Ему подковы ломать, а не лошадей выезжать»), а конек ему достался маленький, пузатенький, слепой на один глаз и другим плохо видевший. «Лихой» было имя конька, а дразнили его ишаком. Он был, правда, хороших кровей, происходил от знаменитого Хобота, был братом Ихора, на котором Иван Кизимов стал в Мюнхене олимпийским чемпионом. Но что делать, коль выдался этот Лихой в семействе гадким утенком.

— Зато душу сохранил, — говорит о нем Угрюмов. — Я думаю, он много страдал, был сперва опустившийся, и мое отношение к нему его переделало.

Позвольте отступление.

Когда я задал Угрюмову простой и, как выяснилось, наивный, по его мнению, вопрос, любит ли он лошадей, он ответил, что о любви не может быть и речи. Лошадь для него — спортивный снаряд, на котором выполняются определенные упражнения. Снаряд надо содержать в порядке, как, например, свой кузнечный инструмент (Виктор Петрович до сих пор тонкое делоковки никому не доверяет).

Ну, а коли так, при чем здесь душа Лихого?

Замечено, что конники, сделав предварительную оговорку об отсутствии у лошадей второй сигнальной системы, а следовательно, разума в нашем понимании, тотчас принимают говорить о них как о людях. И это, собственно, великолепно, это побуждает их лелеять, щадить и понимать больших и сильных, но слабых и ребячливых «братьев наших меньших».

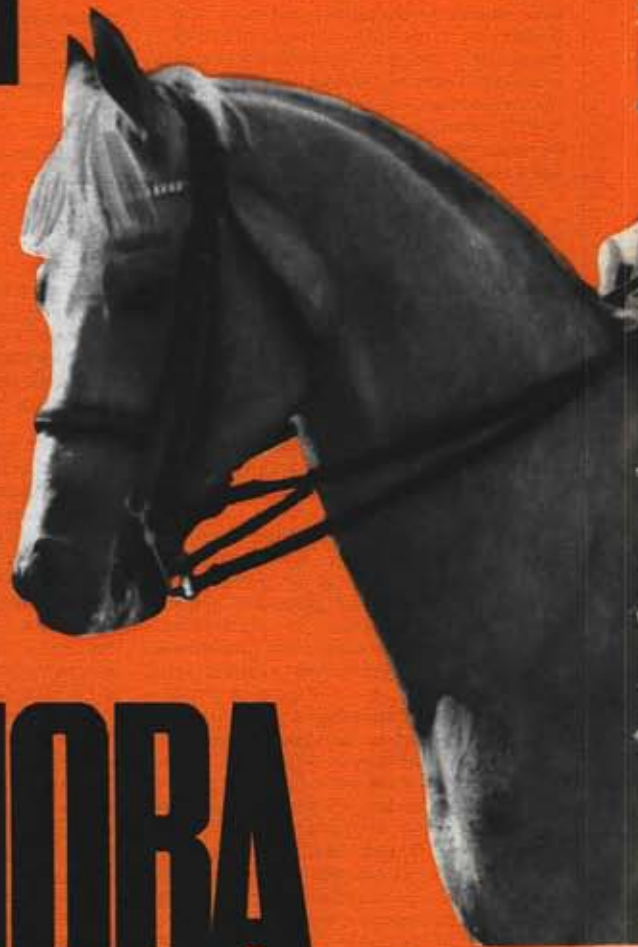
Не случайно же лошади делятся для Угрюмова на тех, которые хотят, и тех, которые не хотят учиться. «Бывает спортсмен — способностей вагон, а доволен малым, вверх пробиваться ленится — так и лошадь».

Но вернемся к временам Лихого.

Выездкой Угрюмов занялся поздно, после службы в армии, до того пробовал себя в конкуре, в торебуре. В Ташкенте тогда были два классных

Как спорт строит человека

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВИКТОРА УГРЮМОВА

мастера высшей школы, и ему, значит, негласно определили вечное третье — после них — место.

Но он так о себе говорит: «Останься я кузнецом, я не был бы простым кузнецом — придумывал бы, рационализировал, выбился бы в люди. Стань я инженером, я бы не был простым инженером. И так в любом деле, которым бы я занялся. Я решил разобраться в выездке досконально. Это у меня от отца. Был случай — в сорок третьем году на Сахалине, где мы тогда жили. Прислали дизель-электростанцию, а документация на нее не пришла. И отец, простой рабочий, взялся, разобрался и пустил ее. У меня по психологическим тестам выходит, что новому делу я обучаюсь довольно медленно, но всего лучше сам».

Он терпеливо слушал всех, кто мог хоть сколько-нибудь помочь ему советом. Он читал о лошадях все, что мог достать. Сейчас, по прошествии многих лет (Виктору Петровичу за сорок), можно сказать, что вряд ли есть такая книга о выездке, которая не была бы ему знакома. Для этого он, например, самоучкой вы зубрил немецкий — школа выездки в Германии на протяжении веков считается одной из лучших в мире. Гигантскую домашнюю библиотеку патриарха нашего конного спорта Георгия Тимофеевича Роголева Угрюмов проштудировал от корки до корки.

Каких только методов обучения не придумывал! Лихого так, допустим, тренировал отбивать пиаффе:

привязывал к стойкам гимнастического турника — под перекладину — и со стороны слепого глаза бросал в круп мелкие камешки. Конь пугался, стремился вперед, а привязь не пускала, и получался шаг на месте...

Словом, долго ли, коротко ли, Угрюмов на Лихом в розыгрыше Малого приза оказался однажды третьим на первенстве страны. Судьи посмеивались над тем, как пыхтел, старался, работал бедняга конек, — посмеивались, но выводили по заслугам высокие баллы.

Надо сказать, что Виктор Петрович к тому времени оставался не только спортсменом, но — со свойственной ему уверенностью в себе — начинал мало-помалу тренировать молодых всадников. И в этих двух качествах — как наездник и как тренер — был приглашен в Белоруссию, в конный центр Ратомку.

Он взялся там ретиво — с раннего утра до позднего вечера не выходил из манежа. А до него жизнь в Ратомке текла ни шатко, ни валко — приятная, непыльная жизнь.

Отгуляют коллеги два часа с хлыстиками, возьмут бутылочку, и потечет неспешный разговор о замечательном предмете жизни — лошадях. Однажды Виктору Петровичу тамошний его ученик сказал: «Вы меня не гоняйте сегодня так уж сильно, пожалуйста, я вчера малость перебрал». Тот его — вон с тренировок.

«Так праздник же вчера был, — пеняют колле-

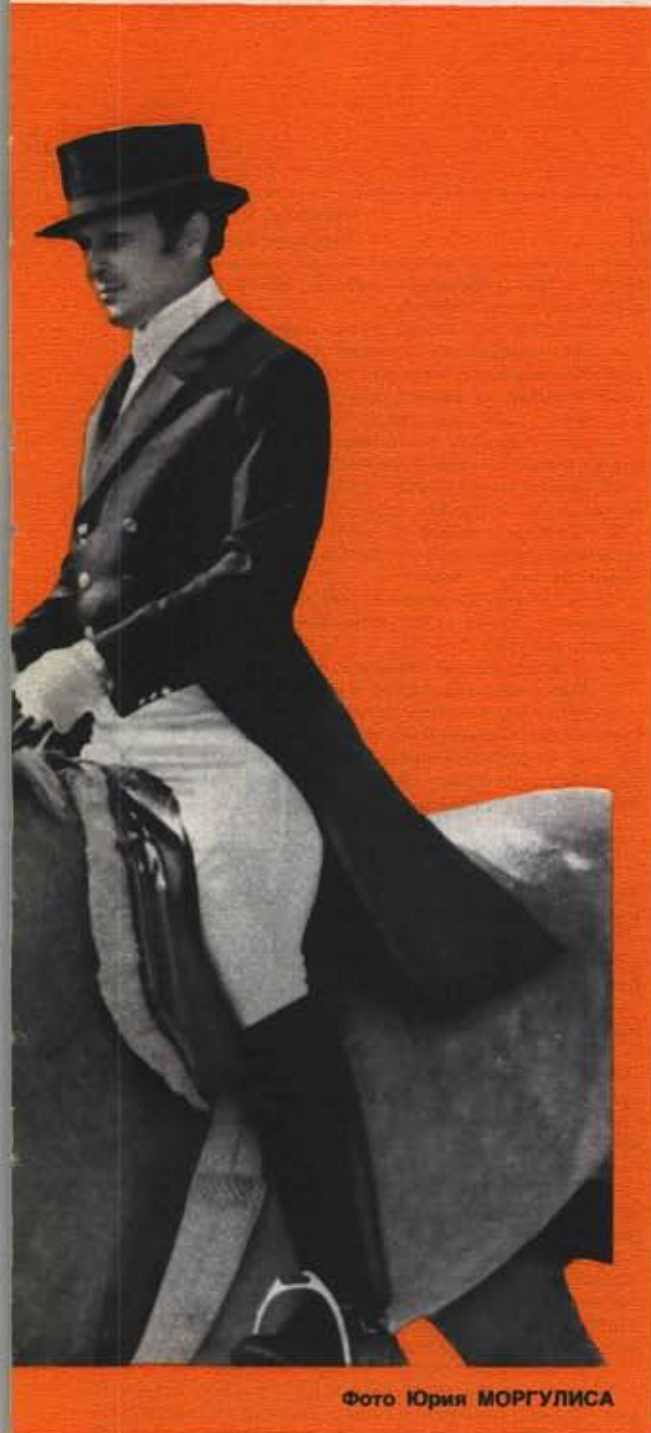

Фото Юрия МОРГУЛИСА

работать и терпеть. Вон девочка беленькая стоит. Иди сюда...»

Это не домысел, не легенда — именно в споре, веря, как всегда, что его терпение и труд все перетрут, Угрюмов позвал в группу первую попавшуюся девочку. Она работала на конном заводе — чистила лошадей, убирала навоз. Через восемь месяцев Ирина Карачева проигрывала в Белоруссии только Угрюмову.

Да, он подлинно исполнен веры в себя, в свой ум и в свои руки, истый русский мастеровой, не признающий деления людей спорта на тех, которым природа выдала щедрую жменю, и тех, кому протянула пустую ладонь. Спорь с ним, не спорь — он уверен, что гены — дело второе, пятое, десятое...

Противореча себе, он может бурно восхищаться дочерью олимпийской чемпионки Елены Петушковой семилетней Владой: посадил ее на смиренного, туповатого Акбулака, ножки ниже седла не свисают, сказал: «Вышли лошадь». Девочка что-то такое непонятное, даже вроде нелепое сделала, и конь, как птичка, порхнул — вот что это был за посыл! Талант, конечно, наследственный.

Хотя все так, но Угрюмов настаивает на своем: что такое — не рожден человек, например, прыгать? Если он с детства сегодня одну ступеньку возьмет, завтра — другую, повыше, потом еще выше, то как еще запрыгает! Это и есть настоящая жизнь — расти над собой со ступеньки на ступеньку.

Среди множества его идей иные с небольшим, так сказать, загибом. Он считает, например, что спортсмен-конник в большинстве случаев интеллектуально выше неспортсмена, если подразумевать под интеллектом способность размышлять над окружающей действительностью, оценивать ее и перерабатывать получаемую информацию. «Мышцы ведь связаны с мозгом, так? И их развитие способствует развитию мозга — не может не способствовать. А интеллект помогает понимать лошадь. А что такое «понимать лошадь»? Чувствовать ее чувства и желания и корректировать их так, как это тебе необходимо».

Он учит так: чуть у лошади элемент стал хорошо получаться, настолько хорошо, что, возбуренный, он может обернуться уже небрежностью, халтурой, надо сразу прекращать над ним работу. Тогда во время соревнований лошадь будет стараться изо всех сил, ожидая, что за самым лучшим исполнением последует награда — отдых.

«Надо, — он говорит, — не заставлять в соревнованиях лошадь сделать то или другое, а морально подводить, готовить ее к элементу. И если она готова, тогда ты шенкель только приложил, а она уже с удовольствием тебе отвечает, и на морде у нее желание, а не обреченность. У тренированной лошади меньше времени проходит от требования всадника до ее ответа. Конника хвалят так: «Он чувствует лошадь». Значит, чувствует время протекания реакции».

Он вспоминает: «В армии я немного занимался современным пятиборьем. Бежишь, бывало, кросс — последний километр, в груди как кол торчит, ноги подгибаются. Бежишь и думаешь: «Будь подо мной лошадь, я бы ее уже начал пороть». Я и не был их потому, что всегда эту мысль свою помню. Я когда с ними работаю, жду, что они сами то или другое захотят сделать. Ставлю в определенные условия и жду».

«...Мне нравится процесс общения с лошадью. Процесс совершенствования. Видишь, как она растет, растет, растет: жеребенок, жеребчик, и вот уже конь, такой красавец...»

«...А вообще не столько ты ее воспитываешь, сколько себя».

В 1976 году, заняв на Олимпиаде в Монреале шестое место, Угрюмов сразу после этого отдал своего Саида, идеально выезженного рыжего арабского тигриной грации, Ирине Карачевой — ученице. Поступок казался неожиданным, нелогичным, как ни объяснял Виктор Петрович, что, во-первых, он всей душой полюбил Белоруссию с ее добрыми, бесхитростными, трудолюбивыми людьми и изо всех сил возжелал сделать ей когда-нибудь подарок — добиться, чтобы сборная республики стала сборной страны; во-вторых же, заявлял Угрюмов в свойственном ему стиле, что, когда он на Саиде, у него в стране нет конкурентов, а так ему жить неинтересно.

В 1978 году Угрюмов совершил другой нелогичный поступок — взялся тренировать Елену Петушкову, соперницу давнюю и грозную.

Ну, тут, по-моему, в большой мере сказалось личное отношение Виктора Петровича к чемпионке мира 1970-го, олимпийской чемпионке в командном зачете 1972 года. Елена Владимировна — замечательный в

спорте человек. Достаточно напомнить хотя бы о том, что, ни на день не прекращая тренировок, она с отличием окончила Московский университет, защитила диссертацию на степень кандидата биологических наук, продолжала и продолжает научную и преподавательскую работу на кафедре биохимии МГУ. Петушкова поистине создала самое себя: застенчивая, робковатая от природы, стала великолепной всадницей, волевым бойцом, сохранив при этом обаятельную, грациозную скромность и сердечность. Все это — и ученость и спортивное мастерство — побуждает Угрюмова считать ее образцом, высоким примером для подражания, более же всего другого — труд.

В те поры, когда возникло их сотрудничество, прекрасный Пепел, конь, прославивший Петушкову, состарился, так сказать, ушел на пенсию, и она взяла молодого Абакана. Навыки выездаки принялся прививать ему Угрюмов.

В 1979 году на Spartakiade народов СССР Петушкова на Абакане была второй, проиграв лишь самому Виктору Петровичу и выиграв у Карачевой.

Угрюмова, впрочем, это не огорчило: он смотрел дальше, смотрел в олимпийский восьмидесятый. Видел сборную страны состоящей из них троих.

Но судьба судила иначе. Весной восьмидесятого трагически погиб Абакан; Петушкова осталась без лошади и, следовательно, вне команды. Потом тяжело заболел Саид, в команду не смогла попасть Карачева. Их заменили Юрий Ковшов и Вера Мисевич. И, наконец, уже перед Играми у самого Угрюмова, включенного в сборную, простудился и заработал ревматизм новый его конь, Шквал.

Виктор Петрович в Битце выступал. Но чего это стоило! Как мог, он восстанавливал лошадь, делая припарки, по секундомеру измеряя время разминки — на какую погоду сколько.

Уже в ходе турнира один специалист его упрекнул: «Что ж ты, такой мастер, менку ног не можешь лошадь заставить как следует делать?» Разговор шел возле денника, и Угрюмов велел конюху вывести Шквала, прогулять по коридору. «Зашкалдыбал мой бедняга, и тот товарищ только руками развел».

В командном зачете Олимпиады наши победили, Угрюмов на Шквале был третьим.

Теперь у него новый, молодой конь — соловый тракено-ахалтекинец Енисей. Все началось с самого начала.

Снова въезжает в манеж стройный всадник, горделивый и недоступный, сжав в нитку губы, строго сузив глаза под полями цилиндра.

А полчаса назад, натягивая сапоги и пристегивая шпору, он тоненько, по-детски приговаривал: «Ой-ой, божечки, как я волнуюсь, ой, как боюсь, ой-ой...»

Что это?

Да система.

Где Угрюмова ни копни, все система.

Он, видите ли, заметил, что ему легче выступать, когда он чувствует беспокойство, тревогу. Вот и тревожит и беспокоит себя.

И своих учеников — тоже. Если видит, что они беспечны. «Чего вы развлекаетесь, другие-то вон лучше вас ездят».

Зато после соревнований он их не критикует. Только до. Он рассказывает притчу, как некто, погнав сына за молоком, тотчас отвесил ему затрецину. «За что, батя?» «Чтоб не разлил?». «Так надо потом, если разольет». «Потом поздно будет».

Уже сегодня в кабинете высокого начальства Угрюмов способен уверенно заявить, что берет на себя обязательство стать в 1984 году олимпийским чемпионом. Только нужно ему для этого то-то, то-то и то-то.

По принципу «проси больше, дадут меньше».

Но ничего для себя — только для дела, для лошадей.

После Олимпиады ему предлагали новую квартиру — больше и лучше нынешней. Отказался. У него, понимаете, отличные соседи по дому, особенно один — слесарь-ремонтник железнодорожного депо, такой же, как он сам, увлеченный своим делом человек.

Личной машины Угрюмов не хочет. Возни с ней много, а у него этой работы и с лошадьми хватает. И вообще у него своеобразное отношение к транспортной проблеме: едучи на соревнования, мягкому креслу самолетного салона или купе скорого поезда предпочитает коневозку — фургон, на котором везут лошадей. Уж он о них за дорогу все узнает, а кроме того, насмотрится власть на леса и поля, повест у костерка, посмотрит под звездным небом...

Человечество, по-моему, делится на две категории — людей субботы и людей понедельника. Одни ждут не дождутся отдыха, другие — утра, когда стремглаз бежишь к своему делу.

Как ждет Угрюмов свидания с лошадьми.

ги, — разве не понятно, разве ж можно, чтобы без никаких тебе резоннов? Ты его вон отправил, а он, может, талант выдающийся, он обидится и бросит спорт. И вообще, Угрюмов, без тебя нам лучше было. Заветного слова в выездке и ты, как мы, не знаешь, а знаешь одну работу — каторжную, а мы мечтали о чем-то возвышенном, что ж ты на нашу романтику железную решетку надел? У тебя ж как на производстве...»

«Думкой, — он им сказал, — только дурак богатеет. А насчет заветного слова верно: не знаю, и никто не знает, его нет, а есть труд. Я, когда на заводе работал, спортом уже занимался и еще в вечернюю школу ходил, то сяду, бывало, в классе у печки и закемарю. А прямо перед глазами на плакате написано, что в труде заключаются смысл и цель жизни человека, его счастье, его восторги. Это говорил писатель Чехов. И я читал и не понимал: как так, чтобы труд давал счастье, давал восторг. А потом простой пример вспомнил: вот потаскаешь раскаленные болванки, взмокнешь весь, потом глотнешь холодной газировки, и такая прекрасная делается жизнь, идешь домой усталый, а она вся вокруг тебя улыбается. Это как в парной бане — терпишь, сил уже нет, а терпишь, а потом ляжешь дома на чистую постель — блаженство. Ну, а насчет таланта, которого я прогнал, так из любого, я вам гарантирую, могу сделать классного мастера выездки, умел бы он

Джефф хрипло, панически заорал. Должно быть, и я что-то крикнул, но не помню что. Я попытался схватить Линду, однако она от меня увильнула. Джефф вскочил на ноги и побежал прочь от нас. Ружье выстрелило; он повалился на правый бок, затем перевернулся лицом вниз и замер. Линда выстрелила снова, прежде чем я успел вырвать у нее из рук ружье. Краем глаза я видел, как дернулось после выстрела тело Джеффа.

Я завладел ружьем. Линда смотрела на меня пустыми, стеклянными глазами. Лицо ее утратило всякое выражение, нижняя губа отвисла, обнажив зубы. Я помню, что к одному зубу прилипла крошка табака и что у меня возникло нелепое желание сцарапать ее ногтем. Я не знаю, что говорилось и говорилось ли что-нибудь вообще, потому что здесь у меня как раз и возник один из провалов памяти.

Я помню затем себя с ружьем в руках и Линду, стоявшую в нескольких стах ярдах от меня в воде в неудобной позе, так как ее рвало. Я не мог посмотреть на тела Стеллы и Джеффа. Я всегда был таким. Как-то несколько лет назад Линда смеялась надо мной. Ночью в нашем дворе сдохла кошка. Я не знаю, как это случилось. Я не мог дотронуться до нее, не мог на нее смотреть. Я вырыл яму и ушел. Закопала кошку Линда.

Сейчас Линда, сложив ладони лодочкой, зачерпывала морскую воду и энергично полоскала рот. Когда я подошел, она посмотрела на меня все теми же пустыми глазами.

— Ступай... доложи!— сказала она хрипло.

— Пойдем со мной!— потребовал я.

— Нет.

Я взял ее за запястье и потащил к коттеджем, к машине. По дороге она стала спотыкаться и наконец безвольно опустилась на песок, закрыв глаза.

— Поедем со мной,— сказал я.— Ты больна.

— Нет.

Здесь у меня опять провал памяти. Следующее мое воспоминание относится к моменту, когда я садился в машину. Что-то мешало мне и раздражало меня, но я не сознавал, что именно. Заставив себя сосредоточиться, я обнаружил, что в левой руке все еще держу ружье. Я сжимал его так крепко, что у меня свело пальцы. Оно мешало мне закрыть дверцу. Это было вроде тех препятствий, от которых приходят в ярость, когда сильно перепьют. Я положил ружье на заднее сиденье. Как я добрался до Хукера, я совершенно не помню. Никакого плана действий у меня не было. Я знал, что Линда заболела и совершила бессмысленное злодеяние. Свойственная ей несдержанность перешла в безумие. За время этой короткой поездки я успел лишь принять решение стать на ее защиту и убедил себя, что все ее странное поведение в предыдущие две недели было уже сигналом тревоги.

Я остановил машину у рынка. Мисс Джетро так описывала потом мои действия: «Он вошел, тяжело дыша, и взгляд у него был какой-то дикий. Он смотрел на меня, облизывая губы, и мне пришлось дважды спросить его, что случилось, и тогда он сказал, что его жена застрелила ту пару из второго коттеджа Дулея. Такая это публика. Они приезжают сюда, и пьянствуют, и доводят себя до такого состояния, что сами уже не знают, что творят. Он был в пляжных штанах и, хотя в лавке было жарко, весь дрожал и покрывался гусиной кожей».

Бафорд Рансей, который как раз зашел за хлебом, усадил этого Коули на стул, пока я вызывала по телефону шерифа. Мне сказали, что в пяти минутах от нас находится сейчас патрульный автомобиль и что с ним свяжутся по радио. Коули все сидел с закрытыми глазами, облизывая губы и дрожал. Бафорд Рансей дал ему сигарету, так я думала, он не удержит ее в зубах. Когда подъехал патрульный автомобиль с Дайком Мэтьюсом, Коули уже немножко успокоился. Дайк сказал, что шериф Вернон со своими людьми скоро будет и что хорошо бы кто-нибудь подождал и показал им дорогу. Бафорд вызвался это сделать. Коули сел в большую машину, а Дайк поехал следом за ним. Люди уже прослышали о случившемся, и еще две машины тоже сразу поехали туда. Когда через двадцать минут Бафорд только собрался проводить на место шерифа Вернона, думаю, половина города была уже в Верано Кей и стояла там, открыв рты».

Поскольку мы с Мэтьюсом ехали в разных машинах, я не мог дорогой поговорить с ним. Я остановил машину у коттеджа Джеффрисов, подумав вдруг, должен ли я буду упаковать и отправить на север их вещи и придется ли мне вести назад их машину. Мэтьюс затормозил рядом со мной. Он был угловатый, с обветренным лицом, с длинной шеей, на которой сильно выдавался кадык, и с узкими голубыми глазами.

Берег отсюда не был виден. Мы вышли, и Мэтьюс, заглянув на заднее сиденье машины Джеффриса, спросил:

— Это и есть то самое оружие?

— Да,— ответил я и открыл дверцу, чтобы достать его.

— Не трогайте,— резко сказал Мэтьюс.— Вы его сюда положили?

— Да,— сказал я.

Он сплунул и посмотрел на небо.

— Ну, так где же они?

— Там, на пляже. Мы

лежали на солнце. Мистер

Джеффрис стрелял по жестянкам. Моя жена взяла ружье. Она выстрелила в голову миссис Джеффрис с очень близкого расстояния. Потом стала целиться в мистера Джеффриса. Он побежал. Она выстрелила, и он упал, и тогда она выстрелила еще раз. Я отобрал у нее ружье. Она... она странно вела себя последнее время.

Мы вышли на дорогу и направились к берегу. Две другие машины остановились у обочины, и люди, увидев, куда мы идем, двинулись за нами.

— Убила их обоих, э-э?— спросил Мэтьюс.

— Убила миссис Джеффрис. Может быть, мистер Джеффрис только серьезно ранен. Но думаю, что и он убит.

— Вы не поглядели?

— Нет. Мне... мне следовало поглядеть. Но я был просто потрясен. Я поехал за помощью.

Мы поднялись на холмик и посмотрели вниз, на пляж. Отсюда могло показаться, что Стелла просто принимает солнечную ванну. Видны были ее темные очки, лежавшие с краю на полотенце; видно было, как отсвечивает на солнце ее бутылочка с лосьоном. Мое одеяло лежало расстеленное подле ее тела.

И это все. Тела Джеффа не было. Линды не было. Я ничего не понимал. У меня возникли самые дикие предположения: Линда утопилась; Джефф каким-то образом дополз до коттеджа.

Мы подошли к трупам. Я заставил себя глянуть в ту сторону, но, увидев тучу мошак, отвернулся.

— Где второе тело?— спросил Мэтьюс.

— Не знаю. Возможно, он ранен не так серьезно, как мне подумалось.

— Где он был?

— Вот здесь.— Я указал на то место.

Он присел на корточки, оглядел песок и поднялся. Шест человек были уже меньше чем в двадцати футах от трупа и пялили на него глаза.

— Назад! Назад, черт подери!— рявкнул Мэтьюс.

Все чуть попятилось, продолжая глазеть. Мэтьюс сердито бросился к трупу, рывком растянул мое скомканное полотенце и с неожиданной деликатностью прикрыл изуродованную голову Стеллы.

Я посмотрел на песок. Он был сухой и горячий, и на нем не оставалось следов. Босая ли, обутая ли нога ступала на него, песчинки тут же снова смыкались, не позволяя увидеть отпечатка. Я пошарил глазами по воде, ища торчавшую над ее поверхностью голову. Я окинул взглядом берег, простиравшийся далеко на север и до мыса на юг. Все это огромное пространство было пустынно. Лишь крачки с громкими криками ныряли в море.

— Где она стояла?— спросил Мэтьюс.

Я стал на то место, где стояла Линда. Теперь, когда лицо Стеллы было закрыто полотенцем, я мог глядеть на нее. Это было темно-коричневое полотенце. Я вспомнил, что Линда купила набор таких полотенец на дешевой распродаже.

Мэтьюс присел на корточки, разглядывая гильзу от патрона. Затем вздохнул, поднялся и снова сплунул.

— Пойду загляну в коттеджи,— сказал я.

— Мы пойдем вместе.

Теперь на берегу было уже восемь человек. Я не заметил, как подошли последние двое. Мэтьюс шуганул их и сказал:

— Эй, Флетч!— Толстяк в поношенных брюках цвета хаки кивнул.— Приглядите за ними. Не позволяйте им топтаться здесь.

Мы пошли к коттеджем. Подъехала еще одна машина. Приехавшие вышли, посмотрели на нас и заторопились к берегу. Мы заглянули сначала в наш коттедж. Он был пуст. Мы снова вышли и посмотрели на пристань.

— И сколько же берет Дулей за месяц в это время года?— спросил Мэтьюс.

— По сто пятьдесят за коттедж.

— Гм-м. Долго вы дружили с этими Джеффрисами?

— Около года.

— И вместе приехали сюда?

— Мы с женой приехали на машине. Джеффрисы прилетели самолетом на два дня позднее нас.

— Чье это ружье?

— Джеффриса.

— Он привез его с собой на самолете?

— Нет. Весь их багаж был в машине. Это вообще его машина. Он должен был вести ее на обратном

ЛИНДА

Джон Д. МАКДОНАЛЬД

Перевод с английского
Татьяны ГИНЗБУРГ

пути, а мы собирались лететь. Мы должны были вылететь в эту субботу.

— Похоже, все ваши планы нарушились.

— Да,— сказал я.— Похоже на то.

— Не знаете, с чего это она в них стреляла?

— Понятия не имею. По-моему, она заболела.

— Что, с ней уже такое бывало?

— Нет. Никогда. Но, наверно, при каких-то обстоятельствах это может случиться с каждым.

— Вернемся-ка лучше назад, пока кому-нибудь не вздумалось заглянуть под это полотенце.

Я насчитал на берегу пятнадцать человек. Двое маленьких мальчиков, утратив интерес к происходящему, рылись в песке.

Мэтьюс отогнал зевая и, присев на корточки неподалеку от трупа, стал рассеянно подбрасывать и ловить ракушку.

— Я пройду по берегу и погляжу,— сказал я.

— Вы останетесь здесь. Сейчас подъедет шериф.

Шериф Вернон был болезненного вида человек.

Он страдал одышкой и имел нездоровый цвет лица.

За ним следовали четверо; двое из них в форме дорожного патруля. Он протолкался через толпу, повернулся к стоявшим и приказал:

— Назад!

Они отошли на несколько шагов.

— Назад до самой дороги. Уходите отсюда. Все уходите. И уберите детей.— Голос у него был, как удар хлыста.

Люди угромо попятнулись, но им пришлось пятиться до самой дороги. Остановившись на холме, они стали оттуда наблюдать за нами.

— Док еще не показывался?— спросил Мэтьюса шериф.

— Нет еще.

Вернон, бурча себе под нос, подошел и приподнял край полотенца. Он довольно долго смотрел, затем снова опустил полотенце, выпрямился, посмотрел на меня и обратился к Мэтьюсу:

— Ну?

— Этот человек Пол Коули. Он и его жена отдыхали вместе с Джеффрисами в коттеджах Дулея. Он говорит, что его жена...

Я перестал слушать. Я снова посмотрел на север, потом на юг. Посмотрев на юг, я увидел вдали две маленькие фигурки, которые приближались к нам со стороны мыса. Они шли спокойно, не торопясь, бок о бок,— мужчична и женщина.

— Кто-то идет сюда,— сказал Мэтьюс.

Теперь все мы смотрели туда. Те двое ускорили шаг. Я узнал Джеффа и Линду. Джефф держал в руке удочку. Оставив Линду, он бросился бежать к нам. Я устоял на него, не веря собственным глазам. Приблизившись, он замедлил шаг; лицо его напряженно застыло.

— Что случилось?— спросил он резко.— Пол, в чем дело?

Затем он увидел ее. Бросив удочку и моток лески на землю, он упал на колени и после секундного колебания приподнял полотенце. В это время подошла Линда. Она пронзительно закричала. Я круто обернулся на ее визг и увидел трех трепыхавшихся на песке еще живых крупных рыб.

— Что с ней произошло?— беззвучно, не своим голосом спросил Джефф.— Что сделали со Стеллой?

Кто-то отнял у него полотенце и снова накрыл ее лицо. Толпа опять стала приближаться к пляжу.

— Ей выстрелили в голову,— грубо сказал Вернон. Джефф устоял на меня.

— Пол... Это был несчастный случай. Правда, Пол? Пол!

Он поднялся на ноги. Губы мои шевелились, но я не мог выговорить ни слова. Я отступил на шаг. Линда издала странный горловой звук, шагнула в сторону и повалилась на землю. Джефф подошел ко мне и так двинул меня кулаком по уху, что я упал. Публика закричала. Он кинулся на меня и схватил за горло. Я попытался оторвать его руки. Он тяжело дышал. Его силой оттащили от меня. Я сел, потирая руками шею. Четыре человека повисли на Джеффе, а он боролся с ними, стараясь вырваться. Я кашлял. В горле у меня было такое ощущение, точно я наглотался песку. Кто-то перевернул Линду на спину и стал массировать ее руки, с опаской поглядывая на Джеффа.

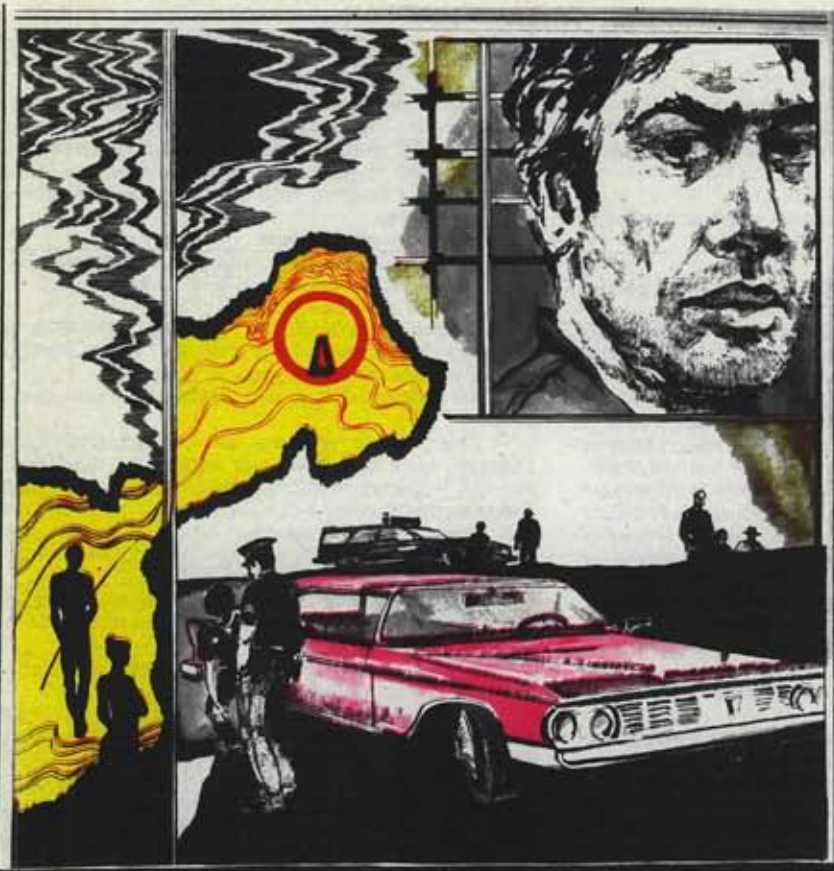

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

— Ладно, — внезапно успокоившись, деревянным голосом сказал тот. — Ладно, можете меня отпустить.

Они осторожно отпустили его, готовые в случае необходимости схватить снова.

— Что здесь, черт возьми, происходит? — требовательно спросил шериф Вернон.

Я медленно поднялся. Вся левая половина лица у меня горела. Джефф с горечью смотрел в сторону залива.

— Думаю, я могу объяснить вам, — сказал он. — Коули все эти две недели приставал к моей жене. Глупо и неуклюже пытался за ней ухаживать. Стеллу это сначала забавляло. Потом я потребовал, чтобы он оставил ее в покое. Он обещал, но стоило ему выпить, как все начиналось сначала. Мы решили уехать. Линда — миссис Коули — упростила нас остаться. Вчера и сегодня с утра он вел себя как будто лучше. Я собрался поудить рыбу. Линда захотела пойти со мной. Стелла сказала, что останется здесь. Коули попросил у меня ружье, сказал, что хочет потренироваться в стрельбе по мишеням. Должно быть, он опять принялся за свое, и Стелла рассердилась. Мне не следовало оставлять их одних.

Я в изумлении смотрел на него. Это было как в кошмарном сне. Все смотрели на меня. Один из полисменов приблизился ко мне. Линда села, глядя на меня со странной грустью.

Должно быть, у меня и впрямь был виноватый вид. Дрожанием голосом я крикнул:

— Неправда! Все было совсем не так! Это у тебя, Линда, были шашни с Джеффом. Ты застрелила ее. Я видел, как ты ее застрелила, и ты стреляла в Джеффа тоже.

Он уставился на меня.

— Линда застрелила ее! Линда последние полчаса была вместе со мной. Она поймала две из этих трех рыб. И ты говоришь, Линда стреляла в меня, Коули? Куда стреляла? Покажи, где у меня рана.

Линда подошла ко мне и двумя руками схватила мою руку. Пальцы у нее были холодные. Она посмотрела на меня. Губы ее были скорбно сжаты, но в глубине ее глаз сверкнули на миг искорки триумфа. Она выглядела скромно и респектабельно в этом своем закрытом купальном костюме.

— Пожалуйста, дорогой, — сказала она. — Ты не знаешь, что говоришь. Пожалуйста, успокойся, милый.

Я ударил ее в ее лживый рот, разбил ей губы, и она упала. Они все прыгнули на меня. Они схватили меня: защелкнули на моем запястье наручник и приковали цепью к полисмену. Они потащили меня к одной из своих машин. Подъехал санитарный автомобиль, и из него вышли двое. Человек с черной сумкой мельком взглянул на нас и прошел к пляжу. Меня усадили в полицейскую машину и увезли.

Босвортс, центр округа, находился в восемнадцати милях южнее. Меня арестовали по подозрению в убийстве, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев. Я все еще был в шортах и босиком, что никак не соответствовало серьезности происходящего. Мне

дали серый саржевый комбинезон, который был слишком велик для меня, так что я подвернул снизу брюки и обшлага рукавов. Комбинезон был чистый и жесткий, и от него пахло дезинфекцией. Я ответил на вопросы о возрасте, имени, адресе, роде, весе, времени и месте рождения; сказал, что несудим и к ответственности не привлекался. У меня было такое чувство, что разговор ведется через толстое стекло. Я видел движения губ, но слова слышал неясно.

Потом меня повели по длинному коридору, и мои босые ноги шлепали по холодному кафелю. Встречные поглядывали на меня с любопытством. Сквозь открытые двери, мимо которых мы проходили, видны были девушки в легких блузках, работавшие за своими конторками. Меня доставили в маленькую комнату с большим столом, пятью стульями и двумя зарешеченными окнами; усадили на стул и велели сидеть смирно. Со мной оставили толстого,

краснощекоего молодого человека в серых брюках и белой спортивной рубашке, перетянутой портупеей. Он сидел на столе, скрестив ноги, и перебрасывал спичку из одного угла рта в другой.

Теперь мне все было ясно. Все кусочки мозаики, прежде мне непонятной, после заключительного акта стали на место. Теперь я мог пронумеровать их. Несомненно, Линда давно тайком встречалась с Джеффом. И не просто встречалась. Для нее это был тот случай, которого нельзя упустить. И им обоим было мало их ворованного счастья. Им нужно было иметь все. Все на свете.

Я вспомнил ее напряженное молчание по дороге сюда. С тех пор как она услышала от Карбонелли описание Верано Кей и узнала, как там пустынно по окончании сезона, она задумала свое преступление.

Договорившись с Джеффом, она завела тот разговор за игрой в бридж. Джефф, как они условились, горячо поддерживал ее. Так они заманили нас обоих в ловушку. Джефф приобрел ружье. Я вспомнил, что оно было совсем новое. Целыми часами уже здесь обсуждали они детали, практиковались, репетировали. Они решили — или это Линда решила — избрать самый дерзкий путь. Они были уверены, что двум белым мышкам не выскользнуть из западни.

Они все учили. Он научил ее обращаться с ружьем: она должна была хорошо стрелять, чтобы ее пуля случайно его не задела. Она знала, что я не подойду к нему. Она не забыла ту кошку.

В Хукере должны были вспомнить, сколько раз меня видели там вдвоем со Стеллой.

Даже живая рыба! Эта порода рыб живучая. Вчера Джефф один ходил на рыбную ловлю. Я не видел, как он вернулся. Несомненно, он поймал этих трех рыб и оставил их в воде, нацепив на леску, конец которой прикрепил к низко свисавшей над заливом ветке ризофоры. Там же припрятал он и свое рыболовное снаряжение. Три живые рыбы — это не просто удачная, это почти гениальная деталь.

Они знали, что я отберу у Линды ружье. Интересно, сколько раз они все это репетировали? Вероятно, такое скопление публики было для них неожиданным. Но ни для кого, кроме меня, действия их не выглядели неправдоподобно. Я видел, что зрителей они убедили.

Как внимательно должна была Линда осмотреть берег, прежде чем навести на Стеллу ружье? Как долго она колебалась? Или она не колебалась вообще, а Джефф, сцепив зубы и играя желваками, смотрел на залив в ожидании выстрела, который освободит его от жены, желавшей жить скромно. Выстрела, который откроет перед ним новый мир — мир, где он сам станет обладателем этих денег и где женщина, захватившая их для него, тоже будет принадлежать ему.

Легко было предвидеть, как поведет себя этот дурак Коули. Едва машина скрылась за поворотом, они поспешили к тому месту, где Джефф спрятал рыбу и снасти. Может быть, они из укрытия наблюдали за пляжем, чтобы появиться в самый нужный

момент, как потом и случилось. Его нападение на меня было запланировано и вместе с тем искренно. Оно явилось разрядкой для его напряженных нервов и позволило ему выставить себя в выгодном свете перед властями, ведь действовал он с энтузиазмом.

Хотел бы я знать, что он ощутил при виде мертвого лица своей жены. Торжество? Жалость? Тревожное предчувствие возможной неудачи?

Сейчас не время было думать об этом. Краснощекый молодой человек поглядел на меня. У него были добрые, задумчивые глаза.

— Хорошенькая история, — сказал он мягко.

— Можно мне закурить?

— Берите.

Я с благодарностью затянулся.

— Мне нужно бы иметь адвоката, — сказал я, удивляясь, что голос мой звучит так спокойно.

— Пожалуй.

— Вы здешний. Не порекомендуете ли мне кого-нибудь?

— Многие в таких случаях выписывают адвоката из Тэмпы. Но лично я считаю, что наш Дженимен не хуже любой импортной знаменитости. Он борец, этот парень.

— Могу я позвонить ему?

— Вам скажут, когда можно будет воспользоваться телефоном, мистер.

— А вообще, что сейчас будет?

— Ну, полагаю, Вернон свяжется с Карлом Шеппом, прокурором, и они возьмут показания у вашей жены и у этого Джеффриса, а затем приедут сюда побеседовать с вами.

— Я ведь не обязан разговаривать без юриста, не так ли?

— Не обязаны.

В половине третьего мне принесли сэндвич и кока-колу. Я заставил себя съесть полсэндвича. Другую половину съел мой краснощекый страж. В три явилась торжественная процессия: Вернон, прыщавая стенографистка, высокий седовласый мужчина, похожий на политического зазывалу, и молодой человек в розовой тенниске с загорелыми, очень сильными руками, с лицом, точно вырезанным из цельного куска дерева, и умными глазами. Вернон поглядел на меня с равнодушным профессиональным неодобрением. Прыщавая девица уставилась с благоговейным ужасом. Политикан взирал с высоты сурового и непреклонного закона. Крепкий молодой человек смотрел на меня с живым человеческим интересом в глубоко посаженных серых глазах.

Они расселись, и Вернон сказал:

— Коули, это мистер Карл Шепп, окружной прокурор, а это его помощник мистер Дэвид Хилл. — Он открыл лежащую перед ним папку с бумагами и продолжал: — Сейчас мы зададим вам несколько вопросов для протокола. Все, что вы скажете, может быть впоследствии обращено против вас.

— Мне хотелось бы, если можно, чтобы при беседе присутствовал адвокат.

— Это ваше право, — неохотно сказал он. — Мы отложим беседу до тех пор, пока вы свяжетесь с адвокатом и проконсультируетесь с ним, Коули.

— Я не хочу предварительно консультироваться с ним. Я и без того отвечу на любые ваши вопросы. Я просто хочу, чтобы он был при этом и слышал все, что я скажу.

— Руз, — обратился Вернон к моему краснощекому стражу, стоявшему у дверей. — У меня в кабинете есть список всех адвокатов, практикующих в нашем крае. — Принесите его и...

— Я хотел бы иметь адвокатом Дженимена, — сказал я.

Вернон кинул на Руза яростно-злой взгляд.

— Уже распустил язык, э-э? Хорошо, позвоните вашему приятелю Дженимену и вызовите его сюда.

Пока мы ждали, Вернон и Шепп, сидя рядышком, просматривали папку и шепотом переговаривались. Вернон перелистывал страницы.

Калвин Дженимен влетел в комнату на всех парах. Другие из-за жары были в спортивных рубашках. На Дженимене был костюм цвета ржавчины и светло-желтый галстук бабочкой. Костюм сидел на нем плохо. Пожалуй, ни один костюм не подошел бы ему. У него было короткое туловище и длинные паучьи руки и ноги. Зачесанные назад черные волосы открывали покатый лоб и красное шишковатое лицо. Бледно-голубые, как снятое молоко, глаза, мельком скользнув по лицам, остановились на мне.

— Не поддавайтесь им, Пол, — сказал он. — А вы, ребята, очистите-ка помещение и дайте мне потолковать с моим клиентом.

— Я готов отвечать на любые вопросы, какие они пожелают задать мне, без предварительных инструкций, — сказал я.

— Тащите сюда еще один стул, Руз, — потребовал он и хмуро поглядел на меня. — Не люблю, чтобы начинали говорить, не проконсультировавшись. Впрочем, нам, как вы сказали, нечего скрывать. Так что валийте, Верн!

Стул был принесен, Дженимен сел, и допрос начался.

ся. Сперва мне предложили дать показания в форме свободного рассказа. Затем Вернон стал разбирать все по пунктам.

— Вы увидели тень от ружья?
— Да, сэр.
— Что вы увидели, оглянувшись?
— Я увидел Линду, целившуюся в голову Стеллы.
— Глаза той были закрыты?
— Да. Она лежала на спине. Солнце светило ей в лицо.

— На каком расстоянии от ее головы находилось дуло?

— Футы в пяти, может быть, немного меньше.
— Вы давали ей повод для ревности? Могла она из-за этого убить миссис Джеффрис?

— Нет. Я уже сказал вам, что это Линда и Джеффрис сами...

— Да, да. Вы умеете обращаться с ружьем?

— Да, сэр. Я стрелял по жестянкам. Я неважный стрелок.

— Сколько раз вы ездили в Хукер с миссис Джеффрис?

— Раз пять-шесть.
— Были вы с ней в заведении, именуемом «Воронье гнездо»?

— Да, сэр. Чтобы убить время, пока приводили в порядок машину.

— Плакала она, когда была там с вами?

— Да, сэр.
— Из-за чего она плакала?

— Она была расстроена из-за поведения Джеффа и Линды, испортившего наш...

— Да, да. Правда ли, что как-то вечером, увидев миссис Джеффрис одну на берегу, вы пошли за ней и стали делать ей непристойные предложения?

— Нет, сэр.
— И это не вы настояли на совместной поездке с Джеффрисами сюда? Не вы обо всем договорились?

— Нет, сэр. Джеффрис написал мистеру Дулею, послал ему чек и вообще все устроил.

— Он сделал это не по вашему настоянию?

— Нет, сэр.

Вот в таком духе велся допрос. А под конец Вернон поглядел на меня, на стенографистку и сказал:

— Этого, милочка, не записывайте. Послушайте, Коули, вы ведь не дурак. Какого же черта вы надеетесь, что умные люди поверят подобным небылицам? Я был там. Я собственными глазами видел реакцию Джеффриса. Я видел реакцию вашей жены. Я видел и вас. Я знаю, как вы вели себя, когда приехали сюда, в Хукер, на рыночную площадь. Я беседовал с вашей женой. Она славная девушка, и вы разбили ей сердце. Я беседовал с Джеффрисом. Он буквально ошеломлен случившимся. И вы еще можете сидеть здесь и лгать нам, делая при этом честное лицо. Да и ложь-то ведь неумная, господа, помилуй!

— Вы нападаете на моего клиента, Верн,— вмешался Дженимен.— Для меня непостижимо, как вы беретесь решать, кто лжет. Ясно как день, что эти два хитреца оговаривают моего клиента. Джеффрис завладевает деньгами и женой этого парня. Какой еще вам нужен мотив? Боже, человек не совершает убийства из-за неудачного флирта, а?

— Джентльмены, мы едва ли решим сейчас этот вопрос,— важно объявил Карл Шепп и встал.— Верн, я буду вам очень обязан, если вы уточните детали, о которых мы с вами говорили, и представите мне весь материал к завтрашнему утру. Мы с Дэйвом просмотрим его и сформулируем обвинение.

Меня отравили в камеру. К моему удивлению, она оказалась большой и чистой, с зарешеченными окнами, с привычными к полу кроватью и стулом, с раковиной, унитазом и стальной полкой для личных вещей. Дженимен последовал за мной. Дверь за нами заперли, и мы остались вдвоем.

Я лег на кровать. Кажется, никогда еще я не чувствовал себя таким усталым. Приятно было оторвать наконец босые ноги от холодного пола. Дженимен, засунув руки в карманы, подошел к окну.

— Будь у вас два доллара или два миллиона, Дженимен одинаково поможет вам,— сказал он.— Но знать все-таки интересно. Так чем вы располагаете?

— Я зарабатываю восемь тысяч в год. За дом я могу выручить по меньшей мере семь тысяч, машина стоит долларов пятьсот, и около двух тысяч я имею в банке.

Он подошел и остановился возле кровати, глядя на меня сверху вниз.

— Пол, вы убили эту женщину? Подождите, не отвечайте. Что было бы с этой страной, если бы адвокаты не стали защищать виновных? Вся наша судебная система лопнула бы. Я видел массу убийц. Если вы убили ее, это не изменит моего отношения к вам, дружище.

— Я не убивал ее. Если бы я убил, я сказал бы вам. Все было в точности так, как я объяснил тем, внизу.

— Эта история никуда не годится,— сказал он.

— Это правда. Она должна годиться.

— Такая правда никуда не годится. Такую правду невозможно использовать. Это самая неудачная исто-

рия из всех, какие я когда-либо слышал. Я не могу выйти с ней в суд. Вы хотите выпутаться из этого дела или не хотите?

— Я хочу из него выпутаться.
— Отлично. Тогда придумаем другое. Затвор заело. Вы попытались высвободить его. Случайно ружье было нацелено в ее голову. Вы так испугались, что стали лгать.

— Нет,— сказал я.
— Ладно. Вы потеряли сознание, а когда очнулись, увидели, что она мертва.

— Нет.
— Вы оба решили покончить с собой, но у вас не хватило духу довести это до конца.

Я встал с кровати. Я всегда был человеком покладистым. Сейчас я не был покладистым. Никогда еще я так не повышал голос:

— Нет! Никаких выдумок. Потому что знаете, что это значит? Может быть, меня оправдают или я отделаюсь небольшим сроком, но они-то будут совсем чисты. Неужели вы не понимаете? Они это задумали, и сделали, и рассчитывают теперь выйти сухими из воды. Если меня оправдают или дадут мне небольшой срок, я все равно найду их и убью. Они считали меня ничтожной белой мышью. Я не мышь. И суду я не скажу ничего, кроме правды. Если вы не возьметесь за это дело, кто-нибудь другой возьмется.

Он долго ждал, пока я остыну.

— Пора мыслите еще, Пол. Если вы упретесь на этой истории, штат Флорида обрушится на вас всей своей мощью и превратит вас в лепешку.

— Значит, я не могу...

— Молчите! Ваша история настолько нелепа, что вас подвергнут экспертизе, дабы выяснить, в своем ли вы уме. Вы хотите спастись или намерены стать мучеником? Не отвечайте сейчас. Подумайте. Я навещу вас завтра утром.

Он ушел, и я остался один. Я знал, что отчасти он прав. Мои показания будут противопоставлены их показаниям, причем я не умею держаться на людях, а они умеют. В суде я буду краснеть, и потеть, и заикаться, и, если я скажу, что утром взойдет солнце, это прозвучит ложью. Джеффрис, грубоватый, уверенный в себе, опечаленный, мужественный, сумеет их убедить. Я заранее знал, как поведет себя Линда. Как мою жену, ее нельзя принудить свидетельствовать против меня. Но она может добровольно принести присягу. Она сделает вид, будто хочет помочь мне. И с грустной улыбкой будет меня топить.

Раньше я никогда почему-то не задумывался над тем, как понятие о справедливости и истине может зависеть от умения обвиняемого держаться. Линда и Джефф, я знал, об этом подумали.

Пробуждение от иллюзий всегда болезненно, и часто для этого требуется долгое время. Мое пробуждение от иллюзий, связанных с Линдой, было болезненным, но быстрым. Оно свершилось за какую-то долю секунды, в тот краткий миг, когда она после своего притворного обморока взяла мою руку в свои, и я заглянул в ее глаза. Теперь я задним числом мог понять все, чего прежде не понимал, ослепленный чувством благодарности к ней.

В ту ночь я долго не мог уснуть.

Утром после завтрака мне сообщили, что Линда пришла навестить меня и принесла мои вещи. Первым делом побуждением было ответить, чтобы она оставила передачу и уходила. Но мне любопытно было поглядеть, как она станет себя вести. Им с Джеффом нужно было это посещение для подкрепления их версии.

Линда была в темном, просто сшитом платье и почти без косметики. В руках она держала мою одежду, сигареты, журналы и портативный радиоприемник. Тюремщик был весьма любезен с ней.

— Пожалуйста, миссис Коули. Я вернусь через полчаса. Это все, что разрешается правилами.

Я наблюдал за ней, сидя на кровати.

— Дорогой, мне сказали, что здесь можно ходить в своей одежде, но без ремня и шнурков. Поэтому я принесла тебе спортивные брюки, к которым не нужен ремень, и мокасины. Носки и нижнее белье я положу на полку. Здесь же, я думаю, можно положить сигареты и журналы.

Она чуть улыбнулась мне, села на стул и полезла в сумочку за собственными сигаретами.

— Я разговаривала с мистером Дженименом, дорогой. Сегодня из Тэмпы ждут двух специалистов, которые освидетельствуют тебя. По-моему, это то, что нужно. Ты все последнее время был сам не свой.

— Продолжай, Линда. Это почти забавно.

— Я сказала им всем, дорогой, что не оставляю тебя в беде, что бы ты там ни делал. Это ужасная история, но ты был болен, дорогой. Ты не знал, что творишь. Я не вправе обижаться или сердиться на тебя за фантастическую басню, которую ты им наплел обо мне.

Я смотрел на ее покрытую нежным загаром шею. В два прыжка я мог бы дотянуться до нее.

— Джефф, должно быть, в отчаянии,— сказал я.

— Он ужасно потрясен. Похороны состоятся в субботу в Хартфорде. Нас обоих совершенно замучили репортеры. Они так назойливы.

— Но вы, конечно, все им объяснили.

— Невозможно ведь совсем отказаться беседовать с ними,— с некоторой чопорностью ответила она.— Джефф сегодня вечером поездом повезет покойную. Ему придется остаться там на некоторое время. Как я поняла, существует множество всяких формальностей.

— Верно, с завещанием.

— Да, и с введением в право наследования. Ты в этих делах разбираешься лучше меня, Пол.

— Где ты остановилась?

— Я пока в коттедже. За него ведь уплачено, так что я могу жить там, как ты думаешь? Или ты хочешь, чтобы я была здесь, в городе, дорогой?

— Ты неподражаема, Линда. Поистине неподражаема.

— Просто я поступаю так, как считаю правильным. Говорят, если тебя признают здоровым, суд будет в январе. Я думаю, тебе следует поговорить с мистером Дженименом о нашем финансовом положении, дорогой. Может быть, он поможет нам с продажей дома, машины и прочего. Нам, дорогой, понадобятся деньги, если ты будешь признан здоровым.

— Неужели у тебя легко на душе, Линда? Неужели, даже спустив курок и увидев, что ты наделала, ты осталась спокойна?

На какую-то долю секунды она смежила веки.

— Не глупи, милый,— сказала она спокойно.

— Сколько времени ты ждала подобного шанса? Сколько лет? Почему ты решила, что дождалась его?

Ты дура, Линда. Даже если дело выгорит, то не для тебя. Он знает, что ты сделала. И, значит, знает, что ты за человек. Может быть, на какое-то время ты его и удержишь, но твоя красота уже скоро поблекнет, Линда. А это единственное, что может привлекать его к тебе. Больше у тебя ничего нет. Самое страшное сделала ты, а не он. И он все чаще станет задумываться над этим. Я полагаю, ты рассчитываешь женить его на себе. Может быть, уже сейчас он думает, что с его стороны это было бы глупостью. Ему это не даст ничего больше того, что он уже имеет. Судьба может сыграть с тобой злую шутку, Линда. Ты сделала его свободным, а он бросит тебя. И ты не посмеешь даже жаловаться. Не посмеешь рта раскрыть.

Я видел, как сильно слова мои заделали ее, как окаменело ее лицо, каких трудов стоило ей снова овладеть собой. Затем она улыбнулась.

— Дорогой, выбрось эти фантазии из головы. Бедный Джефф! Эта трагедия так привязала его ко мне.— Она сделала легкое ударение на слове «привязала».

— Тебе лучше уйти, Линда.

Она не стала звать тюремщика. Я сам крикнул, чтобы он выпустил ее. Уже в дверях она обернулась и не столько для меня, сколько для него произнесла:

— Пожалуйста, постарайся уснуть, милый. Сон пойдет тебе на пользу.

Я негромко выругался, и тюремщик, огорченно и негодуя поглядев на меня, с силой захлопнул дверь моей камеры.

Оставшись один, я помыслил и переоделся, с удовольствием снова почувствовав на своих ногах обувь.

Днем меня повели вниз и более двух часов давали мне письменные и устные тесты. А спустя полчаса после того, как я вернулся в свою камеру, пришел Дженимен.

— Вы здоровы, можете не волноваться,— с иронией объявил он.— Знаете, каковы ваши отличительные качества? Непокоримый характер и хороший интеллект.

— Что вас так развеселило?— спросил я.

— Множество ваших отпечатков на ружье. Плюс несколько отпечатков Джеффриса и несколько вашей жены. Но большинство ваших. И Джеффрис указал Верну, где он и ваша жена удили рыбу. Верн нашел там четыре окурка ее сигарет со следами губной помады. Это уединенное место, скрытое заброшенным доком и зарослями ризофоры, так что удильщиков не могли заметить с какой-нибудь случайной лодки. Вот так-то, Пол. Значит, суд должен будет поверить на слово либо вам, либо им. И он поверит им. Вы со вчерашнего дня не передумали?

— Нет.

Он стал рассказывать по камере, засунув руки в карманы, опустив голову и тихо нахвистывая. Потом остановился и вздохнул.

— О'кей. Я сделаю все, что будет в моих силах. Шепп решил добиваться вердикта о первой степени¹. Он сам будет поддерживать обвинение. Голос подоргану. Публика будет рыдать. Ну, черт с ним. Сделаем, что сможем.— Он сказал, что завтра придет снова, чтобы обсудить детали, и ушел.

В восемь явился Дэвид Хилл с большой трубкой в

¹ Убийство первой степени—то есть при отягчающих обстоятельствах, что по американским законам карается смертной казнью. (Прим. перев.)

зубах. Он поглядел на меня через решетку и сказал: — Я представитель противника, так что вы не обязаны разговаривать со мной, Коули.

— Мне все равно, — сказал я.

Он вошел, сел, прибил большим пальцем табак в трубке и раскурил ее.

— Я и сам здесь чужак, — сказал он. — Приехал три года назад. Имел адвокатскую практику в Мичигане. Получил право практиковать во Флориде, а затем был назначен помощником К Шеппу. Доктора сказали, что здешний климат будет полезнее для моей дочурки. Астма. Играете в шахматы, Коули?

— Нет.

— Когда противник атакует, необходимо внимательно следить за каждым его ходом. Самые бессмысленные на первый взгляд ходы могут решить исход поединка.

— Боюсь, что не понимаю вас.

— Эксперты подтвердили то, о чем я уже сам догадывался. Вы человек умный и твердый. Я на казенный счет связался сегодня с вашей службой. Теперь я получил полное представление о вас, Коули. Вы, так сказать, мой противник, и я вижу, как вы делаете бессмысленный ход. Я имею в виду вашу версию случившегося. Вы не дали сбить себя на допросе. Итак, я рассматриваю две возможности. Первая: вы все это сочинили и теперь сознательно лжете. Вторая: вы говорите правду. Теперь спрашивается, станет ли умный противник придумывать версию, которая практически равна для него самоубийству? Ответ: не станет. Вывод: он говорит правду. Раз так, следует внимательнее приглядеться к двум другим героям этой истории. Как вы познакомились с вашей женой, Коули?

Я рассказал ему все, что мог вспомнить о ней, и все, что знал о Брэндоне Джеффрисе. Время от времени он останавливал меня и делал пометки в своей записной книжечке. Беседа наша длилась долго. Когда он наконец поднялся, я сказал:

— Все это, знаете ли, правда.

Он посмотрел на свою погасшую трубку.

— Думаю, что так, Коули. Я телеграфирую Джеффрису, чтобы он вернулся. Ему сказали, что в период следствия он больше здесь не понадобится. Я верну его.

— Что вы собираетесь делать?

— Пока не знаю. — Он поднял на меня глаза, и выражение его лица изменилось. — Если все, что вы говорили, правда, это самое хладнокровное, самое наглое, самое бесцердечное убийство, о каком я когда-либо слышал.

На другой день я часа три работал с Дженименом. Линда принесла мне еще сигарет и читала. Я отказался видеть ее, и тюремщик угрюмо отдал мне передачу. Это была суббота, тот самый день, когда мы с ней должны были лететь домой, тот самый день, когда труп Стеллы Джеффрис был предан земле в Коннектикуте. В воскресенье ко мне никто не приходил. Я прочел все, что у меня было. Этот день тянулся долго.

Дэвид Хилл со своей трубкой явился в понедельник, около полудня. Вид у него был смущенный, словно он принес мне дурные вести. Но когда он все же выложил их, они оказались не такими неприятными, какими были бы для меня неделю назад. Они касались Линды.

— Я поручил навести справки одной надежной фирме, — сказал он. — Мне приходилось пользоваться ее услугами, когда я работал в Мичигане. У них есть контора в Лос-Анджелесе и большой штат сотрудников, так что работают они быстро. Пришлось уплатить им из собственного кармана.

— Я, конечно, возмещу вам расходы.

— Когда она появилась там, фамилия ее была еще Уилстон. Она приехала с женатым человеком. Он бросил ее. Она называла себя миссис Брэди, когда вы снова встретились с ней. Миссис Джулиус Брэди, вы говорили. На самом деле никакого брака не было. Некоторое время она жила в Сан-Бернардино с мелким шулером по имени Джулиус Брэди. Потом у нее были какие-то делишки с солдатами в Кэмп Анца, и ее выслали оттуда. Далее следует небольшой провал, а затем она объявилась в Бэйкерсфилде под именем Линды Брэди. Там ее дважды наказывали на тридцать суток за приставание к мужчинам. Она уехала в Лос-Анджелес и была задержана вместе с человеком, которого разыскивали по подозрению в вооруженном грабеже. Она в это время была больна, и ее поместили в казенную больницу, а после выздоровления предложили ей выехать из города. Это было за три месяца до того, как вы встретили ее на улице. Это... это здорово неприятно, Коули?

Я подумал о ней, о такой, какой она была много лет назад.

— В школе, — мягко сказал я, не глядя на Хилла, — она была самой красивой, самой лучшей. Жизнь сулила ей все, что только может быть прекрасного в мире. Всякий, кто хоть раз увидел бы ее, согласился бы с этим.

— Возможно, и она так считала. Жизнь ничего не дала ей, и она пыталась сама взять все, что только

можно. Она была неразборчива в средствах и пала низко. Затем вы подняли ее, поставили на ноги. И она решила, что теперь-то уж дождется своего случая, большого, настоящего выигрыша.

— Может быть, на сей раз она действительно дождалась.

— Не думаю. Нет, решительно не думаю.

— А как насчет Джеффриса?

— За ним никаких дел не значится. Осиротел. Воспитывался у тетки. Особых средств никогда не имел. Хороший спортсмен. Работал на теплоходе — развлекал и занимал пассажиров во время длительных путешествий. Там он и познакомился со своей будущей женой. Она пристроила его в торговую компанию, и он преуспел. Ее родные сначала были против него, но затем примирились. Он вернется сегодня вечером. Прилетит самолетом.

— Зачем? Чего вы рассчитываете добиться?

— Не знаю. Они понимают, что их обоих повесят, если они допустят хоть малейший промах. Они будут осторожны. Я сотню раз все перепроверил. Надо сказать, они не оставили ни одной зацепки. Вы сказали, что не играете в шахматы?

— Не играю.

— Бывает, видишь, как противник неуклонно зажимает тебя. При правильной игре медленно, но неизбежно погибнешь. Тогда начинаешь делать неожиданные ходы. Порой просто дикий, бессмысленный ход. Но противник не уверен, что ход этот совсем лишен смысла. Он вынужден бороться против неизвестности. В этих случаях иногда и сильная атака захлебывается.

После его ухода я стал обдумывать сказанное. Хоть я и не понимал, как это происходит на шахматной доске, но мне подумалось, что я знаю, как это бывает в жизни. И могу даже использовать такой ход в собственных интересах.

Они действуют против меня и действуют по плану. Они — Линда и Джефф — атакуют. По их замыслу, я должен неизбежно запутаться в расставленных мне сетях. Немного передохнув, я занялся оценкой позиции. Чего они от меня ждут? Совершенно очевидно, они ждут, что я буду сидеть в этой камере, твердя, что моя история правдива, настаивая, чтобы мой адвокат придерживался ее, и терпеливо дожидаться суда, который меня доконает.

Пока я веду себя именно таким образом, они спокойны. Но стоит произойти какому-нибудь отклонению, и они заволнуются.

Я стал думать, какое же отклонение тут возможно. Наиболее очевидной идеей был побег. Я сразу же увидел ее несостоятельность. Это было бы идиотством. Бессмыслицей.

Однако Дэвид Хилл говорил о бессмысленном ходе. И о том, что противнику приходится защищаться от неизвестности. Никакой беды не будет, если я просто поиграю с этой идеей. Меня, правда, несколько удивило, что подобная идея вообще могла прийти мне в голову. Должно быть, Линда и впрямь заставила меня измениться.

Я знал, что моя камера находится на верхнем этаже. Это была одна из двух камер слева от караульной. Вторая камера пустовала. За караульной, в другом конце коридора, был бак с питьевой водой, а за ним несколько маленьких камер. В здании были три этажа и подвал. Никаких лифтов. Попасть на лестницу можно было только через караульную. Я не знал, кто может быть там и вообще всегда ли там кто-нибудь есть. Решетка на окна была крепкой и мелкой. Нет, этот путь не годился.

Значит, оставалась только дверь. Мысли у меня текли медленно, но логично. Я не мог себе представить, что вступлю в бой с вооруженной охраной. Они, конечно, меня не пропустят. Чтобы пройти, я должен либо изменить до неузнаваемости свою внешность, либо стать невидимым. И то и другое представлялось одинаково невыполнимым, так что я решил пока не думать об этом и заняться проблемой замка.

Он был хоть и массивный, но несложный. Тюремщик имел два ключа. Одним он отпирает створку, прикрывавшую скважину второго, главного замка, чтобы заключенный не попытался добраться до него через решетку. Этот главный замок просто захлопывался. Тюремщику после этого надо было лишь запереть створку. Я заметил, что он всякий раз дергает дверь, проверяя, хорошо ли она закрыта.

Уже совсем стемнело, когда у меня наконец зародилась смутная идея, как справиться с этим замком. Он был пружинный, и я догадывался, что ригель у него должен быть небольшой. Если бы его удалось отжать...

Во вторник утром, когда мне принесли завтрак, я имел возможность ближе познакомиться с механизмом. Просунув в дверную прорезь листок бумаги, я получил представление о форме и размерах ригеля. Позднее, после очередного обескураживающего визита Дженимена, я снял заднюю крышку своего приемника. Штекер должен был служить мне отверткой, и я долго отбачивал его о стену, чтобы он

достаточно истончился. Я распотрошил приемник, потому что мне нужна была проволока. Держа ее в зубах, я вертел ее и вертел, пока не отломал куски нужной мне длины. Я изогнул кусочек ее в форме U, по размерам близкой к ригелю. Я знал, что он свободно входит в паз: слышно было, как он хлопал, когда тюремщик дергал дверь. Я вынул еще из приемника тонкую металлическую пластинку и снова завинтил крышку.

Оторвав кусочек резины от клапана в унитазе, я расплавил ее на спичках и налепил ее на U-образно изогнутую проволоку. Спустя час эта резина все еще оставалась липкой. С огромным трудом мне удалось снять изоляцию с куска провода длиной в шесть дюймов, вынутого из приемника.

Теперь я был готов, хотя ничего еще не решил. До сих пор для меня это было задачей, интересной с чисто технической стороны. Мой необщительный тюремщик должен был последний раз заглянуть ко мне после ужина, чтобы забрать тарелку и ложку. Обычно я просовывал их ему, как он велел, через решетку.

Я медлил с окончательным решением до последней минуты. Я даже потянулся уже за тарелкой и ложкой, но затем снова опустился на кровать. Тюремщик сердито рывкнул на меня и вошел. Я неторопливо направился к двери, выставив правую руку вперед. Я засунул U-образную проволоку в паз и прижал ее в тот самый момент, когда тюремщик резко окликнул меня. Я повернулся, и он приказал мне отойти подальше от двери. Я был уверен, что он заметит свободно свисавший конец проволоки. Но он был слишком раздражен, чтобы что-нибудь замечать.

Слих хлопнул дверью так, что она задрожала, и, ворча, удалился. Я облегченно вздохнул. С помощью клочка бумаги я выудил свисавший из замка конец проволоки. У меня получилось нечто вроде крючка, плотно насаженного на ригель. Держа в левой руке металлическую пластинку, я правой стал отжимать замок. Он легко поддавался, и я быстро вставил пластинку. Проволока теперь высвободилась. Пластинка держалась, прижатая высочившей пружиной. Дверь была отперта. Я выпрямился. Если бы кто-нибудь подошел к камере, я вытащил бы пластинку. Замок защелкнулся бы, и мне потом пришлось бы заново все это проделать. Но никто ко мне не заглянул. Медленно подступала темнота. Я подождал до полуночи. Прижав лицо к решетке, я мог видеть узкую полоску света под дверью караульной. Голосов давно не было слышно. Очевидно, в караульной находился только один человек.

С помощью шестидюймового куска обнаженного провода я устроил короткое замыкание в своей камере. Если бы оказалось, что караульная освещается от другого распределительного щита, пришлось бы изобретать иной план. Я снова подбежал к решетке. Полоска света исчезла. Я открыл дверь камеры, подхватив пластинку, чтобы она не упала. Проволока, которой я пользовался, была уже у меня в кармане. Я захлопнул дверь камеры, чтобы замок щелкнул, и вышел в темный коридор. Я помнил, что дверь из караульной открывается наружу, и прижался за ней к стене.

Слышно было, как кто-то уронил в темноте стул и выругался. Под дверью замерцал слабенький огонек. Раньше я думал, что буду дрожать от волнения. Сейчас я был абсолютно спокоен и абсолютно уверен в себе.

Дверь отворилась рывком, задев носок моего мокасына. Ночной дежурный с ворчанием двинулся по коридору, прикрывая рукой пламя спички. В десяти футах от меня спичка погасла. Я пошел в темный пролет дверей, повернул направо, осторожно пересек маленькую комнату и, найдя другую дверь, попал в главный коридор. В дальнем конце его виден был свет. Лестница находилась в тени. Я спустился по ней так тихо, как только мог. Слышно было, как кто-то стучит на машинке. Я двинулся в противоположном направлении и, найдя незапертую дверь, открыл ее. В свете уличных фонарей я увидел, что попал в канцелярию. Я подошел к одному из больших окон и открыл его. Мой прыжок с высоты в шесть футов прямо на кустарник наделал немало шума. Я стукнулся подбородком о колено и до крови рассек губу. Стараясь держаться в тени, я добежал через лужайку от здания суда. Мне показалось, что сзади кто-то хрипло кричит.

Остановившись на миг, чтобы сориентироваться, я двинулся на север. Каждый раз, когда проезжала какая-нибудь машина, я отступал в сторону, в кусты. Я услышал рев сирены, донесшийся с той стороны, откуда я шел. Внезапно меня охватил почти истерический подъем, и я невольно громко хихикнул. Это не мог быть прежний Пол Коули, этот дерзкий убийца, этот отчаянный человек, всегда говоривший «прости», когда ему наступали на ногу, этот головорез из подвальной мастерской, этот пират из отдела снабжения. Сирена смолкла, а потом снова взревела где-то далеко впереди.

Хилл косвенно посоветовал бессмысленный ход. Я такой ход сделал.

ПОДВОДНЫЕ ЧУДЕСА

Этот удивительный, этот сказочный, этот неожиданный подводный мир... Ему посвящены поэмы и диссертации, он завоевывает умы и сердца лихих мальчишек, беззаветно ныряющих в глубину, измеряемую несколькими метрами, и маститых исследователей, опускающих свои батискафы на километровые глубины, казавшиеся еще вчера недоступными человеку. В мечтах и размышлениях о богатствах, тающихся в Мировом океане и на дне его, фигура кладовщика давно уже стала архаикой, уступив место фигуре экономиста. Шагнули вдаль от берегов стальные опоры морских буровых, а на ватманах архитектурных мастерских рождаются дерзкие проекты подводных городов. Море необходимо человеку — и человек с неистовым любопытством изучает, разглядывает, восторгаясь и богатея опытом и знаниями, то, что предлагает ему щедрый и своенравный стихия.

Люди искали и находили под водой пищу, искали и находили затонувшие сокровища, искали и находили редкие полезные ископаемые. И еще они искали и находили под водой приключения, а без приключений, без радостных встреч с неизмеримыми, фантастическими, небывальными — и все же реальными — чудесами жить людям стало бы, наверно, много скучнее.

Итак, чудеса морских глубин, подводные фантазии... Текст и фото мы перепечатаем из американского журнала «Нэшнл джюграфик».

Валери ТЭЙЛОР

И АКУЛЕ НЕ ПО ЗУБАМ...

Сверкающие доспехи — идея, возникшая у моего мужа Рона при виде сетчатых стальных перчаток, в которых мясник разделывал тушу. «Такому материалу не страшны и акулы зубы», — заявил Рон. Наш сотрудник и друг Джеремайя Салливан, гидробиолог, разыскал у массачусетских промышленников Уайтинга и Дэвиса мастеров, которые выковали из нержавеющей стали 150 000 колец общим весом около 15 фунтов.

Мы испытали кольчугу у Сан-Диего, в Калифорнии. Мы приманили рыбами нескольких акул. Одна из них потянулась к макрели, которой я размахивала. Отбросив рыбу, я вместо нее сунула в разинутую пасть акулы свою руку. Челюсти сомкнулись, зажав мой локоть, и принялись терзать его. Я ждала крови и боли, но ни того, ни другого не было. Стальная сетка устояла перед работающими, как могучая острая пила, челюстями голубой акулы.

Кольчуга оказалась надежной! Но эти шестифутовые голубые акулы далеко не самые крупные представители своего вида. Теперь надо было повторить эксперимент в более сложных условиях.

Нам удалось провести его, когда мы попали в Коралловое море у берегов Австралии. Один из ассистентов построил ловушку, чтобы заманить акул в кадр. С полдюжины серых рифовых акул одновременно ринулись за пищей. С приманкой в руке я замешалась в эту компанию, в это страшное скопление целкающих челюстей и извивающихся тел. Вокруг меня со всех сторон были акулы — стремительные серые торпеды, так быстро мелькавшие на голубом фоне, что взгляд не успевал за ними следить.

Внезапно я почувствовала удар и услышала ужасающе резкий звук. Акула вцепилась в мое лицо, срывая шланг дыхательного аппарата. Я повернулась к Рону, ничего не видя, так как маска

УСТОИТ ЛИ КОЛЬЧУГА ПРОТИВ АКУЛЬИХ ЗУБОВ? У БЕРЕГОВ КАЛИФОРНИИ Я ПЫТАЮСЬ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ СОБОЮ ГОЛУБУЮ АКУЛУ. ХОТЯ Я 15 ЛЕТ ВМЕСТЕ С РОНОМ ЗАНИМАЮСЬ КИНОСЪЕМКАМИ АКУЛ, ОСКАЛ ОСТРЫХ, КАК БРИТВА, ЗУБОВ ВСЕЛЯЕТ В МЕНЯ СТРАХ.

сразу же запотела. Ощупью нашаривая мундштук, я попыталась всплыть, но у меня не хватило сил. Костюм тяжелым грузом неумолимо тянул меня вниз, на дно.

...Я уже теряла сознание, когда Рон прижал к моему лицу мундштук. Я глотнула воздуха — обессиленная, потрясенная, ушибленная, но... живая.

Поднявшись на судно, мы рассмотрели четыре точечных следа, оставленных на моем подбородке зубами акулы. Она угодила в то место, где капюшон соединяется с костюмом. Крошечный шрамик навсегда останется здесь неизгладимым напоминанием о той минуте, когда в мое лицо впились зубы акулы.

Питер БЕНЧЛИ

ВЕРХОМ НА МОРСКОМ СКАТЕ

Из мрака бездонной пучины возникло нечто смахивавшее на огромный черный бомбардировщик, сбавило ход, выровняло курс и понеслось прямо ко мне. Приблизившись и обнаружив меня, чудовище приспустило крыло, норовя проскочить мимо. Я потянулся к нему и схватил одной рукой верх открытой пасти, а другой уцепился за переднюю кромку девятифутового крыла.

И мы отправились в путь. Смирный

гигант прокатил меня неторопливо вдоль берега, опустил с 30 футов на 150-футовую глубину, покрутился там со мной в сумерках, пока не решил вдруг снова устремиться к поверхности. А затем, когда до нее оставалось 50 футов, он кувырнулся, сделал сальто в 360 градусов, вышел из пике и принялся вытворять вместе со мной, ослабевшим до дурноты, фигуры высшего пилотажа, как самолет на воздушном параде.

Мы натолкнулись на этого ската семейства мантов случайно. Вместе с двумя специалистами по подводным съемкам, Стэном Уотермэнном и Говардом Холлом, я делал фильм о богатом и многообразном подводном мире вокруг горы (остатков затонувшего когда-то вулкана) в Калифорнийском заливе, который здесь именуют морем Кортеса. Манты часто скапливаются в местах, где глубинные течения проносят макропланктон — основную пищу этого семейства скатов. Но обычно они избегают контактов с людьми.

Однажды нам попался особенно крупный экземпляр — шириной 18—20 футов, двигавшийся на удивление медленно. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что скат угодил в рыбацьи сети и, разрывая их, получил довольно серьезные повреждения. Застраившие в ранах обрывки препятствовали заживлению, а их волочившиеся за мантом концы мешали свободе его движений.

Позднее в тот же день Мишель Биндер, молодая женщина из нашей бригады, спустилась под воду, добралась до манта и уселась ему на спину. Она очистила раны, тщательно обработала их и стянула края. Скат вел себя спокойно. Почувствовав облегчение, он не стал удирать, но явно приободрился и до тех пор катал изумленную женщину, пока в ее аппарате не иссяк запас воздуха.

В последующие три дня манта с готовностью возил на спине всех желающих. Только дважды он выразил недовольство. Один раз, когда Стэн случайно

задел его по глазу. Взмахнув походящим на крыло плавником, скат двинул Стэна по физиономии и до крови рассек ему губу. В другой раз причина, видимо, была просто в дурном настроении. Скат перевернулся на спину, как собака, требующая почесать ей живот, но к себе никого не подпускал.

Остальные манты избегали и сторонились нас до последнего дня. А тут один из них появился с присосавшимися к нему с двух сторон реморами. Горди, сын Стэна, мгновенно схватил их, намереваясь отцепить от манта. Но это ему не удалось. Тогда он, держась за них, как за мотоциклетный руль, умчался на скате в темноту.

Мы долго толковали о том, почему манты сделали для нас исключение и пошли на такой несвойственный им контакт. Вероятно, решили мы, они приняли нас за еще один вид ремор или каких-то иных паразитов, докучливых, но безвредных, которых они привыкли стоически терпеть. Как бы то ни было, нам эти

СЛОВНО НА ПОДВОДНОМ МОТОЦИКЛЕ, МЧИТСЯ ГОРДИ УОТЕРМЭН НА ПОКЛАДИСТОМ МАНТЕ, ПОЯВИВШЕМСЯ С ГОТОВЫМ «РУЛЕМ» — ПАРОЙ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ НА ПОПУТНОМ ТРАНСПОРТЕ РЕМОР.

примитивные животные доставили много радости. И, покидая подводное царство, мы подняли тост за мантов и за отважную Мишель — нашего собственного Андрокла*.

Перевод с немецкого
Татьяны МИХАЙЛОВОЙ.

* Римский писатель II века Авл Геллий рассказывает об Андрокле и льве. Раб Андрокл бежал от жестокого господина в Африку. Там он встретил льва с распухшей ступней лапой. Андрокл вытащил занозу. Впоследствии Андрокла поймали и в наказание за побег приговорили к схватке со львом. По счастью, лев оказался тот же самый и не только не бросился на своего спасителя, но стал выражать ему самые теплые чувства. Сюжет многократно использовался в литературе. (Прим. перев.)

СЕНТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КАК СПАСИТЬСЯ ОТ «ПОМОЩИ»?

Администрация железнодорожной линии «Тазара» приняла решение заменить все китайские дизельные локомотивы. В свое время Танзания и Замбия согласились принять помощь Китая в строительстве и эксплуатации этой жизненно важной для них железнодорожной магистрали. «Тазара» была самой крупной стройкой, осуществленной в Африке с участием Китая.

В начале семидесятых годов Танзания и Замбия, через территорию которых проходит магистраль, истратили огромные средства, надеясь, что лишенная выхода к морю Замбия будет вывозить свой главный экспортный продукт — медь — через танзанийские порты и ввозить необходимые ей материалы и продовольствие.

Уже в 1976 году, вскоре после официального открытия, начали проявляться серьезные дефекты. Низкое качество рельсов и подвижного состава, поставляемых из Китая, стало причиной быстрого выхода из строя вагонов и локомотивов. Полное отсутствие запроектирован-

ных мер безопасности приводило к частым авариям на линии, которую китайская пропаганда провозгласила «нерушимым символом китайско-африканской дружбы». Газета «Нью-Йорк таймс» по этому поводу заметила, что «Китай не имеет современной техники, которая дала бы ему возможность успешно осуществить столь сложный экономический проект в Африке».

С 1976 года Танзания и Замбия потеряли более 30 миллионов долларов из-за постоянного уменьшения движения грузов по линии «Тазара». А ведь еще нужно заплатить Китаю 340 миллионов долларов для погашения кредитов и процентов на них! При этом Пекин не желает ждать, пока линия станет рентабельной, настаивая на выплате долгов в конвертируемой валюте или дефицитной медью из Замбии.

Специалисты считают, что линия никогда не станет рентабельной, если на ней не будет заменено все китайское оборудование.

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

В БОРЬБЕ ЗА ЧИСТУЮ ВОДУ

«Ролайт-80» — так назвали изготовленную в Финляндии установку, предназначенную для сбора расплывшейся по воде нефти. Смонтированная на понтонах и приводимая в движение двумя пропеллерами установка, представляющая собой прямоугольную рамку, которая с одной стороны открыта, медленно движется по поверхности загрязненной нефтью воды, собирая нефть. Находящийся внутри рамки барабан подает насыщенную нефтью водную смесь в рукав-сборник, который частично исчезает под водой. Вода под действием силы тяжести уходит под дно установки и выбрасывается обратно, уже очищенная. Более легкая нефть остается в рукаве, откуда ее откачивают в бак.

Спроектированный фирмой «Ролайт-ой» в Хельсинки собиратель нефти отличается компактностью, и его можно легко перебросить вертолетом с одного участка акватории на другой. Малые габариты и небольшой вес установки придают ей большую маневренность и возможность ходить по мелководью.

«НЬЮСУИК», США

ЭТИ ЗАБАВНЫЕ ЧУДАЧЕСТВА

Пятнадцать лет назад в Праге был образован Клуб собирателей редкостей, насчитывающий в настоящее время около тысячи членов. Что коллекционируют члены клуба? Так, например, в клубе представлены коллекции старинных часов, зажигалок, ключей, оберток от бритвенных лезвий, наклеек от сыра, мини-моделей различных марок автомобилей, оберток от шоколада («рекордсмен» — пражанин Станислав Крамка располагает набором шоколадных оберток, насчитывающим 29 370 штук из 80 стран), бумажных салфеток, принадлежностей для курения, этикеток от винных бутылок, картонных подставок под пивные кружки... И так далее. Клуб регулярно устраивает выставки, издает информационные бюллетени, а также проводит конкурсы — скажем, на самую красивую этикетку или самую оригинальную упаковку. Следует отметить, что за такими выставками и конкурсами внимательно следят представители предприятий, производящих аналогичную продукцию. Так что эти забавные чудачества отнюдь не являются бесполезными...

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ — ЛИМОН

Английский часовщик Тони Эйчл, проживающий в городе Киддермингере, в свободное от работы время любит посидеть за чашкой чая. Однажды он, взяв из лавы лимон, ввел в него два электрода: один цинковый, а другой — медный. Концы электродов Эйчл подвел к миниатюрному моторчику электрочасов. Результат непроизвольного

эксперимента превзошел все ожидания: за одним лимонем часы работали безостановочно в течение пяти месяцев. Изобретательный часовщик решил подключить телевизор к приобретенному по этому случаю ревеню, корни и стебли которого содержат много кислоты.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Там, где жила Клеопатра

Группа американских археологов сделала интересное открытие: наконец-то в Александрии удалось обнаружить остатки одного из самых знаменитых зданий в истории античного мира — дворца египетской царицы Клеопатры. Они были найдены в 65 метрах от существующей набережной, под наносом ила. Здесь же, под водой, были обнаружены остатки одного из семи чудес света — маяка на острове Фарос, высота которого составляла 110 метров.

В свое время Александрия считалась центром мира или даже «целью мира», как об этом возвестит надпись на одном египетском папирусе двутысячелетней давности. Основанная Александром Македонским в 332—331 годах до нашей эры, к началу эры Александрия превратилась во второй по величине город античного мира с населением около миллиона человек. Здесь находился Александрийский музей — научное, литературное высшее образовательное учреждение, имевшее крупнейшее международное значение. При музее была библиотека в 700 тысяч свитков — книг по самым различным отраслям знания. Здесь работали знаменитые ученые — математики Архимед и Эвклид, астрономы Аристарх Самосский и Клавдий Птолемей, философ Филон.

В центре города был дворец Клеопатры, последней царицы династии Птолемеев. Из дворца открывался вид на царскую пристань, а в залах дворца правительница принимала самых знамени-

тых людей своего времени. Хотя о взаимоотношениях Клеопатры с Юлием Цезарем и Марком Антонием имеется богатая литература (достаточно упомянуть имена Вильяма Шекспира и Бернарда Шоу), о самом городе мы знаем не так уж много. Известно лишь, что строителем Александрии был зодчий по имени Демократ, который за основу планировочного решения взял нечто подобное шахматной доске — улицы были прямыми и пересекались под прямым углом. Самые примечательным местом в городе был дворец у пристани, вокруг которого на обширном пространстве размещались многочисленные святыни, статуи, колоннады и павильоны. Резные потолки залов дворца были украшены позолотой, стены и колонны — из мрамора. Полы были вымощены плитками из опикса и алебаstra, двери инкрустированы драгоценными камнями. Историки древнего мира единодушны в том, что дворец был самым роскошным и одновременно самым изящным зданием своего времени и что ни один правитель никогда не имел такой великолепной резиденции, как царица Клеопатра.

Первые остатки дворца были обнаружены на глубине восьми метров — это огромные гранитные блоки из асуанских каменоло-

«ХОББИ», ФРГ

Так, по мнению археологов, выглядел дворец Клеопатры.

АВАРИЯ «НЕБЕСНОГО ВЕЛОСИПЕДА»

Известный каскадер Ив Книвел затеял прославиться полетом через каньон Змеиной реки на специальном «небесном велосипеде». Так он назвал ракету на колесах, которую сконструировал его приятель, работник НАСА. К жесту рискованного полета съехались тысячи зрителей, иные, возможно, потому, что шансы на благополучный исход оценивались всего в двадцать из ста. Суждения скептиков подтвердились уже на старте. Ракета еще не покинула стартовую платформу длиной в 300 метров, как сработал посадочный парашют — и вместо прыжка последовало падение в бездну с долгими секундами ожидания: раскроется ли парашют, стропы которого запутались. Наконец, парашют раскрылся, и вся авантюра, к счастью, закончилась для каскадера лишь ссадинами. Ракета упала в кустарник на дне каньона. Сенсация не состоялась.

«СТАДИОН», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ШЕФ УБИЙЦ

Уже несколько лет во главе секретной спецслужбы Израиля Моссад стоит генерал-майор Ицак Хофи. Этот 52-летний генерал, лучший друг премьер-министра Бегина, — один из немногих, кто пользуется правом входить к премьеру в любое время дня и ночи. И неудивительно: у них много общего. Начинали Хофи и Бегин вместе. Еще до создания государства Израиль они были активными членами сионистских террористических групп, организовывали кровавые погромы в арабских кварталах.

В 1956 году Хофи возглавлял группу диверсантов — «спецподразделение 101», которое действовало в глубоком египетском тылу. Во время боев на Синайском полуострове он бросил клич: «Пленных не брать!»

Последний «лоск» для будущей карьеры был наведен в США. Во времена американской агрессии во Вьетнаме Хофи закончил курсы для специалистов секретных служб в закрытой школе амери-

канского генерального штаба в Хьюстоне. Было известно, что Хофи претендует на высокий пост в Израиле, посему уже тогда ЦРУ установило с ним контакт.

Имя Ицака Хофи в последнее время все чаще стало мелькать в полицейских досье и на судебных процессах в разных странах. Он был разоблачен как руководитель многочисленных антиарабских, антиафриканских и антиазиатских акций террора и саботажа, как организатор многих преступлений во Франции, Норвегии, Уганде, Ливане, Иране... В распоряжении шефа Моссад 850 специально обученных террористов — профессиональных убийц, готовых к любому заданию и беспрекословному подчинению.

«НБИ», ГДР

СОХРАНИТЬ МОЛОДОСТЬ...

Ученые университета Тохоку из северояпонского города Сэндай решили экспериментальным путем проверить широко распространенное мнение, будто умственная работа — наряду с физическими упражнениями — сохраняет молодость.

Профессор Мацусавы и его сотрудники с помощью компьютерной томографии исследовали мозг 211 человека в возрасте от 20 до 71 года. Полученные в результате профильные изображения черепа и мозга позволяют сделать вывод, что у лиц

старше 40 лет наблюдается уменьшение объема мозгового вещества. Однако у людей, занятых активным умственным трудом, этот процесс либо не наблюдается вовсе, либо выявлен в незначительной степени. Так, у ряда обследуемых старше шестидесяти оказались «молодые головы» — изображения их мозга, полученные с помощью компьютера, не отличались от мозговых характеристик тридцатилетних.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Колодец Шерлока Холмса

Знаменитый сыщик Шерлок Холмс и сегодня пользуется огромной популярностью у своих соотечественников. На лондонскую улицу Бейкер-стрит 221-бис, где размещался его рабочий кабинет, продолжают поступать многочисленные письма — в том числе с просьбой прислать бутылку воды из колодца, которым пользовался Шерлок Холмс. Предприимчивый

владелец участка решил воспользоваться благоприятной конъюнктурой. Его ежегодный оборот составляет 20 тысяч литров воды, предварительно обогащенной кислородом. Заказчики, не подозревая об этой несложной процедуре, считают воду из колодца Шерлока Холмса самой вкусной.

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ГРИМАСЫ КАРНАВАЛА

Четыре ночи и пять дней грохочет знаменитый карнавал в Рио-де-Жанейро, и нигде столько не танцуют и не умирают, как здесь. Когда-то это был своеобразный парад исторических костюмов, связанных с событиями бразильской истории. Сегодня карнавал больше напоминает агонию — агонию веселья и горя.

Нынешний карнавал в Рио-де-Жанейро побил печальный рекорд: погибло 270 человек, что на 30 больше, чем в прошлом году... 17-летнюю Марию Арудо смерть настигла на улице в вихре танца. «Мария Арудо — номер 131, — продиктовал дежурный врач городской больницы Соуза Агилар, заполнив свидетельство о смерти. — Пулевое ранение в височную область». А оргия карнавала продолжалась. Большинство из этих 270 человек погибли под колесами машин, в результате отравления алкоголем и наркотиками, в драках и драмах на почве ревности. Продавщицу цветов Марию Арудо застрелил приятель, когда увидел ее танцующей с другим.

Судьба Марии? Вот она... Ходить в школу не было средств. С десяти лет работала прислугой, потом стала продавать цветы. За месяц до карнавала начала посещать народную танцевальную группу. В огромном ободранном зале, где играли огненную самбу с характерным названием «Мы поем, чтобы не плакать», она чувствовала себя

счастливой в своем костюме для танцев, деньги на который собирала больше года.

Беднейшие из бедных танцуют на улицах, прямо на проезжей части, богачи же — в шикарных клубах, где входной билет стоит сто долларов. Столько не зарабатывает семья рабочего с окраины за целый год. Но и на балах «верхних десяти тысяч» смерть является нередким гостем в дни карнавала.

В Рио-де-Жанейро сейчас живет 10 миллионов людей, из них треть — в фавелах, знаменитых трущобах, где обитают безработные, нищие и все, кто выброшен из жизни. Из тысячи рождающихся здесь детей в первые годы жизни умирает 275. Один из государственных инспекторов заявил: «Мало кто из обитателей фавел может заплатить пять круэйро за свиде-

тельство о смерти». 80 процентов детей или вообще не ходит в школу или заканчивает свое обучение на одном-двух классах. Быстро растет преступность, чему способствует и то, что многие полицейские связаны с гангстерами. Тяжелые условия жизни дополняются ростом цен — в прошлом году они поднялись на 80 процентов.

Понятно, почему единственной радостью бедняков становится карнавал — в эти дни они появляются в центре города, поют и пляшут до упаду. После карнавала можно и подзаработать на уборке улиц от мусора. А городской муниципалитет был настолько щедр, что распорядился брать за кремацию бедняков, погибших в дни карнавала, только символическую плату.

«ШТЕРН», ФРГ

СЫР ПРОТИВ КАРИЕСА ЗУБОВ

В настоящее время найдено довольно эффективное средство борьбы с кариесом — одной из самых распространенных болезней зубов. Таким средством оказался сыр «чеддер». Исследования, проведенные д-ром Уильямом Бовеном в Национальном стоматологическом институте США, показали, что этот сорт сыра помогает бороться с кариесом зубов — при условии, что его едят сразу же после потребления сахара, одного из главных виновников порчи зубов. Причины подобного действия сыра пока еще не установлены, но предполагается, что сыр, видимо, вступает в реакцию с кислотой, которая выделяется стрептококковыми микробами и которая разрушает эмаль зубов. Сыр нейтрализует эту кислоту. Возможно также, что сыр непосредственно уничтожает сами болезнетворные бактерии.

ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД
ТРИБЮН, США

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

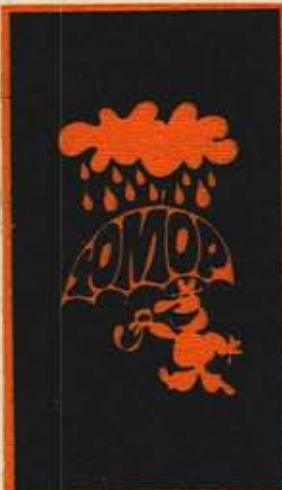
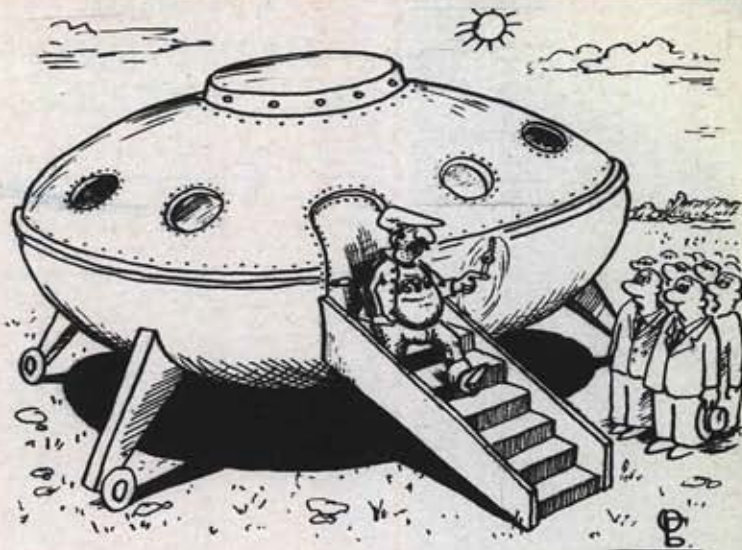

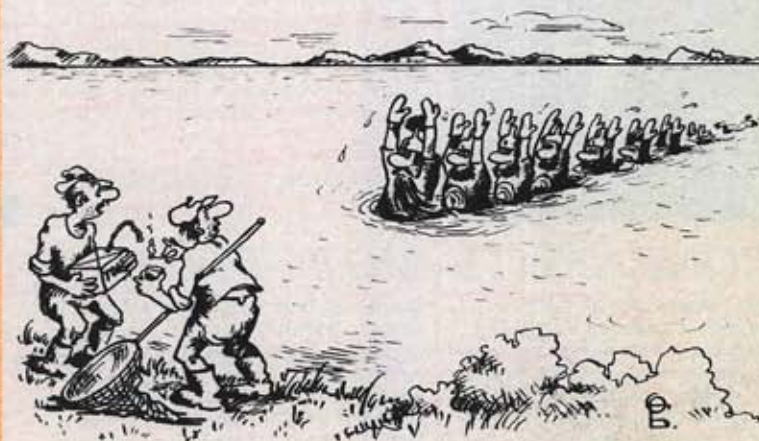
Рисунок Гарифа БАСЫРОВА.

Рисунки Олега БРИКА.

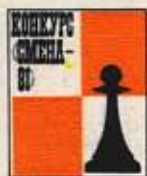
Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

(Продолжение.)

Начало см. в №№ 11—15, 17
журнала)

Седьмой тур

Белые начинают и дают мат в
три хода.

Белые начинают и дают мат в
пять ходов.

III

Ход белых. Кто из партнеров
может при наилучшей игре сторон
добиться победы?

Напоминаем, что ответ на каж-
дое из трех заданий следует
присылать в адрес редакции на
отдельной открытке с обяза-
тельной пометкой «Шахматный
конкурс «Смена-81», тур седь-
мой». Срок отправления писем с
решениями опубликованных
выше позиций истекает 25 ноября
этого года.

ПОБЕДА СБОРНОЙ СССР

Шахматисты 81(II) страны приня-
ли участие во Всемирной олимпиа-
де в столице Мальты Ла-Валетте.
В результате нелегкой многоднев-
ной борьбы почетный переходя-
щий приз — Золотой кубок Гамиль-
тона-Рассела и золотые медали
завоевала сборная СССР, воз-
главляемая Анатолием Карповым.

Кроме чемпиона мира, в нашей
шахматной дружине выступали
гроссмейстеры Михаил Таль,
Ефим Геллер, Лев Полугаевский,
Юрий Балашов и Гарри Каспаров.

Уместно подчеркнуть высокие
достижения на Всемирной олимпиа-
де шахматистов дружественных
социалистических стран. Так,
команда Венгрии была удостоена
серебряных медалей, а «бронза»
досталась сборной Югославии.

О том, как играли советские
гроссмейстеры на Мальте, свиде-
тельствуют три ярких фрагмента
из их партий, которые, мы увере-
ны, понравятся читателям
«Смены».

К такому положению пришел
после 19-го хода белых поединок
А. Карпова (у него были черные
фигуры) с Ф. Олафссоном в матче
СССР—Исландия.

Искусной переброской коня и
образованием проходной пешки на
своем правом фланге черные до-
биваются ощутимого простран-
ственного перевеса. Неудачный
рейд белого ферзя приводит
к неотразимым тактическим
угрозам.

Неожиданной, оригинальной и
очень красивой комбинацией, свя-
занной с жертвой ладьи и коня,
черные лишают неприятельского
короля права на рокировку, пре-
дельно стесняют и связывают фи-
гуры соперника и, быстро завер-
шив мобилизацию своих сил, раз-
вертывают опаснейшую атаку. От-
ражая ее, белые несут невосполни-
мые потери.

19. ... Kf6—d5! 20. Cc1—d2
Kd5—c7 21. La1—c1 Kc7—e6 22.
Cd2—e3 La8—c8 23. Cd1—e2
h7—h6 24. Фb2—d2 Cd3:e2 25.
Фd2:e2 c5—c4! 26. b3:c4 b5:c4 27.
Лс1—с3 Ке6—d4 28. Фе2—f1
Kd4—b3 29. Лс3:c4 Фе7:a3 30.
Лс4:c8 Лd8:c8 31. Фf1—a6?
Лс8—с2! 32. Фа6—e6+ Kpg8—h7
33. Фа8—d5 Фа3—b2 34. Фd5:f7
Лс2:g2+ 35. Kpg1—f1 Лg2—g6! 36.
Лe1—e2 Фb2—a1+ 37. Лe2—e1
Фa1—a2!! и белые капитулирова-
ли.

Здесь перед вами острая ситу-
ация, возникшая после 15-го хода
белых в партии Ю. Балашова (он
играл черными) с Ван дер Вилем
(Нидерланды).

15. ... Kd7:c5!! 16. Ce4:a8
Kb4:c2+! 17. Kd4:c2 Kc5—d3+ 18.
Kpc1—d2 Kd3:b2+ 19. Kpd2—c1
Kb2—d3+ 20. Kpc1—b1 Cf8—c5 21.
Kg1—h3 0—0 22. Ca8—e4
Kd3—e5! 23. Фf3—с3 Фd8—d6 24.
f2—f4 Ke5—c4 25. Ce4—d3
Kc4—a3+! 26. Kc2:a3 Ca6:d3+ 27.
Ka3—c2 Cc5—b4! 28. Фс3—b3
Лf8—c8! 29. Лh1—d1 Лс8—с3 30.
Kh3—f2 Лс3:b3+ 31. a2:b3
Cd3:c2+ 32. Kpb1:c2 Фd6—c5+, и
белые сдались.

Позиция на этой диаграмме сло-
жилась после 17-го хода черных у
М. Талья с гроссмейстером И. Раду-
ловым в матче СССР—Болгария.
Экс-чемпион мира, игравший белы-
ми, элегантно кавалерийскими
прыжками вкупе с активными
операциями других своих фигур и
пешек сковывает действия партне-
ра и организует стремительное
и победоносное наступление.

18. Kf2—e5! Cd7—b5 19:
Ke5—g4! Фf6—g7 20. e4—e5! 19:
Cf8—e7 21. Фd2—d4 Ce7—d8 22.
Kg4—f6+ Кре8—f8 23. Cb3—c4
Cb5—e8 24. g2—g4! g6—g5 25.
Kf6—h5! Фg7—g8 26. e5:d6
Лb6—b7 27. f4—f5! e6:f5 28.
Лh1—e1, и черные признали свое
поражение.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

С 1 января 1982 года цена за экземпляр нашего журнала устанавливается в размере 35 копеек.
Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение и доставку журнала подписчикам.
Стоимость годовой подписки 8 рублей 40 копеек.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.08.81. Подписано к печати 18.08.81. А 11260. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать.
Усл. п. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 2086. Заказ № 1095.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В ТИМПИИОНЕ ЭДУАРДО, САНТЯГО.

1904 AN ANTONIO

СОСТАВ

1904 AN ANTONIO

БОКАРДО

ПРОСТОР. ОМЫТЫЙ СИНЬЮ

Музыка Серафима ТУЛИКОВА

Стихи Владимира ЛАЗАРЕВА

Тебе, тебе,
Мой край любимый,
Я песню сердца вновь отдам
И вновь пойду
К твоим рябинам,
К твоим березам и снегам.

ПРИПЕВ:

Родной простор,
Омытый синью,
Глаза полей,
Глаза друзей...
Всегда со мной моя Россия —
В моей судьбе,
В душе моей.

Взлечу я ввысь,
Где звезды дышат!
В туманах ночи, в свете дня —
Всю боль твою я сердцем слышу,
Всю радость сердцем слышу я.

ПРИПЕВ.

Люблю идти
В полях широких,
Встречаясь с добрыми людьми.
И нет конца у той дороги,
И нет конца у той любви.

ПРИПЕВ.

КРОССВОРД

Составил Б. ШАХТИН,
Москва

По горизонтали:

5. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Три сестры».
7. Город в Ямало-Ненецком автономном округе.
8. Рассказ М. А. Шолохова.
9. Специализированное хозяйство в колхозе, совхозе.
13. Лиственное дерево, кустарник.
15. Графическая разновидность письма в греческих и славянских рукописях.
16. Название серии космических грузовых кораблей.
18. Радиоактивный химический элемент.
19. Лекарственное травянистое растение.
20. Документ об окончании среднего учебного заведения.
23. Геодезический инструмент.
24. Пушной зверек.
26. Стихотворение В. В. Маяковского.
27. Автор слов песни «Молодая гвардия».
28. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес».
29. Легкоатлетический снаряд для метания.

По вертикали:

1. Астроном, почетный академик, Герой Труда.
2. Юбка балерины.
3. Советский литературно-художественный журнал.
4. Река в Якутии.
6. Скульптура.
10. Научный труд, посвященный исследованию определенной темы.
11. Картина И. Н. Крамского.
12. Часть запоминающего устройства вычислительной машины.
14. Учет в определенной области народного хозяйства, общественной жизни.
17. Ночная птица.
18. Животное рода кошек, обитающее в Америке.
19. Поэма С. В. Рахманинова для хора и оркестра.
21. Полупроводниковый прибор, применяемый в автоматике.
22. Советский летчик-космонавт.
25. Стихотворение Н. П. Огарева.
26. Часть речной долины, затопляемая в половодье.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 17

По горизонтали:

1. «Поэт».
5. Дева.
7. Инкрустация.
8. Такса.
10. Вента.
12. Тимптон.
16. Миндаль.
17. Тетерев.
18. Ортоцентр.
19. Сторона.
21. Монсеев.
23. Миранда.
25. Калан.
26. «Набег».
28. Транспарант.
29. «Аида».
30. Азот.

По вертикали:

1. Пакт.
2. Тикси.
3. Арамилль.
4. Паспорт.
5. Дятел.
6. Айва.
9. Аспирантура.
11. Телевидение.
13. Пьящцетта.
14. Заломов.
15. Вторник.
20. «Ариадна».
21. Мадейра.
22. Тафта.
24. Каюта.
25. Куба.
27. Гурт.

МИР ГЕННАДИЯ АРЕФЬЕВА

На ступенях полуразрушенного собора сидят двое: учитель и ученик.

— Рисовать-то ты рисуешь, но надо не только изображать, а чувствовать то, что вокруг тебя. Художник не может не быть поэтом. Живопись — тоже поэзия... — Обычно немногословный, учитель не поучает, а словно размышляет вслух, рассматривая только что нарисованный учеником пейзаж.

Ученик вырос. Не стало учителя. Но запомнились

СОСНЫ НАД МОРЕМ.

НОКТЮРН.

ДЕВОЧКА С РАКОВИНОЙ.

на всю жизнь эти слова. И еще остались картины художника.

В них тот самый настоящий мир, который мог запечатлеть только поэт, человек, влюбленный в море, в эти развалины древнего Херсонеса, в новый Севастополь, в Крым, притягивающий магнитом людей со всех концов страны...

Геннадия Арефьева часто упрекали, что не найти в Крыму именно той улицы, что изображена на его полотне, что его балаклавских домов нет в Балаклаве... Все это так. Работы Арефьева далеки от буквального воспроизведения действительности. Но в них удивительно точно передан образ отчего края. Глядя на пейзажи художника, чувствуешь запах моря и просоленной рыбы, пятками ощущаешь жар раскаленного песка.

Пейзаж — основное пристрастие Геннадия Арефьева. Но он не статичен, не мертв. В нем есть дыхание жизни, порыв ветра, рванувший тонкую ткань воздушной занавески.

«Бой петухов» — и искрометным разноцветным колесом завертели по земле две птицы. «Падение велосипедиста» — крутой поворот, и летит на брусчатую мостовую гонщик. Да, вираж в жизни не под тем углом — и пеняй на себя.

И у него не все выходило в жизни так, как хотелось. Многое опаздывало. Опоздало и признание. Оно пришло после смерти. А при жизни было участие всего в нескольких выставках. Одна персональная. Многое из задуманного не воплотилось в реальные полотна. Но, и то, что осталось нам в наследство, будоражит душу своим кажущимся спокойствием, незащищенностью... Как беззащитные одуванчики на окне.

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ.

Но чтобы это увидеть, надо уметь смотреть, надо учиться смотреть. Сегодня мы все спешим, все торопимся. «Остановитесь», — словно призывают его пейзажи. «Вот миг, — говорят они, — который достоин того, чтобы мы его запомнили».

«Работы Арефьева заставляют по-новому увидеть то, что мы не замечаем в каждодневной суете, оценить красоту бесконечных мелочей, окружающих нас со всех сторон. И происходит это потому, что мы не художники в буквальном смысле этого слова. Остановить мгновение — дар редкий». Это из книги отзывов.

Да, картины Арефьева заставляют нас порой удивляться собственной слепоте. Достигает этого художник не экстравагантностью живописного исполнения, но, скорее, своей индивидуальностью. Несмотря на кажущуюся иногда некоторую резкость пластических приемов, все картины его очень лиричны.

Мир художника поэтичен, одухотворен, пропитан высокой философией. Он учил смотреть и думать. И оставил это нам как величайший дар, как завещание своей души.

Людмила КОХАНОВА